

Сергей Трофимов И.Б.И.

Сергей Трофимов

ИНСТИТУТ БИОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Подготовлено и издано
Книжным Клубом Хакеров Сновидений
emirida.eu

МАРК

День первый

- Это корпуса третьего отдела. Чуть дальше энергоблоки и полигон. А за ограждение и вышки лучше не заходи. Пулю схватишь или заразу какую-нибудь подцепишь.

Маленький майор взглянул на меня и похлопал по плечу.

- Я рад, Марк, что ты оказался здесь. Поверь, это не самое плохое место на земле. Возможно, тебе что-то и не понравится, но тут, парень, второй Байконур, понимаешь? Только ракеты отсюда запускают не в космос, а прямо в твои мозги.

Он довольно хмыкнул и дернул меня за рукав.

- Поменьше ломай голову, не суй нос в чужие дела, и все будет хорошо. Помнишь, как у нас в школе говорили? Ум уступает в остроте любой саперной лопате.

Я вежливо улыбнулся. Все-таки он здорово меня выручил. После одной боевой операции, когда половину роты хоронили в "цинках", а остальные валялись в госпиталях под капельницами, меня отдали под трибунал - за то, что я сломал хребет тому чинуше, который нас так подло подставил.

Я отомстил за ребят, за живых и мертвых, и больше меня ничто не волновало. Следователь пытался докопаться до истины. Он убеждал, грозил и просил ради моей же жизни рассказать ему о том, что произошло на самом деле. Но разве он мог понять, что моя жизнь уже закончилась - там, на том дьявольском перевале? Разве он мог понять, что я навсегда остался со своими ребятами в адовом огне бессмысленного подвига?

- Здесь тебя немного обкатают, покажут кое-что новенькое. Но сначала пройдешь проверку.

Майор гордо осмотрел меня и ткнул кулачком в мою грудь.

- Для тебя все эти проверки - чепуха, вроде анализа мочи. Эх, сынок, я чертовски рад, что ты снова со мной, и что в этой дыре, наконец, появился парень, с которым можно помянуть былые деньки.

Я благодарно сжал его локоть. Он увел меня тогда прямо от стенки, и пятеро дебилов с автоматами глупо смотрели нам вслед, не понимая того, что смерть опять дала мне увольнительную в город.

- Веди себя помягче, Марк. Ты один остался из целого выпуска - моего выпуска и самого лучшего! Они будут колоть тебя шприцами и задавать вопросы. Терпи! Это пешки, понял? Тебе надо показать себя! Произвести впечатление! Тебя должны заметить и оценить. Ты сделаешь это. Я верю!

У входа в мрачное здание нас встретил тощий парень в белом халате. При виде его майор притих и после пары натянутых фраз поспешно удалился. Лаборант провел меня в небольшую комнату и кивнул на кушетку. Я улегся, вытянув ноги. Парень наклеил мне на виски и шею несколько датчиков, что-то вколол в предплечье и вышел.

А за окном сияло летнее солнце. Его лучи щекотали мои ресницы. Веки начали смыкаться. Время шло, но тощий лаборант, как видно, не спешил. И снова вспомнилось, как мы с Тузом и Пашей отбили грузовик. Я прикрывал, а

они переносили раненых. Боевики обходили с фланга. Двигатель чихал и глох. Туз матерился у капота. А потом пуля вонзилась в скалу у самой моей щеки, и осколки камня рассекли мне бровь.

Когда мы оторвались от погони, я проморгался, поднял голову и посмотрел на синее небо. И солнце вот так же слепило глаза и обжигало кожу. В кузове на куске брезента лежали раненые ребята. Мы сидели по бортам и ждали, когда из укромной засады полыхнет огонь. Я чувствовал нутром, что у нас нет ни шанса на прорыв кольца. Но был приказ, и у наших ног стонали лучшие друзья, за жизни которых мы отвечали. Они хватали за одежду, просили пить, а мы не могли отвести глаз от сектора обстрела, и палец на спусковом крючке немел от напряжения.

Потом грузовик выехал на окраину города. Потянулись линии бурых домов, ряды гаражей и темные очертания фабрики...

Я попытался открыть глаза. Это уже был сон. Какой еще город? Какая фабрика? Они встретили нас у Бекеша. Я видел, как лопалась грудь Пашки, и как клочья красной плоти брызгами разлетались в стороны. Машину занесло. Я дал очередь по темным фигурам. Туз снес с дороги горящий "газик", но не успел пригнуться, и заднее окно кабины замутилось кровавыми разводами. Я вскочил на ноги. Тяжесть пулемета помогала держать равновесие, и я косил их под корень, с ликующей радостью ожидая момента, когда нас бросит в кювет, а потом в зияющую пропасть...

- Садись, садись. Мы въезжаем в тоннель.

Меня дернули за штанину. Я упал и ухватился рукой за борт. Вокруг резко потемнело, и только сзади остался блеклый светлый круг. Какой еще тоннель...

Рядом сидели люди. Многие курили. Я видел красные огоньки. Я чувствовал, как чьи-то тела прижимали меня к борту.

- Ты сегодня какой-то странный, Марк,- прошептал голос у моего уха.- Что ты дрожишь, как идиот?

Мы выбрались из темноты, и я увидел насмешливые глаза высокого рыжего парня. Это был Клим - мой старый испытанный друг. Как и все остальные люди в машине, он существовал только во сне. Но я узнал его. Я узнал этот серый разрушенный город, в котором теплилась жизнь моих сновидений. И снова в лицо хлестал холодный свистящий ветер, а в небе вспыхивали алые зарницы, предвещавшие вакуумную бурю.

Раздался треск разряда. Грузовик остановился на перекрестке, и мы начали прыгать через борт. Кто-то толкнул меня в спину, я повалился на тротуар, и тут накатил первая гроздовая волна.

Чудовищный грохот распял людей на мокром асфальте. В глазах помутилось от слез. Сквозь туман забытья я увидел корявое дерево, похожее на ель. Когда мне удалось добраться до ствола, гигантский молот громового раската расплющил мое тело и наполнил мозг вибрирующей тишиной. Из носа пошла кровь. Глаза болели от чудовищного давления.

А огромный дом передо мной распадался на части. Двадцатипятиэтажная громадина лениво и бесшумно осела вниз и накрыла грузовик, под которым прятались люди. Металлическая балка пронеслась в метре от дерева. Ее визгливое шипение было единственным звуком, ворвавшимся в безмолвие контузии. Увернувшись от куска бетонной плиты, я пополз к воротам парка, где меня обычно встречала Мария.

Слева зияла бездна. Сначала шла мостовая, а потом... ничего. Будто в материи мира образовалась дыра диаметром в пять метров. Ее пустота выворачивала меня наизнанку.

Когда дождь кончился, я подошел к горе обломков. Скорбь по товарищам царапнула сердце жгучей болью, но ее тут же смыла волна нелепой радости. Из-под крошева бетона выглядывал уголок чемодана - чемодана с дневным пайком на всю бригаду. Отныне он был мой и только мой.

А наши уже толпились у подъезда. Я увидел у Марии какие-то странные черные волосы. Вчера она выглядела маленькой пухлой блондинкой, а теперь почему-то казалась необычно худой и сутулой. Но я мог бы узнать ее где угодно. На любом перекрестке города, в любой пятиэтажке слева от старого парка я всегда находил свою верную и любимую Марию.

Они все поняли. Я видел в их глазах восхищение и радость. Они обнимали меня, цеплялись за плечи и похлопывали по спине.

- Ну, Марк! Вот это да! Какая удача!

А я умылся и побежал вверх - к нашим крошкам, ради которых мы, молодые парни, ежедневно отправлялись на верную смерть, вырывая у судьбы не только секунды жизни, но и еду для своих семей. Старики внизу обступили Марию. Она с гордостью смотрела мне вслед.

- Марк сдает с каждым днем,- ворчал одноглазый Ной.- Не отпускай его завтра, Мария. Пусть он отдохнет.

Я усмехнулся и поднялся по каменным ступеням до рухнувшего пролета на четвертый этаж, затем свернул в коридор и сделал пару шагов. Они повернулись ко мне.

- Марк? Ты что-то забыл?- спросила Мария.

Я ошеломленно рассматривал их лица. Страх обрушился на меня камнепадом пугающих мыслей. Почему я здесь? Почему я не в детской на третьем этаже? Мне оставалось пройти коридор, свернуть налево, но я оказался внизу, в столовой... И у Марии какие-то странные черные волосы...

Сердце дрогнуло в предчувствии беды, но я собрал свою волю в кулак. Поднимаясь еще раз по лестнице, я следил за каждым шагом. Ступеньки вели вверх. Разве можно было требовать другого доказательства? Вот разрушенный пролет, ведущий на четвертый этаж, коридор... и очертания столовой, из которой я только что поднялся.

Встревоженные лица и тихий шепоток...

- Мария!- закричал я.- Мария! Отведи меня в детскую!

Странные волосы... Лестница, свернувшаяся в кольцо, и мои высохшие руки, которые отчаянно цеплялись за перила...

Я сорвал с висков липкие датчики и, шатаясь, направился к двери. В узком зеркале на стене мелькнуло отражение моего лица. Что-то в нем мне не понравилось. Подойдя ближе, я увидел засохшую кровь на верхней губе и вспомнил о дурацком сне.

Надо же, какая глупость. Жена, детишки...

Поиски тощего лаборанта были недолгими. Я нашел его в соседнем кабинете, где он сидел, развалившись в кресле. С уголка рта медленно стекала слюна, и его рука вялыми взмахами раз за разом размазывала ее по подбородку. На полу валялись пустые ампулы и шприц. Парень устало поднял голову, увидел меня и тихо рассмеялся.

- Посиди. Я сейчас дойду. Это недолго.

В его голосе чувствовалась чудовищная пустота. Мне захотелось уйти - я как-то брезгую такими людьми. Однако лаборант поморщился и довольно осмысленно посмотрел на меня.

- Ну и здоровый же ты, гад!

Его язык заплетался, но я понимал почти каждое слово.

- Какой огромный кусок мяса для псов Дока. Запомни, приятель! Ты, конечно, можешь проскочить через сито наших тестов, но из тебя все равно сделают фарш. Мягкий податливый фарш! Потому что вас всех надо пустить на мясо! Безмозглые куклы с надутыми мышцами! На мясо! На фарш!

Он поднялся и двинулся на меня, вытянув дрожащую скорченную руку. Пальцы парня тянулись к моему горлу. Я слегка сдвинул его запястье и оттолкнул прочь. Лаборант перелетел через кресло и врезался в стол у стены. На пол посыпались скляночки и колбочки.

- А вот это вы зря,- раздался мягкий голос за моей спиной.

У меня в голове редела буря из дурного сна. Возможно, поэтому я и не заметил появления новой фигуры.

- Дима - прекрасный специалист. Можно сказать, единственный в своем роде. Час его работы приносит стране миллионы долларов, и в разработках психоделиков ему нет равных на нашем континенте. Таких людей на руках надо носить, а вы его, как куклу, бросаете.

Я медленно повернулся к двери. Передо мной стоял мужчина лет пятидесяти. Очевидно, он и был хозяином этой богадельни, которую майор назвал "карантином". В нем чувствовалось какое-то врожденное превосходство. Один взгляд - и тут же ясно, кто есть кто. Но больше всего меня поразили его глаза, смотреть в которые можно было часами. Смотреть, не думая ни о чем, забывая о том, что происходило вокруг. Смотреть, не думая... ни о чем...

Встряхнув головой, я отступил на шаг. Мне не понравилась эта необычная слабость в ногах и отсутствие мыслей. Мужчина снисходительно усмехнулся.

- Перенесите коллегу в кресло. Он часто злоупотребляет опытами на себе, но это достойно уважения. Помните Луи Пастера? Старик тоже кололся всякой дрянью. Но именно этим он и заслужил свое место в анналах истории.

Я подошел к лаборанту и, приподняв его, усадил в широкое кресло. В принципе, что бы они тут ни делали, меня это не касалось.

- Я - Доктор,- представился мужчина.- В нашем институте многие предпочитают обходиться без имен и фамилий. Я тоже следую этому правилу. Так что Доктор, и все. А теперь давайте пройдем в мою берлогу. Посидим, попьем чайку, поговорим.

Берлогой оказался уютный кабинет. И действительно были чай и милая беседа. Доктор задавал вопросы, я говорил "да" или "нет", и если ответ не вмещался в одно из этих слов, в разговоре наступала пауза. Он какое-то время ждал моей реакции, а затем, устав от молчания, начинал расспрашивать о чем-то более конкретном.

- Мне по душе ваша немногословность,- сказал он, в конце концов.- Обычно это тревожный симптом, но в вашем случае за интеллект волноваться не приходится. Первый тест вы прошли превосходно. Причем, молодой человек, вы удивили многих. Без подготовки, при слабом стимуляторе, вам удалось достичь результатов, о которых другие и мечтать не смеют. Кстати, как прикажете вас называть?

- Марк.

- Итак, Марк, поговорим начистоту. Мне поручили проверить вашу пригодность к работе в службе безопасности. Мой ответ: годитесь на все сто. Однако если наши специалисты не ошибаются, и их ожидания найдут

дальнейшее подтверждения, вас ждет кое-что поинтереснее охранной вышки и заградительных рубежей.

Он поднес к губам ложечку с вареньем и, смакуя черничный вкус, на секунду закрыл глаза.

- Наше подразделение называют "карантином", но будет лучше, если вы начнете рассматривать мою епархию, как отдел кадров солидного оборонного предприятия. Договорились?

Я кивнул. Он с улыбкой налил мне еще одну чашку чая.

- В таком случае разрешите представиться: начальник отдела кадров. Почему же, вы спросите, меня называют Доктором? А потому, мой друг, что вместо бумажек и личных дел я перелистываю тайные мотивы и желания людей. Меня интересуют ни даты и сроки, а внутренний мир моих подопечных. И смею вас заверить, если мне там что-то не нравится, у меня под рукой имеются средства для быстрой и эффективной психической коррекции нашего будущего сотрудника. Надеюсь, вас не смущает такое словосочетание, как "промывка мозгов"? Вы не против этой необычной процедуры?

В глазах Доктора сверкнули насмешливые искорки. Но я встретил его колющий взгляд с равнодушным спокойствием. Нашел, чем удивить. Он просто не знал кадровиков нашей школы. На выпускных экзаменах мою группу провели через допрос третьей степени. У меня потом на двух пальцах слезли ногти, и остался шрам на спине. И никто тогда не извинялся перед нами за "необычность" этой процедуры.

- Так вы не возражаете?

- Нет.

- Очень хорошо. А теперь постарайтесь быть более разговорчивым.

Его голос приобрел холодный требовательный тон.

- В своем недавнем сне вы оказались в критической ситуации. Скажите, что произошло? Мои сканеры видели рухнувший дом, гибель людей и какой-то грузовик.

Наверное, прошла минута, прежде чем я понял, что сижу с открытым ртом и ошеломленно смотрю на Доктора.

- Как вам нравится варенье?

Он наслаждался моим удивлением. Да только интересно, кто бы на моем месте не удивился. Наверное, это какой-то рефлекс. Когда вам начинают пересказывать подробности вашего сна, челюсть сама отваливается вниз.

Я взял себя в руки.

- Варенье прекрасное...

- Доктор,- напомнил он.- Зовите меня Доктором. И чтобы не дразнить ваше любопытство, я признаюсь, как на духу. Наша аппаратура довольно примитивна. Датчики и машины могут сообщать нам только об интенсивности человеческих переживаний. Они определяют активность тех или иных участков мозга, фиксируют частотные составляющие и измеряют амплитуду пульсаций. Всю остальную и, можно сказать, основную работу выполняют люди.

Он встал из-за стола и подошел к окну.

- Наши предшественники создали метод, благодаря которому любой здравомыслящий и восприимчивый человек может стать живой антенной, то есть сканером. Сканер - это проводник, который индуцирует в себе те же токи, импульсы и мысли, что и человек, находящийся под его наблюдением. Сканер настраивает свое внимание на заданный объект, и тот отражается в нем, как в зеркале. Желания, чувства, визуальные образы - вы делите их с

ним, не осознавая его присутствия. Он - невидимый свидетель или, вернее, дотошный исследователь, под лупой которого находится человеческое сознание. Возьмем, к примеру, вас. Над вашими переживаниями работали четверо сотрудников. Я уже получил от них большую часть информации, и теперь мне осталось уточнить детали. Итак, Марк, я жду от вас пояснений.

Доктор шагнул ко мне и довольно нагло приподнял двумя пальцами мой подбородок. Я мотнул головой и с вызовом ответил:

- А что тут говорить? Ну, видел какой-то бред. Грозу, странный город...
- Мне нужны подробности, Марк.
- Да это же сон! Что толку играть в такие детские игры?
- Хорошо, мой друг, поиграем в другие...

Я вдруг почувствовал, как по спине поползла холодная волна. Горло перехватил мышечный спазм. Сердце бешено забилося, легким перестало хватать воздуха, и меня качнуло вперед. Я ударился носом о поверхность стола. По губе потекла струйка крови.

Доктор с усмешкой отвел взгляд в сторону.

- Где вы служили? В Чечне?

Мне удалось сглотнуть. Я сделал глубокий вдох и пощупал рукой свое горло.

- Рядом. На границе.
- Вы участвовали в боевых операциях,- сказал он, усаживаясь в кресло.
- Скольких человек вы убили? Примерно.
- Не считал... Не знаю.

Ответ получился напряженным. В моей голове крутилась мысль: "О, черт! Неужели он способен на такие штуки? Один взгляд - и дух вон. Вот это да!"

- Вам нравится убивать?
- Не очень,- ответил я.

Как он меня поймал. Разговорил, словно бабку на рынке. А ведь каждое лишнее слово было брешью в обороне - открытым флангом для удара противника. Недаром майор предупреждал меня остерегаться этих типов.

- Прошу прощения, Доктор. Я готов рассказать вам о сне.

Он пожевал губу и снисходительно кивнул.

- Приступайте, Марк.
- Мы ехали в грузовике. Я и несколько рабочих. Внезапно началась гроза. Таких у нас не бывает. Вакуумная буря. Каждая молния создавала зону разряда, и разность давления была очень большой. Там, во сне...
- Это мы пропустим,- оборвал он меня.- Расскажите о бездне. Один из наших сканеров видел странное явление, которое вы определили словом "бездна".

Да, его парни знали свое дело. Я попытался вспомнить эпизод. Раньше у меня не было таких четких и ярких снов. А тут прямо голливудский триллер. Скорее всего, это объяснялось воздействием наркотиков.

- Я оглянулся и увидел дорогу. Мокрая мостовая, серые камни. Зеленая трава между ними. И дальше ничего. Помню, меня удивило, что там не было никакого цвета. Даже белого и черного. Просто бесцветная пустота, которая затягивала в себя.

- Она затягивала вас внутрь? И как вы на это отреагировали?
- Никак. Во сне произошел разрыв, и я обнаружил себя в другой сцене. В совершенно другом настроении.
- Надеюсь, вы понимаете, что это был не просто сон?
- Я понимаю.

- Вряд ли.

Доктор встал и, подойдя к двери, распахнул ее настежь.

- Жду вас завтра, Марк. С утрачка. Договорились?

Меня поселили в маленьком бараке. Узкий коридор и три комнатухи, одна из которых - моя. Стол, кровать, два табурета, шкаф. В конце коридора находилась ванная комната. Там на стене у зеркала был нацарапан столбик имен, где напротив каждой строки стояла дата. Прямо как в камере смертников северокавказского дисбата. Мне это не понравилось. Я закончил осмотр помещений и вернулся в свою комнату. Никаких прослушивающих устройств и видеокамер. Хотя зачем им такая аппаратура? У них для этого имелись сканеры.

Я решил, как следует выспаться, но пришел майор, и мы весь вечер просидели вместе.

- Сканеры? А я что говорил!

Он сиял от своей причастности к местным тайнам. После второго стакана его повело. Лицо покраснелось, глаза ожили. И в них снова светилась отцовская доброта. Давным-давно, когда он вел нашу группу через учебную полосу препятствий, трое ребят, прокладывая тропу, подорвались на mine. И тогда он тоже кричал: "А я что говорил!", и его глаза пылали от гордости за полигон, где все было по-настоящему - от радости за молокососов, которым суждено было стать бойцами спецназовских отрядов. И самое обидное, пожалуй, было в том, что он любил нас, как своих детей, а те трое, что ушли навсегда, теперь стояли в его воспоминаниях у обелиска славы, открывая длинную шеренгу погибших питомцев.

- Мир не стоит на месте, Марк! Смотри, как все поменялось. Мой брат инструктировал румынскую "Секуритате". Сестра выполняла задания в Перу и Бразилии. В ту пору мы были первыми на планете, и красный флаг накрывал половину глобуса! А что сейчас? Великую страну продали и пропили. "Семьи" вождей опозорили славное прошлое России и стали хуже заклятых врагов. К власти пришли предатели, слабаки и растлители. Они превратили державу в пустое поле. Скуля о сталинских репрессиях, обрекли народ на голод и вымирание. Но я не хочу касаться этого вопроса. Просто заметь, что любая трансформация общественного мнения влияет на методы ведения войны.

Он поднял вверх дрожащий палец.

- Век демократии начался газовыми атаками, а закончился информационными диверсиями. Цели поражаются с помощью лазеров и спутников. По сигналу с другого континента домашние компьютеры меняют частоту, и люди погибают от сердечных приступов. Группа сканеров нашего института за пять минут может вычислить всех агентов ЦРУ, внедрившихся в структуры Центробанка. Это новые пути, увводящие нас к следующей эре! Пути, которые кажутся сложными и запутанными. Однако у каждой кривой есть своя константа. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Майор по-доброму потрепал меня по щеке.

- Мир меняется, но правила игры остаются прежними. Пусть ребята в белых халатах тужатся у конвейеров и забрасывают мир своими новыми игрушками. Пусть они щупают твои мозги и в пыль перетирают мысли и чувства. Нам нечего бояться их пробирок и компьютеров. У нас, вояк, есть кое-что получше. У нас есть тактика и стратегия боя! Бесценная мудрость,

которая от начала времен сопровождала людей, и будет сопровождать нас в будущем!

Я кивнул и налил ему еще. Майор одобительно хмыкнул.

- Владея наукой войны, я без всяких сканеров могу просчитать их ходы. Сначала они будут говорить тебе, что ты необыкновенный парень. Что тысячи не могли, а ты даже не заметил, как сделал. Они будут утверждать, что для этого требуются годы, а у тебя получилось сразу. Но, мальчик мой, это старо как мир. Дырявая лохань обычных манипуляций человеческим сознанием. Разве я не прав?

Я снова кивнул и усмехнулся.

- Они мне так и сказали, майор. Какие-то там врожденные способности.

Он засмеялся, хлопнул себя по колену и залпом осушил стакан.

- А знаешь, что будет дальше? Они всучат тебе бабу, которая залезет в твои штаны, а затем повяжет по рукам и ногам.

Его хриплый надрывный смех наполнил маленькую комнату.

- Хотя это тебе сейчас не помешает, верно? Вас так долго держали на сухом пайке, без женских ласк и томных вздохов, что ты теперь и танк под собой задавишь. Эх, молодость, где ты, мать твою...

Он потер покрасневшее лицо и вдруг сказал почти трезвым голосом.

- Марк, ты должен пройти через это дерьмо. Прорвись, сынок. Ты последний из тех, кого я учил. Последний и самый лучший! Самый дорогой! А карантин - это только начало. Дальше откроется путь к власти. Путь в то место, где решают, каким быть этому миру. Я хочу, чтобы ты пробрался туда. В тебе живет дух нашей школы - дух истинного служения Родине! Борись за былое величие страны! Вставь этим гадам по самые помидоры...

А затем был второй день и второй укол. Слова майора воплощались в реальность.

День второй.

Тот дождливый месяц я провел в горах. Русские перекрыли дороги блокпостами. Обстрелы города прекратились, но на улицах по-прежнему шли бои, и мать не верила в счастливый конец. В одной из стычек мне прострелили плечо, поэтому родители решили отправить меня в далекое селение, где жила тетка моего отца.

При зачистках города погибло много наших родственников и друзей. Малышку Фино нашли в кустах у дамбы с оторванными ногами. Она подорвалась на mine, умерла от потери крови, и тетя Гули стонала и плакала за тонкой кирпичной стеной. Я научился засыпать под обстрелом, но женский плач - это худшая из мук. Так что споров об отъезде не было.

Дорога заняла шесть дней и вымотала меня до предела. Селение показалось мне маленьким и жалким. После объятий и долгих расспросов милой старушки я долго не мог уснуть. В комнату вползала ночь. Светились окна соседнего дома. За выступом скалы виднелся силуэт древней башни, и дождь тихо шумел в листве под унылый и отрывистый лай собаки.

Моя печаль затопила весь мир. Я вспоминал ребят, наш боевой отряд и то, что от него осталось. Как получилось, что радость и счастье ушли от людей? Тогда все было простым и обычным, и только теперь минувшие дни откликались в сердце словами чудесной сказки.

А потом в мои грезы вкатился танк, надвигавшийся на меня с кошмарной неотвратимостью. Он медленно полз вперед, превращая сон в затянувшийся и навязчивый фильм. И еще мне снилась сторожевая башня, которая плыла в развалах вечерних туч.

Меня разбудили голоса. В соседней комнате хозяйка принимала гостя.

- Это ты? В такой дождь?

- Я пришел за тобой.

- Куда мы пойдем, Сото? Там же ливень.

- Если ливень мешает тебе, давай подождем,- ответил мужской голос.

- Как странно блестят твои глаза. Скорее расскажи, что случилось?

- Это опять будет сказка. Почему ты так любишь слова? Все, о чем я говорю, можно пощупать руками. Надо только выйти за дверь, прямо в ливень.

- Какой ты смешной, Сото. Мне нравится слушать сказки, потому что они твои.

Тихо поднявшись с постели, я подкрался к двери. За столом на шатком табурете сидел старик. Седые мокрые волосы, красивое лицо и голос, который манил в неведомую даль.

- Утром меня разбудил шум дождя. Порывистый ветер раскрыл окно, и крупные капли забарабанили об пол. Я подошел, чтобы закрыть раму, и замер на месте. Меня разглядывало черное облако. Это был равнодушный взгляд, который зацепился за фрагмент скучной сцены. Я видел свое отражение в холодных глазах облака - свое изумленное лицо и растрепанные волосы. А за мной стояла убогая чернота моей каморки. И облако знало, что едва закроется окно, чернота комнаты набросится на этого смешного человека, швырнет его на помятое ложе и погасит серостью потолка последние искры изумления во взоре.

"Нет!"- крикнул я облаку. "Нет!"- крикнул я черноте в углу.- "Вас обмануло ваше знание!" Но только ливень был рад моему прозрению. Он обнял меня своими струями, и мы понеслись с ним по тропе навстречу черным тучам. "Облако считает себя недостижимым и надменно смотрит на нас,"- шептал мне ливень.- "Оно не знает, что теперь мы вместе."

И мы карабкались вверх по горе, питая друг друга яростью и устремлением. Облако висело над нами. Оно хохотало нам в лицо, но в его глазах уже не было равнодушия. Молния шипела: "Тщетно!" Грохот грома сотрясал мое тело. Но на помощь пришел ветер вершин. Он понес нас с собой, и высота горы покорила.

Стремительность ливня, мое безумие и постоянство ветра! Как радовались мы своей силе! Однако с победой пришла разлука, и ливень оставил нас. Он достиг желанной цели: облако приняло его в свои объятия. И ярость моя прошла. "Куда идти дальше? Зачем?"- спросил я у ветра.

И тут я увидел чудо. Среди свинцовой тяжести туч мелькнул кусочек голубого неба. Внизу шумел водопад, и шлейф брызг сиял в лучах солнца. Крик восхищения сорвался с моих уст. "Я принимаю этот путь, о, вольный ветер! Но там внизу остался человек, которого я люблю. И сейчас мне надо рассказать ему о синеве бескрайнего неба. Быть может, он тоже разделит нашу дорогу."

Я пришел за тобой. Ветер ждет нас в горах, и ливень торопит за дверь.

- Какой ты смешной, Сото, и как печальны твои сказки. Взгляни на меня. Я уже стара, чтобы бегать по скалам.

- Это тревожность туч состарила наши тела. Но я знаю истину голубого неба и говорю тебе: там нет пределов, нет старости, и нет морщин. Есть

звезды, манящие ввысь! Есть безграничность пространства и радость ликующей жизни!

- Мне хочется верить тебе, Сото. Но путь твой не для меня. Спасибо, что зовешь за собой. И прости, что зов твой не принят.

Скрипнула дверь, и старик ушел. В окно было видно, как грустно он брел по дороге. Мокрая одежда, седые волосы, тощее тело.

- Бедняга,- со вздохом сказала бабушка.- Безумная старость. За что такая кара?

Прошло три дня, и я перезнакомился со всеми обитателями селения. Жизнь в городе казалась мне особой привилегией, подаренной судьбой. Я привык к беспорядочной смене событий и встреч, к погоне за неуловимыми звездами своих и чужих желаний. Все это наполняло меня до краев. И я долго не мог понять, что простота и непосредственность селян порождены не узостью их мира, а искренним желанием прожить каждый миг бытия вовлечено и целостно.

И если где-то дороги вели в Рим, то здесь любая тропа кончалась у источника - места встреч и культурного центра ближайших окрестностей.

Увидев меня, седовласый Гурий замахал рукой.

- Смотри, как странно!- сказал он мне.- Дождь льет, не переставая, а источник оскудел.

Мы стояли под ветхим навесом, и у наших ног по каменистой дороге стекали ручейки воды.

- А меня, сосед, этим не удивишь,- ответил Отар.- Когда кругом такая кутерьма, почему бы и природе не потерять голову. Слышал? Вчера из Исчера пришел путник. Такое рассказывает - верить не хочется. И еще говорит, надо в горы уходить. Оставаться здесь - значит, смерти ждать. Говорит, сель пойдет нашим ущельем. Проклятые дожди, им нет конца!

- Подожди, зачем нам уходить? А Сото?

- Ха-а! И чем тебе поможет безумный старик? Он слишком тощий, чтобы преградить поток. Эй, Фаром, иди к нам. Почему проходишь мимо?

Коренастый кузнец едва не упал, поскользнувшись на мокрой глине. Вбежав под навес, он поправил кепку и с достоинством повернулся к нам.

- Здоровья вам, люди. О чем разговор?

- Я говорю, смотри, как странно,- оживился Гурий.- Дождь льет и льет, а источник сохнет.

- Дался тебе этот источник!- возмутился Отар.- Через день тут будет столько воды и грязи, сколько ты не видел за всю свою жизнь. Надо уходить. Так сказал мне путник из Исчера.

- А Сото? Образумь его, Фаром! Если бы селению грозила беда, старик давно бы поднял тревогу.

- Конечно,- ответил кузнец.- Молчит, значит, порядок.

- Ну, давай, смотри в рот своему Сото, пока сель не подмочит твои штаны. Нашел, кому верить! Безумцу!

- Зря ты так,- обиженно ответил Гурий.- На свете нет мудрее человека.

- Да вон он. Идет твой мудрец. Позови его, спроси.

- Эй, Сото, скажи, успокой наши сердца. Пойдет сель через наше ущелье или нет? Может быть, обманывает нас путник из Исчера?

- Что вы за люди!- закричал Отар.- Откуда старик может знать о потоке? И зачем обманывать нас путнику? Он всю ночь добирался сюда, чтобы предупредить об опасности. Плотину вот-вот прорвет, а путь для воды один - через наше ущелье. И сель уже идет, будь уверен.

- Ты прав, сынок. Уже идет.

Сото снял шапку и посмотрел на небо.

- Взгляните на эти тучи. Разве не похож их бег на водовороты грязного потока. То же величие и та же неотвратимость. Тихий шепот, переходящий в рев. Удар воздуха в лицо, и пласт земли, летящий в пропасть - с деревьями, домами и людьми.

Он говорил, и мы, как зачарованные, смотрели на низкое клубящееся небо. Слова Сото сплетали вокруг нас магический кокон. А над нами, между небом и землей, сминая облака, катился сель.

- Камни и вода устали от неподвижности. Как узники в тюрьме, они годами тосковали о свободе. И вот теперь их бег подобен вольному полету. Смотри, Отар! Та черная полоска! Как смываемое дерево, правда? Или то перила моста с развилки дорог?

- Остановись, старик! Не время сказкам!

- А скажи, Сото,- спросил седовласый Гурий.- Вот это маленькое облако случайно не корова старухи Гуне? И рога не хватает, и пятно на боку. Вай, бедное животное... Фаром! Фаром! Там шапка твоя плывет!

Отар с тревогой посмотрел на лица соседей.

- Что с вами, люди? Это же тучи!

- Ха-а! Точно! Моя шапка!- завопил кузнец.- Я потерял ее на прошлой неделе, когда собирал дрова в ущелье у водопада. Думал найти... Ай, жалко. Хорошая была шапка, теплая.

- Послушай, Сото,- сказал вдруг Гурий.- Давай зайдем ко мне. Посидим, поговорим о прошлом, выпьем по стакану доброго вина. Ты подсушишь одежду, я согрею свое сердце. Пойдем с нами, Фаром.

- Подождите,- не унимался Отар.- А как же сель? Да будет он, в конце концов, или нет?

- Ну, хватит,- сердито ответил кузнец.- Мы его только что проводили, а ты опять начинаешь.

- Я должен знать точно. Вы - старики, и вам терять нечего...

- Не волнуйся, сынок. Люди тревожатся только тогда, когда не верят самим себе.

- А вот скажи, Сото, почему так странно?- поинтересовался Гурий.- Дождь все льет и льет, а источник сохнет...

Ах, милые люди. Они меняли меня, и я чувствовал, как с моих плеч спадало бремя тревог, которое приковывает нас к будущему и прошлому. Мне нравилось общество сельского чудака. Я повсюду искал с ним встреч и на какое-то время стал его тенью.

Как-то мы сидели с ним на берегу небольшого ручья. Ветер ласкал изумрудную траву, птицы пели о мире и благополучии, а чуть ниже, в проеме ущелья, виднелся краешек огромной долины. Там, за туманной дымкой, пылал красный диск заходящего солнца. Его косые лучи пронзали свод небес и раскрашивали скалы в удивительно яркие и переменчивые цвета.

Я повернулся к Сото.

- Отчего одни считают тебя мудрецом, и почему другие думают, что ты - безумный, глупый и вздорный старик?

- О, это моя хитрость!- ответил он.- Когда-то я хотел, чтобы все принимали меня за очень умного человека. Я выбивался из сил, изучая

мудрые книги и поступки людей, но, как правило, оставался в дураках, и никакое знание не шло мне на пользу. Тогда я перестал оценивать уроки судьбы и начал наслаждаться ими, как простой наблюдатель. С тех пор люди считают меня безумным и вздорным стариком, однако мудрость все чаще стучит в мои двери.

- Жители селения говорят, что однажды ты пришел сюда неизвестно откуда. Никто не знает твоих корней. Разве это хорошо - быть человеком без рода и племени?

- Не знаю, что ответить тебе. В пустой голове остались только сказки. Послушай одну из них. Быть может, в ней ты найдешь ответ. Помню, я сидел у костра, когда появился путник - усталый, в запыленной одежде, с худым почерневшим лицом.

Я вдруг увидел эту картину, словно на экране телевизора: ночь, темные скалы, подсвеченные отблесками костра. Две фигуры, и над ними тысячи звезд.

"Скажи мне, старик, далеко ли идти до Риона?"

"Так далеко, что устанешь не раз. Присядь, отдохни у костра."

"Спасибо тебе,"- сказал незнакомец.- "А как называется это селение?"

"Ха! Двадцать домов и старая башня. Стоит ли ради них забивать себе голову лишним словом?"

"Странный вопрос,"- ответил он.- "Я - путник, и каждое место - это веха на моем пути. Мне хочется знать название каждой из них."

"Вехой на пути? Куда? В Рион?"

"Нет, Рион - это тоже этап. Достигая цели, я раз за разом выбираю новое место. Моя судьба превратилась в дорогу, которая вьется и вьется вперед. Хотя когда-то давно я вел оседлую жизнь - был колхозником, мужем, отцом. Война сломала мое гнездо. И больше нет того колхоза. Нет жены и двух дочерей. Остались только горькие мысли и мое бесконечное путешествие."

В глазах незнакомца блеснула влага.

"Горькие мысли - тяжелая ноша,"- согласился Сото.- "Как же ты ходишь с таким непомерным грузом?"

"Мне помогает дорога,"- ответил путник.- "Она - лучший и верный друг, который спасает от черных помыслов, от желания мстить и вершить свое правосудие. Взгляни на эти горы, на эти просторы и небо. Мы лишь песчинки в океане пространства. На фоне тех возможностей, которые дарит нам мир, человеческая ненависть смешна и нелепа. Я понял это. И теперь я иду от села к селу. Мои ноги взбивают пыль. Красота земли наполняет сердце, не оставляя места для тоски и боли. Сейчас я наслаждаюсь треском веток в твоём костре, терпким дымом и теплым ветром ночи, но тронусь в путь, и сотни новых ощущений проникнут в душу, даря восторг и свежесть. Я - путник. Цель моя - идти!"

"И все же, откуда ты, странник? Где твои корни и каков твой род?"

"Ты удивляешь меня, старик. Кто же ценит полет стрелы по колчану? Корни есть у дерева, а не у птицы. И родословная нужна лишь очень важным людям. Я горный ручеек. Там, у моих истоков, разлита нефть, и чтобы оставаться чистым, мне следует идти вперед. Какой мой род? Забыл. Но помню буйный запах ржи у кромки поля, огромную луну в глазах селянки и трепет тростника. Идем со мной в Рион! Я научу тебя любить дорогу."

"Нельзя. Ты - ветер. Я - скала. Ты связан временем, я - местом. Уйдя с тобой в Рион, я потерял бы эти горы, это небо в тучах. Уйдя с тобой, я предал бы себя. И все же ты мне чем-то близок. Давай договоримся так: я буду вехой на твоём пути, а ты скажи мне свое имя."

"Зачем тебе лишнее имя?"- с усмешкой спросил незнакомец.- "Я - это ты. Зови меня Сото!"

Старик замолчал и посмотрел мне в глаза. Струи ручья журчали, как серебристый детский смех.

- Нет, подожди, Сото!- воскликнул я.- Опять ты все запутал! Ответь, рассказ твой о тебе? Ну, было же все понятно...

- А что ты еще хотел от безумного и вздорного старика?

Его манера разговора вызывала у меня необъяснимое чувство. Я вновь и вновь находил себя на грани удивительного и необъяснимого состояния. В такие мгновения мне казалось, что еще чуть-чуть, и я пойму какую-то сокровенную истину. Еще немного, и мне откроется тайна, для разгадки которой я был рожден.

Он сам стал для меня чарующей загадкой. В присутствии Сото я забывал обо всем. Был лишь голос, мягкий и печальный, который пробуждал в моей душе какое-то томительное чувство обещания, надежды и уже забытой доброты. Я приходил к нему по вечерам, и каждый раз он дарил мне одну из своих сказок, во многом непонятных для меня, но почему-то желанных и трогавших сердце. Да если бы это было только со мной...

У дома бывшего бригадира собралась толпа людей. Когда мы подошли, к нам подбежала сестра хозяйки.

- Тише, люди! Тише! Заходи, Сото. Он - там, в своей комнате. Какое несчастье!

На пороге нас встретила жена бригадира.

- Ну, за что, Сото? Вот ты лет на двадцать старше его, а смерть к нему подбирается. Прости, что так говорю. Совсем от горя потерялась. Еще вчера здоровый был. А утром проснулся и шепчет: "Прощай, Мине, умираю." Лежит, стонет - смотреть больно. Что я буду делать без него? Как переживу такое горе?

- Ты заходи, Сото, заходи,- вторила ее сестра.- Попрощайся с ним. Очень он просил, чтобы тебя позвали. Успокой его. Ты ведь умеешь...

Проводив нас к больному, женщины вернулись во двор - в компанию собравшихся соседок. Мы услышали новый всплеск восклицаний, печальные вздохи и горький плач. Прикрыв дверь, Сото подошел к лежащему мужчине.

- Что с тобой, старый бездельник?

- Умираю, друг.

- Дело серьезное.

- С утра все силы ушли. Тело, как вата. И дрожь снизу противная - подступит к животу, отойдет, подступит, отойдет. Эх, Сото! Не верил, что так быстро все кончится. Даже пожить-то, как следует, не успел. Сейчас юность свою вспоминал. Войну, работу... Мине совсем молодую... Это она теперь такая неповоротливая, а раньше была как ветер. А ее отец? Ты помнишь ее отца? Вот где упрямец был. До конца жизни не заговорил со мной. Обиделся, что свадьбу не праздновали. Но о чем жалею больше всего, так это о детях. Было двое, и тех не уберегли. Может быть, поэтому и умирать так страшно...

- Ты боишься смерти?- спросил Сото.

- А кто ее не боится? Это она давит мне холодными пальцами на живот. Сил нет с ней бороться.

- А ты не борись. Смерть не одолеешь. Но она, как мудрый садовник, щадит не созревший плод. Если тот еще зелен, она, пощупав его, переходит к другому дереву. Так что не бойся - ты не умрешь. Во всяком случае, не сегодня. И не завтра.

- Как это не умру? С утра все силы ушли! Тело, как вата! Неужели не веришь?

Бригадир обиженно замолчал, и вдруг его лицо посветлело.

- Подожди, подожди! Говоришь, не умру?

- Умирают, теряя надежду,- ответил Сото.- Когда сердце холодным стуком отвечает на самое дорогое и любимое, что у тебя осталось. Старая сказка тревожит уста. словно ступеньки забытые строки. Гаснет свеча. Засыпают дома. Тихая песня над детской кроваткой смолкает. Где ты, надежда моя?

Мир остановился и затих. Теплый вечерний свет вливался в комнату, просеянный ситом виноградной листвы. Голос Сото казался шепотом гор. Его слова уносили нас в другую вселенную.

- Я вспоминаю тебя и смотрю на звезду. Тысячи лет, будоража пространство, яростный луч нес холодное чувство печали. Где ты, надежда моя? Может довольно разлук и потерь? Детство ушло, я расстался с отчизной. Юность, тебя не вернуть. Только надежда в груди оставалась. Только она заставляла меня улыбаться, глядя на годы невзгод. О, надежда! Все я готов пережить! Но, теряя тебя, я теряю последнее - жизнь! Тусклой звездой весь оставшийся век буду лишь тлеть, оскверняя пространство безверием... Прочь, набежавшие слезы! Еще не конец! Рядом друзья. Еще слышится песня. Вновь я надеюсь на встречу с тобой.

Бригадир встревожено приподнялся с подушек.

- Сото, ты плачешь? Подожди, я налью тебе воды...

Он вскочил на ноги и подбежал к столу в углу комнаты.

- Вот, держи.

- И это вода?- возмутился Сото.- Попробуй сам. Она стояла здесь с того дня, как в ней постирали твои пеленки. Кувшин вина, и тот не сможет отбить этот затхлый привкус.

- Кувшин вина? У меня в погребе целая бочка вина, лучше которого, клянусь, в горах не было и не будет.

- Хорошо, пошли.

- Хе-е, пошли конечно. Стой! А как же я... Там Мине, сестра ее. Они же думают, что я умираю...

- Лезем в окно!

- Мы? В окно? Хе-е, лезем, конечно! Стой! Там старуха Гуне сидит.

- Лезь, давай. Умирать боишься, старуху Гуне боишься. Что ты за мужчина?

Вечером мы слышали стрельбу у дороги. Это были наемники - арабы и азиаты. Их лагеря находились в Грузии, и поэтому местные люди называли арабов "саранчой Шеварнадзе". Бабушка умоляла меня остаться, но я ушел с другими мужчинами. В конце ущелья мы разделились и по одному, по двое начали пробираться к дороге. Ночь берегла нас. Темнота обещала укрытие.

Остатки расстрелянных машин догорали багровыми кострами. Иногда взлетали искры. Внутри остова автобуса что-то лопалось и трещало, и тогда у темной скалы можно было видеть группу людей и три грузовика. Несколько

человек подошли к берегу небольшой реки, затем двое отбежали в сторону и расстреляли остальных.

Я увидел, как из кабины грузовика выскользнула легкая тень. Она метнулась к подножию скалы и тихо двинулась к широкому шраму расщелины. Всех отвлекла казнь пленных, так что беглеца заметили не сразу. Его выдал неверный шаг, и наступившую тишину вспугнул оползень камней. Я услышал тихий стон, который тут же заглушили крики снизу.

Луч прожектора, пальнув по скалам, поймал в белесое пятно распластанную на камнях фигуру. Старик Фаром за моей спиной тихо выругался, и я вдруг понял, что там, на узком выступе утеса, цепляясь за чахлую траву и зыбкие камни, стояла девушка. А кто-то снизу хрипло кричал, что девчонка нужна ему живой и что боец, поймавший ее, будет вторым на очереди этой ночью. Четверо мужчин рванулись в погоню.

Я сжал кулаки и пополз вперед. Фаром дернул меня за плечо.

- Тише, сынок. Заметят!

Но что-то во мне сломалось. Я взглянул на старика, и он, охнув, испуганно отшатнулся. В ушах зашумело, я поднялся на ноги, ожидая, когда волна "амоки" накатит на меня и понесет в безумную скачку на плечах у смерти.

Мы называли это состояние санскритским словом "амок". Нас учили вызывать его, но впервые я почувствовал себя настоящим воином только на третьем курсе, когда вместо зачета по стратегии меня и пятерых ребят из другого потока отправили на ликвидацию особо опасной группы преступников. Трех наших положили при захвате здания, и когда я ворвался в дом, меня захлестнула неведомая сила. Я был везде - в каждом уголке полутемного подвала, где они прятались за ящиками у стены; я был наверху рядом с чердачным окном, где засели два снайпера; я был возле каждой двери; возле каждого из них. И в памяти осталась только серия картин, наплывавших друг на друга. Вся эта смесь сливалась в один удар, в один крик ярости и безумия, который рвался из моей груди.

У каждого воина свой счет таким мгновениям жизни, и я мог бы рассказать о каждом из них. Награда - это дань Родины за доблесть и славу. "Амок" - дань силы за дух и безупречность воина.

Мои шаги превратились в мягкую поступь тигра. Тело бесшумно скользило между камней, и я знал, кто станет первой жертвой этой схватки.

У каждого из четверых было оружие. Я прыгнул со скалы вниз, съехал на боку почти по отвесному склону и, переворачиваясь в воздухе, выбил ногой автомат у ближнего бойца. От удара в горло он рухнул на колени, потерял равновесие и покатился вниз, тяжело подсакивая на острых камнях.

Кудрявый бородач навел на меня ствол. Чуть ниже по расщелине поднимались двое других. Одна из машин остановилась под нами, нацеливая второй прожектор.

Пара секунд и пять шагов, поднырнув под пули. Еще один миг, и я вырвал чеку гранаты, которая болталась на поясе бородатого парня. Слепящий луч прожектора выхватил из темноты визжащее тело, которое падало на грузовик.

Позади меня плакала девушка. Ее всхлипы чудесным камертоном настраивали волну "амоки". А затем, когда прозвучал взрыв гранаты, девятый вал черного ужаса и светлой радости поднял меня на свой гребень. Сознание померкло, и на горную дорогу опустилась лютая смерть.

День третий.

Приятная женщина проводила меня в просторный кабинет и предложила кофе. Я отказался. Она могла подмешать туда какую-нибудь гадость, а мне больше не хотелось плясать во сне под их дудку.

- Доктор просил подождать. Он на совещании. Я пришлю к вам Диму.

Она сняла чехол с небольшого аппарата, щелкнула двумя-тремя тумблерами и степенно удалилась. В комнату вбежал знакомый лаборант. Он приветливо взглянул на меня и вытащил из кармана футляр со шприцем. Прямо Айболит из мультика - добрый такой, в глазах любовь. "И всем бегемотикам ногой по животикам."

Я покачал головой, и он сразу все понял. Устроившись в кресле, Дима потер щетину на подбородке.

- Я понимаю, Марк, у вас появились вопросы. Но давайте договоримся сразу - некоторые темы останутся закрытыми. Я только исполнитель, и правила тут выдумывают другие. Кстати, вы произвели на шефа благоприятное впечатление. Результаты тестов позволяют предполагать, что из вас в будущем может получиться неплохой пси-воин. Помимо кадровой проверки Док решил провести вас через ступень начального посвящения. Поверьте, это будет очень полезно, так что, мой совет, не отказывайтесь.

- А если я не хочу никаких посвящений? Если я по горло сыт вашими опытами? Меня наняли сюда в службу безопасности. Сказали, пройдешь пару проверок, покажешь себя, а затем обычная работа спецназа. Договор дороже денег! Но твой шеф вдруг объявляет, что, мол, правила поменялись, и отныне я должен играть в его игру. Потом появляешься ты, колешь в меня какую-то дрянь, от которой съезжает "крыша", и я вижу странный сон про чудилу-старика и про какого-то парня. Мне это не нравится! Я хочу делать то, что знаю и понимаю. А от ваших уколов только муть в голове. Ты, Дима, спрячь свою иглу!

Лаборант послушно кивнул и тут же начал объяснять, что у некоторых людей имеется дар, и этот дар не зависит от их профессии.

- У вас есть врожденная способность к путешествиям по внутренним пространствам. Вы можете достигать пределов, где индивидуальное сознание выходит на универсальный уровень человеческой психики. Например, вы можете помещать свое внимание в сознание других людей. Подобное, кстати, выполняли многие, но вы достигли грани, которая почти недоступна. Похоже, для вас это ничего не значит, но поверьте, та бездна в вашем сне была выходом в другой мир! Без помощи психоактиваторов, без подготовки и опыта, вы с первого раза достигли почти запредельного, понимаете?

- Нет, не понимаю и, честно говоря, мне хочется уйти отсюда. Вы с Доктором найдете тысячи желающих плясать под ваш баян. Эти тысячи с визгом побегут за вами в другой мир и в любую бездну, сходя с ума от восторга. А мой любопытство расстреляли в далеких горах, когда я высунулся из окопа, чтобы посмотреть на солнце.

- Нет, Марк. Нет! Тысячи бесполезны. Важен дар, а не энтузиазм. И прошу вас, не спешите с отказом.

Он уговаривал меня добрых полчаса, а я думал о майоре. Вот настоящий знаток. Как точно он определил их шаги. Без всяких мудрых штучек и активаторов. Опыт - великое дело.

- Скажи, вот эти сны... Они как-то связаны с моей жизнью? С нашим миром?

- Это не просто сны, Марк. Это другое пространство. Водителей и летчиков обучают на тренажерах. Они сбивают заборы и врезаются в скалы. Однако никто из них не мучается вопросом, что там за мир мелькает на экране дисплея. Им важно обрести сноровку и навыки управления. В вашем случае происходит почти то же самое. Вы встречаете людей, которые знакомят вас с новыми точками зрения. Когда изменяется ролевая функция, вам кажется, будто вы - другая личность, другой человек. Но на самом деле это лишь способ научить вас более целостному восприятию мира. Иными словами, это способ изоляции привычных для вас шаблонов поведения. Способ, который помогает вам открывать новые пути и новые возможности.

Дима достал платок и аккуратно вытер вспотевший лоб. Его рука немного дрожала.

- Трудно сказать, как связаны пространства нашего воображения с реальным миром,- продолжил он.- Иногда возникают курьезные случаи, и люди встречают в своей жизни тех, кого они видели в воображаемых путешествиях. По правде сказать, эта область психотехники мало изучена, хотя мы, наконец, подошли к рубежу, когда можно на семьдесят-восемьдесят процентов определять сюжетную линию таких путешествий.

- Значит, тех людей из сна на самом деле нет?

- Они есть, но в другом пространстве. Это трудно понять умом, и все же, входя в их реальность, вы раз за разом встречаетесь с ними. Но повторяю, иногда случается так, что эти люди существуют и в нашем мире.

Мне стало интересно.

- Ты говорил, что дыра в моем сне - это вход в другой мир. Чем тот мир отличается от пространств воображения?

- Пространства воображения - это лишь отражения нашей реальности. А любое отражение определяется оригиналом. Можно изменить оформление, окружающий фон, но суть явлений останется той же. Будут деревья и улицы, люди и звезды. Нас может удивить поведение человека; нам может не понравиться его одежда; но перед нами будет стоять человек. И это верно в отношении любого явления, потому что, отбросив странности отражений, мы всегда найдем в основе основ знакомые нам элементы. И, наоборот, в другом мире нет знакомых явлений. Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать.

- А как же вакуумная гроза? Где здесь основа, о которой ты говоришь?

- Вакуумная гроза - это обобщенная идея катаклизма. Рухнувший дом взят из памяти о городских боях. Вой ветра, дождь и гром - от бури. Вакуумный эффект, с резкой сменой давления, связан, на мой взгляд, с воспоминаниями о близких разрывах гранат и снарядов. Возможно, какая-то телесная память о пережитых контузиях.

- Забавно,- ответил я.

Мне снова вспомнилась "бездна". Ничего себе вход в другой мир! Хотел бы я посмотреть на тех, кто туда входит!

- А эти путешествия... Они опасны? Там могут убить или покалечить?

- В пространствах воображения нас поджидает множество опасностей, но они, в основном, связаны с навязчивыми состояниями, которые возникают после того, как мы обретаем зависимость от этих пространств. Возьмем, к примеру, меня. Многие считают, что я наркоман - то есть, больной, несчастный и, до некоторой степени, опасный человек. А почему? Моя психика подверглась изменению. В своих пространствах воображения я как рыба в воде. Но стоит мне вернуться в реальность, я начинаю задыхаться. Мне нужен укол, чтобы снова отчалить в свой замок эйфории - к сиренам, поющим сладкими голосами о любви и тоске, о жизни и смерти.

Его глаза закрылись, кадык судорожно дернулся вверх, но Дима встряхнул головой, отгоняя грезы и видения.

- Я не гожусь для серьезных путешествий,- продолжил он,- потому что в любой момент могу предать поставленные цели. При первой же возможности я сверну к своим наслаждениям и забуду в такой уголок, откуда меня не вытащит и сам Док. Но это к слову. Похоже, вы уже догадались, что я не был в другом мире и, видимо, никогда там не буду.

- Неужели находились люди, которые проникали в другой мир?

- Таких миров несколько. А в той реальности, к которой вы так близко подошли, побывало немало народу. Возможно, Марк, ваш вариант прохода немного устрашающий, но его вид определяется склонностями характера. Вы часто сталкивались с насилием, поэтому ваш портал в неизвестное выглядит ужасным. Однако были люди, которые проникали в иные миры через цветок лотоса, через кипящий котел, какие-то дыры в земле или стену тумана. Что же касается опасностей, то их там хватает: все, чему нет названия; все, что заставляет нас вскакивать с постели по ночам, обливаясь холодным потом. Там обитают неведомые силы. Безликое и непознанное нечто.

- А на кой черт залазить в эти дыры? Может, проще зажать гранату между ног и выдернуть чеку?

- Границы известного мира со временем расширяются. В наш обиход входят новые вещи, и они возникают из неизвестного. Их приносят в наш мир те, кто прошел за грань реальности - те, кому не только хватило мужества посягнуть на запретный плод, но и удалось вернуться, сохранив свой облик и разум.

Меня передернуло.

- Ты хочешь сказать, что, побывав в другом мире, можно потерять человеческий облик?

- Знаете, Марк, я здесь работаю давно. И я всякого навидался. Вы у нас только третий день. Вы сидите, снисходительно улыбаетесь, слушая меня, но пройдет какое-то время, и роли могут поменяться. Возможно, я буду недоверчиво качать головой в ответ на ваши рассказы о неведомом.

Лаборант вздохнул и пожал плечами.

- Я сталкивался со многими выдающимися людьми, но мне доводилось встречать их на первой начальной стадии, и реакция, поверьте, была одной и той же. Все недоверчиво смеются, думая, что мне зачем-то надо их обманывать. Кстати, если Док разрешит, я могу показать вам "изолятор", куда помещены некоторые из тех людей, которые лишились человеческого облика.

- А почему они его потеряли?

- Я думаю, это проявление того же навязчивого влечения к некоторым состояниям. Люди попадают в другой мир, и законы, существующие там, меняют облик путешественника. Если вас сейчас отправить в Африку, солнце окрасит вашу кожу загаром. Если вы отправитесь в другой мир, изменится не только цвет кожи, но и что-то еще. Хотя чаще всего люди меняются изнутри. Неизвестное, отпуская их из своих объятий, не только наделяет знанием. Оно многое требует взамен. Некоторые люди отдают свой разум, другие - сострадание, третьи вообще теряют все человеческое... как, например, наш Док.

- Доктор? С ним что-то не так?

- Со временем вы сами все поймете.

Мне вспомнилось, как он одним взглядом заставил меня задыхаться.

- Значит, Доктор тоже бывал в другом мире?

- В этом нет никаких сомнений. Но, откровенно говоря, я подозреваю, что он явился к нам оттуда. Понимаете, о чем я говорю?

Дима перешел на зловещий шепот и расширил глаза.

- Поведение Дока иногда такое странное, что я сомневаюсь в его человеческом происхождении.

Я захохотал. Парень просто дурачил меня. Это как в армейских анекдотах, когда салагу посылают на крышу разгонять метлой помехи или отправляют на склад за ведром девиации.

Дима обиженно нахмурился, гордо отвернулся и подошел к окну. Я не мог понять его. С одной стороны, он был простым и искренним парнем. Несмотря на странность его заявлений, казалось, что он действительно верит в эти чудеса и сказки о других мирах. Но в нем была какая-то скрытая фальшь. И я все еще помнил его слепую ярость, когда он кричал о псах Дока и фарше, на который они пускают людей, похожих на меня.

- Хорошо,- сказал он, поворачиваясь ко мне.-Ознакомительная беседа закончена. Перейдем к разбору полетов.

Он по косточкам разложил мои сны. Я только диву давался, насколько они поднаторели в вопросах сканирования.

- Вам еще не удастся фиксировать свою личность в пространствах воображения,- говорил Дима.- Когда вы исполняете другую ролевую функцию, все идет нормально - то есть, сохраняется плавность и последовательность событий. В такие моменты вы четко взаимодействуете с законами пространства. Ваша настройка на него точна и эффективна. Но, входя в свой образ воина-разрушителя, вы создаете разрывы в цепи событий, и тогда вас либо выбрасывает в реальность, либо переносит в другое воображаемое пространство.

Он задумчиво поскреб щетинистый подбородок.

- На данном этапе вам необходимо научиться фиксировать свою личность, то есть контролировать ее проявления в различных ситуациях. Допустим, вы опять найдете себя в экстремальной обстановке боя. Да, у вас есть навык уничтожить взвод или роту. Логика воображения поможет вам победить целый мир. Все это так, но вашей целью является фиксация, то есть закрепление своего образа в данном пространстве.

Мне надоело слушать его нудную лекцию, и я лениво потянулся.

- Вам не надо крушить все подряд,- менторским тоном продолжил Дима.- Просто вспомните, зачем вы оказались там. Вспомните себя! А затем продолжайте действовать в воображаемом мире, как актер. Часть вас остается свидетелем, а другая - исполняет роль. Возможно, ваш герой не понравится вам, и вы опять захотите сделать все по-своему. Но тогда произойдет разрыв, и вы вновь не справитесь с заданием.

Дима вскочил на ноги и зашагал по комнате. В нем чувствовалось странное возбуждение.

- Я говорил вам об опасности навязчивых состояний. Они возникают тогда, когда вы, теряя объективность свидетеля, начинаете вмешиваться в действия своего героя. Вы входите в роль и постепенно заменяете персонаж собой. Законы воображаемых миров превращают вас в супермена! Чуть ли не бога! Вы переносите насилие из пространства в пространство, заменяя свои отражения одним монолитным и заостренным образом. Или наоборот, вам настолько нравится роль героя, что вы начинаете подражать ей в других пространствах. Все это разрушает пси-воина, потому что, обретая зависимость, он становится уязвимым.

Я снисходительно улыбнулся и с усилием подавил зевок.

- Давайте еще раз возьмем в пример меня,- с усмешкой добавил он.- Мне нравится быть властителем своих пространств. Я привык доминировать. Но при выходах в реальность мое самолюбие страдает от несоответствия законов нашего мира с теми претензиями, которые я к нему предъявляю. И я становлюсь жертвой - несчастным существом, которое попало в ловушку реальности и вынуждено каждый раз возвращаться к своим мучителям, чтобы получить стимулятор и снова взлететь в чарующий храм воображения. Я вынужден платить своим временем и знанием, отдавая их Доку или таким обреченным болванам, как ты.

Он подошел, похлопал меня по щеке и с презрением посмотрел мне в глаза. Я хотел перехватить его руку. Этот дохляк потерял чувство меры. Кто-то должен был научить его хорошим манерам... Но мое тело застыло в непонятном ступоре. Я не мог пошевелиться. Мышцы не желали слушаться. На пределе сил мне удалось качнуться назад. Я упал вместе с креслом на пол, и лаборант, перешагнув через меня, неторопливо вышел из комнаты.

О, черт! На какой-то миг во мне проснулся страх. Я почти забыл это чувство и считал, что навсегда избавился от него. Ан-нет! Страх по-прежнему жил во мне - страх маленького мальчика, брошенного в мире безжалостных людей. И снова из мрака неизвестного за мной следил чей-то злобный взгляд. Снова кто-то хотел отнять у меня нечто ценное, без чего нельзя оставаться человеком.

В комнату вошла та же женщина. Она быстро подошла к агрегату в углу, выключила два-три тумблера, а затем приблизилась ко мне.

- Сейчас все пройдет.

Взяв с кушетки небольшую подушку, она подложила мне ее под голову.

- Отдохнешь полчаса и будешь, как огурчик.

Я тихо застонал.

- Прошу извинить за отложенную встречу. Надеюсь, мои помощники не утомили вас? Дмитрий - хороший биохимик, но страшный болтун и фантазер.

Доктор был весел и добр. Он указал мне на стул, прошел к секретеру и налил из пузатой бутылки две маленькие рюмочки.

- Марк, перед вами стоит выбор. Проверка почти завершена. Через пару дней вы можете заступать на дежурство в одну из групп нашей охранной службы. Вас либо отправят в "изолятор" - а это, поверьте мне, паноптикум существ с измененной генетикой - либо вы удостоитесь персональной сторожевой будки, с восьмичасовым созерцанием окрестных степей. В свою очередь я предлагаю вам работу в нашем подразделении. После небольшой подготовки вы получите свободу передвижения по всей территории института. Иногда вам даже придется выполнять конфиденциальные поручения в различных регионах страны и, возможно, в других частях мира. Работа будет интересной и во многом связанной с вашей предыдущей деятельностью.

Доктор протянул мне рюмку и торжественно поднял свою.

- В любом случае, Марк, мне было приятно работать с вами. После всех этих малодушных мудрецов и самонадеянных ничтожеств вы были глотком свежего воздуха. Конечно, мы несколько преувеличили вашу уникальность. Всегда можно перелопатить пару тысяч человек и найти подходящую персону. Но мой вам совет - не зарывайте свой талант.

Мы выпили. Кажется, виски.

- Итак, я жду ответа, молодой человек.

Его глаза сверкнули зелеными искорками. Он прикрыл веки, словно наслаждался теплой волной золотистого напитка.

- Доктор, если можно, расскажите подробнее о вашем предложении.

- Да, конечно. Какой-нибудь пример?

Он задумчиво пожевал нижнюю губу.

- Около четверти века назад при реконструкции одного из латвийских портов был обнаружен подземный ход через Венту - как раз у старых демидовских складов. При осмотре затопленных галерей поисковая экспедиция нашла сокровищницу, в которой среди предметов семнадцатого столетия археологи обнаружили ларец, соотносимый с шестым-седьмым веком нашей эры. Изучение подземной сокровищницы проходило под контролем местного комитета безопасности, и ларец попал в личную коллекцию руководителя этого учреждения. Ничем не приметный чиновник вдруг начал набирать удивительную силу власти. Вскоре он стал главой республики, затем перебрался в Москву и занял высочайший из постов последнего союзного правительства.

Доктор взглянул на меня и хитро спросил:

- Отчего же, мой друг, такой успех?

Его палец назидательно взметнулся вверх.

- Он стал обладателем бесценного предмета. Предмета, который давал силу не только ему, но и всей стране. Естественно, после того, как мы узнали об этом, наш директорат поставил задачу изъятия данной реликвии. Обладание подобным предметом дает власть над целым регионом. Веками русские цари собирали предметы силы с разных уголков страны: казахский посох Хизра, якутский рог Синего оленя, украинский венок Олеси-кудесницы и многие другие артефакты. Кремль был центром, где сосредотачивалась мощь каждого кусочка суши нашей великой и некогда неделимой родины.

Доктор грустно усмехнулся.

- Власть Москвы не зависела от экономики и политики отдельных республик. Она покоилась на корнях силы самой земли, где стояли города и села различных народов. Но налетело воронье! Бесценные сокровища расхищались и вывозились на запад, юг и восток. Алчность и предательство сделали то, что не было под силу лучшим армиям Европы. Россия пала на колени! Вместе с предметами силы исчезла власть. От державы кусок за куском отпадали огромные территории. Нам, патриотам, с огромным трудом удалось сначала замедлить, а затем остановить уничтожение страны.

Доктор налил себе вторую рюмку.

- Сейчас распад державы объясняют глупостью и продажностью партийных лидеров. Но дело здесь ни в партиях и ни в самовлюбленных глупцах. В прошлом таких тоже хватало, а Россия прирастала землей и силой. Власть собиралась дарами и трофеями - предмет за предметом, артефакт за артефактом. Теперь же они растеклись по рукам номенклатурного ворья. Мы решили вернуть их обратно. Силой и умом! Лютой ненавистью к расхитителям великого наследства! Это грандиозная задача. Задача, ради которой не жаль положить и жизнь. Задача будущего нашей державы!

Я впервые видел его таким возбужденным. Лицо Доктора горело. Глаза сияли адским огнем. Не думал я, что он окажется фанатиком.

- Но вернемся к тому злополучному ларцу. Выяснив его местонахождение, наш институт отправил группу захвата. Артефакт к тому времени принадлежал уже другому человеку. Республика, получившая

независимость, превратилась в страну. Власть перешла в другие руки, и новые лидеры захватили дома и дачи бывших правителей. Предмет силы перешел в собственность главы одной из радикальных партий. А прежний хозяин могущественной реликвии погиб в Москве, совершив самоубийство.

Доктор вздохнул и пригладил ладонью волосы.

- При оценке ситуации наши аналитики не учли "эффект удачи", создаваемый предметами силы. По ходу операции мы потеряли восемь человек. Задание оказалось им не по плечу. Сейчас ларец находится в Германии. В данный момент мы формируем новую группу, и, возможно, одна из вакансий станет вашей.

Я почувствовал в груди приятную волну тепла.

- Предложение заманчивое. А каковы перспективы роста?

- Марк, вы мне нравитесь. Перспективы не поддаются описанию. В своих мечтах я вижу мир счастливых людей. Тысячелетия им говорили о райской жизни после смерти, о счастливом будущем и гармоничном обществе, которое где-то впереди. И вот теперь мы можем дать им этот рай.

Доктор с улыбкой посмотрел на меня.

- За добросовестный труд и точное соблюдение общественных норм каждый человек получит свой виртуальный сад Эдема. Он будет уходить во внутренний мир сознания, и небольшой прибор - эдакий аналог телевизора с особым спектром частот - сделает его путешествие в мечту приятным и желанным приключением. Или же наоборот, он получит ад, если координирующий центр найдет в его поведении какие-то промахи.

Это будет мир разума и счастья. Мир единения всех неиспользованных возможностей человека. Умиравшим и тяжело больным мы дадим мгновения вечной жизни. Страждущим - утоление их желаний. Слабый получит все варианты мести. Страстный обретет неисчерпаемую любовь. Но учтите, Марк. Отмерять дозы счастья будем мы. Это ли не перспективы роста? Все зависит от вас. Каждое мгновение, как перекресток, и сейчас вы должны принять окончательное решение. Либо в будку через пару дней, либо на поиск силы.

- Тут и думать нечего,- ответил я.- Вы меня убедили, Доктор.

Он вяло улыбнулся.

- В таком случае вы поступаете в распоряжение Дмитрия. Предупреждаю, вам придется соблюдать дисциплину и беспрекословно выполнять его распоряжения. Он мягкий человек, и мне кажется, вы попытаетесь этим воспользоваться. Любую просьбу или совет моего помощника рассматривайте как приказ.

Он встал и подошел к двери.

- Если у вас нет вопросов, можете идти.

Я вскочил с кресла и торопливо спросил:

- Доктор, а вы научите меня этим штукам? Как одним взглядом лишать людей дыхания...

- Не понял.

- Ну, вот как вы позавчера со мной...

- Ах, это! Да. Всегда пожалуйста.

День четвертый.

Пару минут мы молча смотрели друг на друга. Потом Дмитрий улыбнулся и развел руками в стороны.

- Иногда мне хочется, чтобы меня уважали. Даже такие здоровые парни, как вы, Марк.

Я протянул ему руку и сказал:

- Давай перейдем на "ты". Мне трудно отвыкать от старых привычек.

Он пожал мою ладонь и потащил за собой в другое здание.

- Вот здесь мы и будем работать. Помещение, конечно, небольшое, да и оборудование - смех один. Но что поделаешь?

Я с восторгом осматривал высокий зал с пирамидальным куполом из толстого стекла. Вдоль стен возвышались приборные стойки, заполненные сложной измерительной аппаратурой. В центре находился широкий стол, похожий на жертвенный алтарь.

- Эх, видели бы вы технику центральных корпусов,- рассказывал Дима.- Их пульты связаны с оптикой спутников. В подземном бункере выращивается искусственный мозг размером с волейбольную площадку...

- Мы же договорились, что переходим на "ты".

- Да, прости. Это крыло здания принадлежит "карантину". Тебе, как новичку, следует запомнить несколько правил. Главное из них такое - чем меньше проявляешь любопытства к работе других, тем дольше живешь. Я это говорю без всяких шуток. Не забывай, у нас закрытый институт.

Дима подошел к массивной установке и подключил к ней штекера двух кабелей, которые тянулись к изогнутым металлическим пластинам, похожим на локаторы.

- Рядом с нами располагаются лаборатории третьего отдела. Туда лучше не соваться. Парни из третьего отдела занимаются вопросами энергетического обеспечения, утилизацией и ликвидацией отработанного материала. Так что спешить на встречу с ними не стоит.

В его словах прозвучал какой-то намек, но я его не понял. Меня в тот миг интересовал другой вопрос.

- Слушай, а как ты меня вчера обездвигил? Это действие того прибора в углу комнаты, верно?

Нам бы такую технику при захвате террористов. Я вспомнил китайца-кунгфиста, которого мы брали в Хабаровске. Сколько поломанных носов, сколько работы у дантистов. А тут нажал на кнопку, и порядок.

Дима как-то странно посмотрел на меня и кивнул.

- Да, это тот приборчик.

Он указал мне на кресло, стоявшее между пластинами антенн, и пояснил, что эту установку я могу считать тренажером для путешествий в своем сознании. Я сел в кресло, он подключил датчики и нажал на десяток кнопок. Мне на голову плавно опустилась серебристая полусфера, похожая на шлем. В лицо пахнуло волной свежего воздуха. Слабый цветочный аромат вызвал головокружение. В уголках глаз заплясали зеленые и фиолетовые черточки.

- Сейчас, Марк, ты отправишься в одно из воображаемых пространств. Перед тобой стоит задача вспомнить себя - или хотя бы какой-нибудь элемент нашего мира. Такое воспоминание даст тебе контроль над ситуацией и в то же время заставит тебя импульсивно отреагировать каким-то действием или поступком. Если реакция окажется чрезмерной, возникнет

разрыв в цепи событий. И в случае разрыва ты окажешься в следующем пространстве. Мы называем это переходом на новый план отраженной реальности. Тебе надо научиться принимать другие пространства легко и расслабленно. Когда мы не сопротивляемся и отрешенно созерцаем мир вокруг себя, разрывы восприятия исключаются, и законы нового уровня реальности помогают нам приспособиться к своему окружению.

У меня появилось чувство опасности. Что-то в его словах мне жутко не понравилось.

- Я заранее приношу извинения за возможные эксцессы. Тренажер устроен так, что при неудачном выборе действий и разрывах в цепи событий тебе будут предлагаться все худшие и худшие варианты пространств. Наши специалисты считают, что такая программа ускоряет процесс обучения и помогает пси-воину привыкать к особенностям странствий в воображаемых пространствах.

Я понял, откуда пришла тревога. Он снова водил меня за нос. Допустим, какие-то вибрации прибора ввели меня вчера в ступор. Но почему они не подействовали на Диму. Я открыл рот, чтобы спросить об этом, но порыв сухого и знойного ветра забил мое горло песком.

Бесконечную дорогу сжимали с двух сторон пологие склоны барханов. Жара уменьшилась. Солнце, уходя за горизонт, превратилось в слепящую точку на острие пути. Рядом стоял архангел. Белые крылья сияли в алых сумерках. Он преграждал мне путь, и я знал причину запрета. Его губы оставались неподвижными, но слова звучали, и слова были такие: "Ты опоздал. День кончился, и через миг наступит ночь. Порою лучше повернуть назад, чем никогда не возвратиться." Я прошел мимо, и он проводил меня печальным взглядом. Словно прощался, словно от сердца отрывал...

Резкая боль пронзила тело. Она вливалась в ладони, поднималась к плечам и расходилась по телу тошнотворной волной. Люди покинули зал. Я стоял напротив зеркала и с наслаждением вдыхал сладкий запах бревенчатых стен. Тишину нарушал лишь треск восковых свечей. Полумрак помещения дрожал. Он то удалялся, то приближался ко мне. Я взглянул на зеркало и ошеломленно отшатнулся. В зеркале отражались я и мальчик. Он смотрел на меня с упреком - со слезой. От этого взгляда мне стало мутно на душе. Я закрыл глаза, а когда снова открыл их, зеркало уже было затянуто черной тряпкой. С плеча на мои колени спрыгнул маленький котенок - пушистый и почти невесомый. Я протянул к нему руку - да куда там. Он скакнул с колен на пол и исчез, так же незаметно, как промелькнула моя жизнь. И я понял тогда, какая она смерть... Да что с того? День уже кончился, и приближалась ночь...

- Что с тобой, Марк?

Дмитрий еще раз встряхнул меня за плечи. Я открыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

- Все не так сложно. Главное вспомнить себя - вспомнить пару моментов, которые отвлекут тебя от навязчивой притягательности этих пространств.

- Но откуда эти картины? В моей жизни никогда не было церковных свечей и песчаных барханов.

- Не обращай внимания на оформление. У нас огромный запас этой атрибутики, так что привыкай к смене событий и принимайся за дело. Сейчас мы попробуем забраться поглубже.

Я хотел задать ему очередной вопрос, но он вновь опустил мне на голову шлем, Мир погрузился в темноту. Тяжелый запах нечистот сдавил легкие. Ноги подогнулись, и я сел в мокрую грязь.

- Ничего, потерпи,- шепнул мне чей-то голос.- Уже скоро, я верю. Он придет, наш Уби, и все будет по-другому.

Уби действительно был важен для меня. Я не знал более великого человека, чем он. Мы все ждали его пришествия - ждали и дрожали от нетерпения. Какая-то мутная тьма и вздохи: "Вот... Скоро... Он придет, и все будет по-другому..."

Уби казался мне сильным и добрым. Я молился ему. Да и в кого еще было верить в этом затхлом сером колодце, где светлой точкой в вышине сияло имя величайшего из величайших. Уби! О нем слагали легенды и пели песни. Мы были раздавлены нашим бытием, и только он один мог указать нам путь к лучшей участи. Время от времени кто-то хватался за белые корни, торчавшие из стен, поднимался над нами на дрожащих ногах и кричал: "Я видел Его! Он уже идет!" И этот крик, как слезы, стекал по нашим лицам, падая в грязь, которую месили ноги людей.

Я потерял объективность. Меня захватило это нелепое ожидание. Я верил, что Уби - он и никто другой - нужен мне и всем тем, чьи эмоции отключили мои воспоминания об ином далеком мире. Я видел сны, в которых тихая песня матери пеленала меня счастливый покоем, спасая от холода и сырости пещеры. Я помнил слова отца о праведности веры наших предков. Но откуда тогда приходили образы солнца и звезд, цветов и желтой пыли на пчелиных лапках? Их не было в этом мире. Или, как бы сказал Дима, в этом воображаемом пространстве. Здесь не было ничего, кроме белых корешков, скользких стен и криков о вере и помощи. Это не мой мир, и я больше не хотел сидеть в этой дыре, ожидая какого-то Уби...

Спина заныла от неловкой позы. Я раскрыл глаза. Немного болела шея. Дети смотрели телевизор, и из их комнаты доносилась веселая песня: "Кубик-рубик, кубик-рубик..." В груди тяжело отозвалось и полетело куда-то вниз знакомое слово "Уби".

Раздался звонок. Я подошел к двери, шаркая тапочками. На пороге стояли двое.

- Марк?- спросил один из них.

- Да,- ответил я.

Второй ударил меня ножом в живот. Я слегка отклонился. Лезвие чиркнуло по ребрам. Ударом ладони я сломал ему переносицу. Он покатился вниз по ступеням лестницы. Первый выстрелил мне в грудь. Руки не слушались, ноги не двигались. Я не мог шевельнуть даже веками. Яркий свет лампы у потолка приводил меня в бешенство. Мужчина склонился надо мной и тихо засмеялся.

- Ну что, урод? Вот мы и встретились. Я муж той женщины, которую ты сбил машиной. Которую ты убил...

Он что-то говорил, но в моем уме вертелось слово "Уби". Мои губы приоткрылись, и из горла вылетело легкое шипение. Пуля, раздробившая позвонки, лишила меня возможности двигаться. Лицо мужчины исказилось от злости. Он вытащил из сумки шприц с длинной иглой и снова склонился надо мной.

- Ты умрешь, подонок. Умрешь в таких муках, о которых даже не подозревал.

Я смотрел на него и смиренно ждал смерти. Она отпустила меня у Бекеша. Она дала мне отсрочку в дисбате, но не сказала "прощай". И если мне суждено умереть, то какая разница, кто поможет этому - чернявый горец, помешанный на мнимой свободе, или ублюдок из института, сошедший с ума от наркотиков и любви к науке.

Мужчина вонзил иглу в мое сердце, но боли не было. Все ощущения пропали. Мной овладела отрешенность, и я понял, о чем говорил лаборант. Став простым свидетелем событий, я вышел из игры. Кто-то кого-то тыкал иглой, следуя сценарию, взятому из обширной коллекции в банке памяти. Как сказал Дима, "атрибутика".

Мой двойник умирал, подергиваясь в конвульсиях и широко раскрывая рот. Неужели рот действительно мог так широко раскрываться? Он превратился в черную дыру, которая, закручиваясь в воронку, росла на глазах. Дыра заполнила все пространство. Вращение черных слоев создавало вибрацию или, вернее, мягкое, но сильное давление, которое гнало меня к самому краю бездны. До рваного края дыры в бесконечность оставалось только несколько шагов, когда я вспомнил слова Дмитрия. Надо создать разрыв... Но как?

Неземная сила засасывала меня в темное пятно небытия. И тогда, расстегнув "молнию" на брюках, я помочился в другой мир. Прямо в неизвестность...

Когда мы вошли в просторный зал столовой, Дима, наконец, обрел дар речи.

- Боже мой, как я испугался! Мне казалось, что ты вот-вот войдешь туда.
- В дыру?- с усмешкой спросил я.
- В другой мир,- поправил он.
- А ты-то что боялся? Не понимаю.
- Марк, а как, по-твоему, ты попадаешь в эти пространства? Подумай, откуда мне известно о твоих похождениях?
- Наверное, ты - сканер. Следишь за мной, воспринимаешь информацию...

- Я сопровождаю тебя, Марк. И сканеры тоже сопровождают тебя в твоих путешествиях. Для нас, ты - дикий необъезженный жеребец с синдромом слабоумного самоубийцы. Ты мчишься навстречу гибели и тащишь нас за собой. Ты помочился в пасть смерти, а мы - себе в штаны.

- Нечего подглядывать,- пошутил я и похлопал его по спине.

Дима едва не упал. Когда он повернулся ко мне, я увидел в его глазах ту же ненависть, что и в первый день нашего знакомства. Какой чувствительный. Ничего, он учит меня, я - его.

- Никогда больше так не делай, Марк. Никогда!

Его голос дрожал, кадык подпрыгивал, а руки тряслись.

- Да что ты, Дима? Успокойся.

Промолчав весь обед и испепелив меня взглядами оскорбленной гордости, он, в конце концов, простил мою беспечность, и мы отправились на обещанную экскурсию по институту. Во многие места нас не пустили, но общее впечатление я получил. Это был небольшой городок. Люди здесь жили, работали, растили детей, ходили на танцы и в кино. Маленький закрытый городок, вокруг которого раскинулась степь, и у самого горизонта виднелись вышки с прожекторами, замыкавшие оградительный кордон.

Многие корпуса не имели ни окон, ни дверей - проходы туда пролегли под землей. Около силовой подстанции я заметил разрушенное строение. По бетонным стенам метровой толщины змеились широкие трещины. Верхняя часть здания обрушилась. Массивная арматура прогнулась причудливыми дугами. Дмитрий сказал, что это сделала женщина, взгляд которой обладал

чудовищной разрушительной силой. Но я уже понял, что парень любил приврать, и не поверил ни одному его слову.

Мне очень хотелось посмотреть на "изолятор" и уродцев, однако нас туда и близко не подпустили, как, впрочем, и на объекты третьего отдела. Я понял, что люди этого подразделения нагнали страх на весь институт. Когда мы проходили мимо кафе, Дима сказал, что вечерами тут лучше не показываться.

- Это почему же?- удивился я.

- Потому что обязательно нарвешься на них.

Он имел в виду злодеев из третьего отдела.

- Я знал многих сотрудников, которые, совершив ту или иную профессиональную ошибку, буквально исчезали на территории института,- рассказал мне Дмитрий.- Хотя чаще людей просто запугивают. Когда человек нарушает субординацию или ведет свою игру, его отправляют в третий отдел. Он выходит оттуда тихий, как мышка и уже никогда не дерзит начальству. Если же возникают подозрения о его несанкционированных контактах с внешним миром, то он подвергается ликвидации. Такой процесс называют утилизацией.

- Его убивают?

- Не совсем. Он становится "энергоресурсом".

- Его сжигают?

- Не совсем. В лучшем случае у него изымают некоторые органы. В худшем - он становится "фабрикой" по производству редких гормонов и ферментов. Утилизация заканчивается процедурой, во время которой тело жертвы превращается в источник особого энергетического поля, используемого для изощренных физиологических удовольствий.

- А что происходит с человеком?

- Он сгорает изнутри. Интенсивность поля уничтожает плоть и разум.

- Прямо Бухенвальд какой-то. И ты говоришь, что в этом кафе по вечерам собираются убийцы в белых халатах?

- Сюда они приходят в обычной одежде. Это заведение как бы стало их клубом.

- Я не понимаю, почему их так боятся? Если ты знаешь свое дело, о какой "утилизации" может идти речь? Главное, профессиональная пригодность!

- Не будь тупым, Марк. Твою "профессиональную пригодность" определяют они. Наступишь кому-нибудь из них на ногу, и считай, что уже ни к чему не пригоден.

- А почему остальные позволили завести такой порядок? Я думал, в институтах работают умные люди - интеллигенты и ученые. А у вас тут правила, как в зоне...

- Ты прав. Здесь работают ученые. Но они создают империю зла, и это зло до корней пропитало их жизни.

Я взглянул на него и тихо спросил:

- А ты, значит, не такой?

- Да. Я другой. Особенный.

Когда мы вернулись в комнату с тренажером, Дмитрий рассказал о моих ошибках в работе с воображаемыми пространствами.

- Я надеюсь, что теперь ты знаешь, как оставаться в сюжете и как выходить из него. Следующим этапом будет сопровождение, о котором мы уже говорили. Сопровождение или ведение является важнейшей частью в работе любого сканера.

- А кто такой сканер?- прервал я его объяснения.

- Сканер - это человек, исследующий заданное пространство с целью выявления определенной информации. Например, сейчас меня дублируют три наших сотрудника - сканеры "карантина". Конечно, уровень их квалификации невысок по сравнению с коллегами в элитарных отделах института. Но каждый из них, набравшись опыта, займет со временем высокую степень в иерархии нашего коллектива.

Он непроизвольно посмотрел в сторону соседней комнаты.

- В задачу сканера входит поиск информационного блока, внедрение в него, сопровождение, манипуляция с его составляющими элементами и адекватный выход. Если говорить на человеческом языке, манипуляция означает управление поведением сопровождаемых людей - вплоть до их физического уничтожения. Опытные сканеры могут влиять не только на людей, но и на другие информационные системы, которые сейчас модно называть эгрегорами. Мы пока не будем касаться этого вопроса и вернемся к теме сопровождения.

Он указал на тренажер, и я, вздохнув, сел на кресло в центре комнаты. Когда шлем опустился на голову, я снова почувствовал цветочный запах.

- Это какой-то газ?

- Да,- ответил Дмитрий.- Легкий стимулятор. А теперь попытайся представить эту комнату.

Я представил. Стол, горшок с цветком на окне, плафон лампы дневного света с отбитым уголком, потертый коврик на полу у двери. Я представил Дмитрия - вот он подходит к столу и включает магнитофон. И действительно зазвучала музыка. Я знал, что мои глаза были закрыты пластиной шлема, но этот газ творил чудеса. Я как бы видел сквозь шлем.

- Сейчас попытайся вывести свое внимание из тела. Представь, что все твои чувства покидают его и начинают перемещаться по комнате. Создай из них невидимый шар и управляй его движениями, переводя внимание в различные части комнаты.

Пока я пытался выполнить его инструкции, он сказал, что такой шар называют дублем. Если дублю придают человеческую форму, он называется двойником. Без стимуляторов на создание дубля уходит несколько лет, в течение которых осуществляется постепенный перенос чувств из тела в шар. Дима сказал, что сканеры, в основном, пользуются двумя препаратами: цитином и цитоэксом - новыми производными ЛСД. Цитоэкс настолько разрушает нервную систему, что через пять-шесть лет специалисты превращаются в психических калек. Они реагируют на любые изменения эмоционального поля людей, и даже слабая негативная мысль собеседника вызывает у них приступы истерии.

- Однако в эти состояния можно входить иным образом,- продолжил Дмитрий.- Если тебе удастся выделить дубль еще раз, обрати внимание на то, что происходит в твоём теле. Я знаю, что с первого захода ничего не получится, но помни, ключ к любым достижениям пси-воина находится в телесных ощущениях.

Через час у меня появились кое-какие результаты, и Дима перешел от теории к практике.

- Итак, Марк, представь, что ты ведешь меня. Направь свой дубль в мой образ и воспринимай любую информацию, как поток событий какого-то воображаемого пространства. Короче, выполняй работу по внедрению в это пространство, избегай разрывов и все время оставайся свидетелем.

Ощущение было потрясающим. Что-то похожее на переодевание - шел по улице в костюме и вдруг оказался в пижаме. Я чувствовал, как меня наполняют чужие мысли, переживания и желания.

Внезапно все исчезло. Как будто перед вами исчез человек. Я захлопал глазами, но потом вспомнил, что зрение здесь вообще не при чем. Дима возник перед моим взором, словно из воздуха, и начал объяснять, что ведомый может создать разрывы и уходить в другие воображаемые пространства. Для его сопровождения необходимо создавать особые мыслительные установки, которые, как крючки, не дадут хитрым рыбам умыкнуть наживку. Он рассказал о технике астрального следа, о внутреннем компасе и методах "склейки".

А затем он удирал через десятки планов, и я догонял его, цепляясь за дубль, подклеиваясь, находя астральные следы или просто внедряясь в его сознание.

- Иногда,- сказал он,- тебе захочется остаться одному или заглянуть в такое пространство, где постороннему глазу делать нечего. Я научу тебя сбивать сканеров со следа и подставлять вместо себя фантом, но помни, в институте имеются люди, которых этим не проймешь. Они могут вытянуть тебя из любого слоя отражений нашего мира. Впрочем, даже от них можно улизнуть, бросившись в бездну неизвестного.

Он учил меня многому, и я ловил на лету каждое слово. Казалось, что какая-то часть моего сознания уже знала все эти методы и техники. Дима рассказал мне о парадоксах времени и семи ловушках программируемых пространств, попав в которые, становишься пленником создателя данных отражений.

- Видишь ли, Марк,- смущенно сказал Дмитрий под конец нашей встречи.- У меня есть своя работа. Носиться с тобой по пространствам мне не очень интересно, и если ты согласишься, мы могли бы заключить джентльменское соглашение. Я научу тебя всему, что знаю, но наработкой навыков ты займешься самостоятельно. И мне важно, чтобы о нашей договоренности никто не знал.

У меня возражений не было. Я видел его дрожащие руки и понимал, о какой работе шла речь.

День пятый.

Ее звали Гули. Моя ожившая мечта, сказочная птица в ветвях цветущей вишни, прохладный звонкий ручей на фоне жаркого дня. Что она делала с моим сердцем, с моими снами и грезами! Я мог часами смотреть в ее глаза. Я сгорал от любви, и потоки желания уносили меня к небесам при случайном прикосновении к ее руке. Грудь теснилась от счастья, ночь превращалась в цвет ее волос, а рассвет становился улыбкой Гули. Стрелы глаз, нежная гибкость и брови, что сон отнимали...

Эта девушка появилась в селении после налета боевиков на колонну беженцев из Ханы. Только она уцелела в той страшной бойне. И надо же!

За день до налета я сорвался со скалы, собирая целебные травы для бабушки. Мне повезло. Я легко отделался, содрав лишь кожу на боку. Десяток царапин и синяков, распухшая лодыжка и разбитая бровь - пустяк для мужчины.

Я помню то утро - первое ясное утро, когда надоевший дождь кончился, и редкие облака поднялись в голубую высь. Я помню утро, когда впервые увидел ее.

Нога болела. Я едва дошел до ступеней сторожевой башни и замер, наслаждаясь красотой этого места. Зеленый склон сбегал к источнику. Теплые камни, расписанные узорами лишайника; стрижи, рассекавшие воздух; и жужжание пчел в цветах, покрытых каплями росы. А над нами сияло бездонное синее небо, даря мир и покой, словно не было выстрелов в ночи и отблеска горевших машин.

- Эй!

Я оглянулся и увидел ее. Она стояла у изгороди Фарома. Легкое платье трепетало под порывами ветерка. Волосы рассыпались по плечам. Мне вспомнилась фея из сказки: "кораллы уст, жемчужины зубов..." Она смотрела на меня с удивлением и тревогой. Я неловко поднялся на ноги. Мне было неудобно за свое поцарапанное лицо. Не очень удачно для первой встречи. Впрочем, судьба всегда сбивала меня с ног, когда я мог познакомиться с хорошей девушкой. Смущенно пожав плечами, я заковылял в свой двор, но она догнала меня.

- Это ты! Это действительно ты?

Что я мог ей сказать? Слова застряли где-то в горле.

- Все было как в кошмарном сне,- зашептала она.- Я хотела броситься со скалы, но тут появился ты. А я все видела. Тряслась от страха, но не закрывала глаза.

По ее щекам покатились крупные слезы.

- Я сразу поверила, что ты спасешь меня. Просто по другому не могло случиться. Ты был как древний воин из фильма. Ад страшной ночи, крики, огни... и ты, спаситель, вышедший из мрака...

Слезинка на длинных ресницах сверкнула волшебной звездой. Она сжала руками мою ладонь и поднесла ее к своим губам. Я ничего не понимал. Той ночью многие мужчины ушли к дороге, но бабушка не пустила меня, да и какой я был ходок с больной ногой.

- Как тебя зовут?- спросила девушка.

- Марк.

Она дотронулась до моей разбитой брови, а потом, клянусь, поцеловала меня.

- Спасибо, Марк.

Мир зашатался под ногами. Я хотел что-то сказать. Она, наверное, путала меня с кем-то другим. Но это был мой первый поцелуй! И я стоял, открыв рот. Я смотрел ей вслед, пока она сбегала по узкой тропе к дому Фарома. Она обозналась. Я не знал, о каком спасении говорила девушка, но чувство безмерной радости наполняло меня по самую макушку. Смущение исчезло. На земле осталась только эта радость, и я благодарил синеву небес за подаренную встречу.

Мы виделись каждый день. Я шел к мосту у ручья и находил ее там. Старуха Гуне попросила починить крышу, и я весь день видел, как Гули стирала белье во дворе. Когда она поднимала голову, наши взгляды встречались. Проходили мгновения, долгие минуты, а мы смотрели друг на

друга, пока из моих пальцев не сыпались гвозди или у нее не падал в воду отжатый платок.

Однажды я встретил Фарома и начал расспрашивать его о том, что случилось у дороги. Но он только покачал головой и сказал, что я, видимо, сильно ушибся, когда слетел со скалы. Многие люди странно посматривали на меня, и я не понимал причину этих взглядов. Сначала мне казалось, что они не одобряли моего внимания к Гули. Вернее, опасались, что я могу обидеть сироту. Однако Сото убедил меня в обратном. По его словам, я стал легендой этих мест. Он сказал, что по селам разнеслась весть о храбром юноше, который спас в бою прекрасную девушку.

Я не знал, что со мной происходит. Любовь к Гули и непонятное уважение соседей заставляли меня сторониться людей. По ночам я видел сны о человеке, который был очень близок мне и бесконечно далек. Сото говорил, что виною всему был мой возраст.

- Ты становишься мужчиной, и юность уходит в прошлое. С ним грустно прощаться, но и цепляться за него не стоит.

Чтобы развеять мою грусть, он часто уводил меня в горы. Мы поднимались к вершинам, за которыми открывались новые вершины. Мы шли по узким тропам, перебирались через ручьи, и покой древних скал умирал мои мысли и чувства.

Однажды Сото указал мне на горный склон.

- Это ущелье ведет к древнему городу,- сказал он.- Ты не поверишь, но когда-то здесь было прекрасное место. Вон там сеяли злаки, у водопада начинались крепостные стены, а здесь проходило русло небольшой речушки, в которой голая детвора купалась и с визгом ловила рыбу. От города не осталось и пылинки. Орды кочевников сравняли его с землей, и только людская память хранит следы его существования.

- Присядем, Сото. Я хочу пропитаться этим местом. Возможно, здесь жили мои предки. Какое-то чувство тревожит меня.

- Там, у дерева дикой сливы, кончалась ограда дворца, и в вечерней мгле можно было услышать тяжелую поступь часовых. А когда смолкали их шаги, в молодом орешнике мелькало белое платье. Юная дева, служанка властителя, словно дикая козочка, спешила к возлюбленному. Тот ждал у дороги. Отважное сердце сжималось в волнении. И вот долгожданная встреча! Нежный блеск огромных черных глаз, и трепет ресниц, переполненных неги! Слезинка, в которой сверкнула звезда! Как же звали ее... забыл...

- Мефи.

- Ну да, Мефи! Она первой услышала стук меча о щит и побежала поднимать людей. А юноша продержался недолго... В последнюю секунду сквозь кровавую пелену он увидел блеск далекой звезды и прошептал имя своей любимой...

- Ее белое платье украшал серебристый пояс, и глаза обещали скорую встречу. Она не успела. Коварная стрела оборвала ее бег - вон там, у куста, и дикая птица с криком взлетела в ночное небо. А внизу уже понималось пламя.

- Все верно, сынок. Но откуда такая осведомленность? Ты читаешь историю этих мест как с листа.

- Не знаю, Сото. Это как сон. Ты говоришь, и я вспоминаю. Но память ли это?

- Зачем нам слова? Есть прекрасное чувство - слияние с тайной. Связь с частью себя, о которой не знаешь, пока она искрой не вырвется из глубины

души и озарением истины не сожмет твоё горло. Зачем нам слова, когда каждый миг готов открыть века, и каждый камень хочет рассказать о величии прошлого? Надо только научиться слушать. Надо только научиться принимать. Что случилось сейчас? Ты отдался покою, безмолвию гор, этим теням на скалах. Ты принял мир без поправок и страхов. Ты прожил этот миг! Так к чему нам слова?

- Значит, я могу сделать это и в следующий раз?

- Подумай, о чём ты говоришь? Если ты собираешься жить только по две минуты в день, то кто же ты сейчас?

- Мертвец?

- Хм! Давай оставим тебе перспективу. Ты - слепой щенок, который учится видеть.

- А можно ли прожить вот так всю жизнь? И если каждый миг несёт в себе века, то что же это будет?

- Чарующая цель: бессмертное сознание!

- Давай попробуем ещё!

- Давай.

- Вот здорово! А как?

Тихими вечерами, когда звездное небо опускалось на чёрные зубья горной гряды, мы встречались с Гули на нашем месте у башни, и я рассказывал ей о себе, а она вспоминала о маме и брате, о доме, белевшем в зелени фруктового сада. Наши пальцы сплетались, губы приближались близко-близко, и время отступало прочь. Терялись очертания домов, нас обнимала ночь. Глаза Гули, отблески зарниц и долгая песня влюбленных сверчков.

Порой к нам приходил Сото. Мы разводили маленький костер. Гули опускала голову на мое плечо, старик подбрасывал в огонь сухие ветви. Мы смотрели на пламя и молчали. Молчание у костра - это песня. Молчание у костра - это миг и вечность. Нежные волосы Гули у моего лица, ее ладонь в моей руке, задумчивый взгляд Сото и наше молчание. А иногда он рассказывал нам свои сказки.

- В эту ночь нельзя не говорить о любви. Я никогда еще не видел такой огромной и полной луны. Ее призрачный свет будит в моем сердце давно забытую историю. Взгляните на башню - этот суровый памятник прошлого. Она, как неустанный часовой! Чернота пустых бойниц, печальный отблеск огня на несокрушимых стенах. Это история о любви - любви несчастной и, быть может, нелепой. Но поверьте, наша башня влюблена в луну.

Я обернулся и посмотрел на мрачные контуры древнего сооружения.

- В спокойные тихие ночи луна протягивает свои лучи к бессменному стражу, и ее страстные поцелуи оставляют на каменных стенах игривые пятна света. Она зовет любимого за собой - туда, где мир теряет свою устойчивость, где возможны любые чудеса, где любовь луны и сторожевой башни обычное дело. Но страж не может уйти. Он остается здесь, охраняя селение и людей от кровавых набегов. Как объяснить ему, что минули года, когда мощь и верность башни была суровой необходимостью? Как объяснить ему тщетность его предназначения?

Старик покачал головой.

- А кто из нас может признать никчемность своей жизни? Не будем осуждать нашего стража. Его любовь заслуживает уважения. В дождливые

грозовые ночи, когда небо покрыто тучами, и свет луны скрыт непроницаемой пеленой, сердце башни рвется от тоски и одиночества. Отчаяние пронизывающим ветром волочит по каменным плитам пожелтевшую листву напрасных желаний. Косые струи дождя не в силах погасить огонь разлуки. И криком ночных птиц летит к небесам его страстный призыв: "О, милая луна! Приди ко мне! Иначе моя жизнь становится пустым прозябанием!"

- Мне жаль сторожевую башню,- прошептала Гули.

- Не надо жалеть! Любовь - это таинство. Любовь - это зов неизвестного. Кто знает, быть может, однажды утром ты не увидишь башню на этом месте. Когда-нибудь сила любви поможет ей освободиться от уз долга, и ее существование обретет новый смысл.

- Я больше никогда не смогу смотреть на эту башню, как прежде. Что ты сделал, дедушка Сото?

- Не я это сделал, а ты! Ты полюбила ее. И это чувство родства отныне всю жизнь будет наполнять тебя воспоминаниями о юности. Луна-то какая! Пойду подменю на часок этого стража. Пусть сбегает к своей подружке. Только, чур, не подсматривать! Вы еще маленькие!

Из дома пришли тревожные вести. В городе снова шли бои. Отец получил осколочное ранение, но в больницу не поехал - там его могли принять за боевика. К тому же, в пригороде бушевала холера. Мать просила приехать. Забота об отце занимала все ее время, и кому-то надо было добывать пропитание. Я рассказал о предстоящем отъезде Гули, и мы решили, что лето она проведет у моей бабушки, а если обстановка у границы улучшится, я вернусь за ней и увезу в город. Из Ханы по нашей дороге каждый день проезжали колонны беженцев. Я мог добраться до города вместе с ними.

Вечером снова пошел дождь. Бабушка со вздохами собирала мои вещи. Пришла Гули, потом Фаром, а за ним потянулись остальные жители селения. Говорили о боях и трудностях военного времени, вспоминали мирную жизнь и кляли людей, на челе которых пятнами позора чернело горе многих искалеченных судеб.

Ночью мне снова приснилась сторожевая башня. Гули в белом подвенечном платье махала мне рукой, а я уходил по дороге и вдруг, в который раз обернувшись, увидел, как от бойниц к земле заскользили змейки трещин. Твердыня башни дрогнула. А Гули махала мне рукой и печально улыбалась. Я закричал ей: "Уходи!". Я кричал, махал руками, но она не слышала меня. Поднеся ладонь к губам, она послала мне последний поцелуй. Я бросился к ней. Но трещины бежали быстрее, и над головой Гули уже откалывался огромный кусок стены...

Я простился со всеми, но провожать меня пошел один Сото. Ах, как мне хотелось остаться здесь - с людьми, которых я полюбил и которые убедили меня в возможности счастливой жизни. Шел мелкий дождь. На повороте дороги виднелся столб автобусной остановки. Мы сели на покосившуюся скамью. Грусть сжимала мое сердце.

- Эта разлука, как клетка, в которой томится душа. Отчего, Сото, мы ушли от лучшего? Почему судьба все время крадет у нас друзей и любимых? Знаю, что эти вопросы были всегда и что они всегда оставались без ответа. Но теперь, когда идет дождь, я искренне рад ему - в нем столько печали.

-Я понимаю тебя, сынок. Когда я печален, шум дождя наполнен тоской и грустью. Когда мне весело, его струи несут мне хорошие вести. Снова печален, и тучи чернее судьбы. Весел, и вновь отмечаю в разрывах я яркое солнце. Но есть и другая сторона! Каким бы ты ни был, дождь все равно идет, и тучи иногда скрывают небо. То, как ты видишь мир, лишь зеркало, в котором только ты. Разбей его! Оно кривое!

- Скажи, Сото, а ты доволен прожитой жизнью?

- Как тебе сказать... Было много возможностей изменить ее. Некоторыми я воспользовался, другие - упустил. Но, вспоминая упущенное, я до сих пор испытываю чувство сожаления. А это говорит о том, что мой путь не пройден до конца. Жизнь похожа на могучую реку. Прекрасны ее берега - судьба подарила мне много друзей. Я восхищаюсь ее водоворотами событий, перекатами сомнений, всплесками озарений и побед. Я благодарен всему, чему оказался свидетелем - всему, что позволило мне пережить невероятную глубину этой удивительной реки.

Он вздохнул и посмотрел на низкие тучи.

- Иногда я задаю себе вопрос, каким же будет море, куда меня принесут ее воды? Смогу ли я ощутить в том море свое присутствие? Неужели это будет только миг? Представь себе, миллионы лет бесчисленные сонмы существ наполняли его своими чувствами, желаниями и сознанием. Какое знание хранит оно! Какая всепоглощающая мощь сокрыта в нем! Одно то, что эта непостижимая вещь существует на конце нити моей жизни, наполняет меня ликующей волной блаженства и счастья. Как хочется мне увидеть его, познать и раствориться в нем. Я уже слышу грохот его волн, бьющих о скалы моей нерешительности. Торопит время, торопят годы, торопит твой взгляд, твое непонимание.

- Прости, Сото, но я действительно не понимаю, о чем ты говоришь. Чего ты ищешь? Смерти? Или бессмертия? Ну что же ты молчишь?

- Мне не интересуют ни смерть, ни бессмертие. Я хочу быть между ними.

- Но это невозможно!

- Ты вновь построил для себя предел, и что же изменилось? Опять перед тобой сидит старик, которого покинул разум, а впереди ждет мир, где все расписано по пунктам...

Мы долго сидели в молчании. Из-за поворота показалась колонна грузовиков. Сото встал, обнял меня и прошептал:

- Прощай. Вернее, до скорой встречи!

Забравшись в кузов, я не сводил глаз с его фигуры, которая вскоре исчезла в пелене дождя - как призрак; как надежда, которой не суждено было сбыться.

Вечером колонна остановилась в Шаханде. Люди собирались у костров и с тревогой обсуждали свежие новости. Говорили об отряде арабов, который прорвался сквозь заслон миротворцев. Бандиты бесчинствовали в горах и угоняли скот. Их командир Бахад поклялся отомстить за смерть брата, который погиб при налете на одну из колонн беженцев. Позже мне рассказали историю о том, как храбрый юноша уничтожил шайку разбойников под предводительством брата безжалостного Бахада. Старики печально кивали головами и молились о спасении жителей того села. Им грозило уничтожение.

Я вскочил на ноги. Мое сердце забилось в тревоге. Как же их спасти? Как предупредить? В глазах замелькали лица Гули, бабушки, Сото...

Около шести утра меня, полуживого от непрерывного бега и ходьбы, подобрал грузовик миротворцев. Веселый солдат спросил, почему все бегут в одну сторону, а я - в другую.

- Бахад,- с трудом переведя дыхание, ответил я.- Он хочет сжечь мое село.

Солдат кивнул и больше не сказал ни слова. Около восьми утра мы наткнулись на две обгоревшие машины. Еще вчера их не было.

- Вот твой Бахад что делает,- сказал солдат, указав рукой на искореженные остовы машин.- Ты с этим умеешь обращаться?

Он дал мне ручной пулемет и сказал, что на следующем повороте нас может ожидать засада. Я встал в открытом кузове и прислонился к кабине. Знакомая тяжесть пулемета вернула забытую память. Солнце слепило глаза и обжигало кожу. Скалы сливались в бесконечную серую ленту. Палец на спусковом крючке немел от напряжения. Из разбитой брови стекала кровь. Я проморгался и снова перевел взгляд на горы.

В кузове на куске брезента лежали раненые ребята. У заднего борта стонал Богдан - наш сапер. Из-под окровавленной повязки на животе выползали кишки. Он вяло запихивали их обратно под алую марлю, но при каждом толчке машины они снова и снова выскальзывали из его скользких пальцев.

Я знал, что за поворотом, нас ждали боевики. Так оно и оказалось. Туз снес с дороги горящий "газик". Пашка привстал, и его свалило очередью. Эх, Паша, друг... Мой пулемет пел песню смерти. Я косил их под корень. Туза зацепило. Машина врезалась в скалу, и меня выбросило на дорогу. Кровь заливала глаза, разбитое колено не желало гнуться, но руки сжимали пулемет, и, значит, песня была не допета.

Они не ждали нашего появления. Во всяком случае, позиция у них оказалась паршивой. Сквозь кровавую муть и зыбкую пелену раскаленного воздуха я увидел силуэты людей у скалы и прошелся по ним длинной очередью - за Пашу, за ребят, за тех, кто погиб на перевале, за обманутых парней, которые принесли в эти горы мир, а в ответ получили предательскую пулю.

Злобные пчелки смерти зажуужжали над головой. Я смахнул кровь с глаз и дал прощальную очередь.

- Марк!- закричал знакомый женский голос.

Я увидел белое платье Гули. Я увидел бабушку и Сото. Фаром склонился над убитой женой. И Гули кричала, кричала, протягивая ко мне руки.

- Марк! Не делай этого! Марк!

Но было поздно. Вестники смерти отправились в путь. Они не щадили ни боевиков, ни заложников. И не вернуть тех мгновений, когда глаза уже узнавали, а руки по-прежнему вели длинную очередь, прерывая жизни любимых и близких мне людей. Я видел, как Гули упала на колени. На белом платье расцветали красные соцветия. За ней в пыль повалились бабушка и Сото. Фарома откинуло на скалу, и он медленно сползал вниз, оставляя на камнях кровавый след.

Я закричал. Потому что это был не сон. Я действительно убил их! Там, у Бекеша! И моя память прокручивала кадры реальных событий. Гули упала. И рухнула сторожевая башня...

Я кричал, призывая смерть. От крика дрожала земля, и с небес сыпались бутафорские звезды. У ног расплзалась черная бездна. Бушующий алый

вихрь взвился вверх, отбросив меня в сторону. Но, взглянув на белое платье Гули, на багровые пятна от пуль - взглянув на Сото и людей, которые были моими лучшими друзьями - я бросился в пропасть небытия, потому что не мог больше жить в этом мире.

День шестой.

Сначала был просто узор. На красном фоне вились желтые ломаные линии. Они медленно перемещались влево, и когда я останавливал это движение, появлялись голубые пятна. Они вызывали чувство тошноты и тупой боли, хотя тела не было. Его просто не существовало. Чуть позже возникли белые полосы. Красный фон превратился в какие-то трубчатые образования - очень красивые и бесконечно длинные. Их гладкие стенки приносили покой и нежное наслаждение.

Затем появился "тело". Оно лежало на железной койке в длинной и узкой комнате. Восприятие было нарушено. Вместо окна виднелось светлое пятно. Посреди комнаты на полу чернел вытянутый прямоугольник. Я боялся провалиться туда. Позже выяснилось, что это был стол.

Приподняв дрожащую руку, я закрыл глаза и попытался дотронуться пальцем до кончика носа. Ноготь больно уперся в нижнюю губу. Мне удалось скатиться на пол и подняться на ноги. Шатало. В ушах звенел истошный непрерывный крик. Он исходил из дальних уголков сознания. Левая нога с трудом делала шаг, а правую мне приходилось тащить. Передо мной была стена, но я знал, что в правом углу находится дверь. При повороте головы в углу мелькало какое-то подобие дверного проема.

Ноги подкосились. Чьи-то руки подхватили меня. В глазах померкло. Я снова оказался на железной койке. Что со мной? Неужели это другой мир? Как только пришла эта мысль, ко мне вернулась память. Я вспомнил, как убивал своих родственников, любимую девушку, Фарома, его жену и десяток ни в чем неповинных людей.

Из груди вырвался всхлип. Кто-то похлопал меня по щеке. Я сфокусировал взгляд на мутном силуэте. Надо мной склонился майор. Как же он оказался в другом мире? Или я уже вернулся? В глазах прояснилось. Я увидел слезы на щеках командира и почти поверил, что мы в другом пространстве. В нашем мире майор никогда не плакал.

- Что они с тобой сделали, Марк,- прошептал он и смахнул с ресниц слезу.- Ублюдки! Уроды!

- Мы... в другом... мире?- спросил я.

- Нет, Марк. Но можешь считать, что я выкрал тебя с того света. Они держали тебя в операционном отделении третьего отдела. Мы с Гуриком выкрали тебя, сняв пару охранников и ночного дежурного. Ты помнишь Гурика? Он вел у вас на первом курсе огневую подготовку.

Я вспомнил этого человека. Но при чем здесь операционное отделение и третий отдел?

- Они, гады, ставили на тебе опыты, Марк. Делали вытяжки из мозга. Какого черта ты отказался от нашей службы? Они посулили тебе пряник, и ты побежал за ними, как пацан.

- Я был в другом мире?

- Ах ты, мать твою... В каком еще мире? Они накачали тебя наркотой, ввели в какое-то особое состояние, а затем выдоили, как корову.

- Значит, опыты... Вы знали об этом?

- Нет. Вчера я пришел забрать тебя в казармы. Мне сказали, что ты отказался от службы в моем подразделении и дал согласие на работу в третьем отделе. Но я же знаю тебя, Марк. Ты и третий отдел? Чепуха какая! Они включили видеозапись, а там ты, как щенок, им руки лижешь. "Научите тому, да этому. Какие перспективы, Доктор?"

Он сплюнул и выругался.

- Вот тебе и перспективы! Я сразу понял их ход. Поверь, я наслышался о них такого, что кровь в жилах стыла. И вечером мы с Гуриком прошлись по их корпусам. Однако ты уже был готовый. В полной отключке. Мы прихватили с собой пару видеокассет. Позже можешь посмотреть, на что ты променял нашу службу.

- Где я?

- Мы спрятали тебя в казарме. Пару дней отлежишься, а потом я проведу тебя за кордон.

- Бесполезно... У них сканеры...

- Наши ребята соорудили защитный экран, так что здесь тебя не найдут. А на воле сам о себе позаботишься. Не маленький.

Он помог мне встать, усадил за стол и покормил бульоном. Зрение почти восстановилось. Тем не менее, когда я поворачивал голову, предметы искажались и меняли очертания. Тело сотрясали волны отвратительной слабости. Майор обещал зайти через пять часов и просил не выходить из комнаты.

- Станет скучно, фильмец посмотри.

Он кивнул в сторону видеоманитона.

- Эти гады засняли всю операцию. Только, Марк, не горячись. Обдумай все на трезвую голову. И помни, тебя сейчас ребенок завалит. Надо набраться сил, сынок.

Когда он ушел, я с трудом дошел до койки и попытался уснуть. Мне приснился яркий летний день. Люди косили траву, зной растекался по склонам. Ниже виднелось село, и над головой звонко пела пичуга. Время близилось к обеду. Мы собрались под навесом. Хорошая еда, покой, неторопливый разговор. И рядом сидел Сото.

- Высокая нынче трава. Может быть, и осень урожаем не обидит. Как думаешь, Сото?

- Может быть, и не обидит, если не будешь подозревать ее в плохом к тебе отношении.

- Ха! Все шутишь. У меня вот сын в университете учится. И вроде бы скоро ученым будет, а говорить с людьми не умеет. Будто букварь перед тобой. "Хм, гм, ну, гну". Я думаю, поменьше книг читать надо и побольше жизнь изучать. Если бы ты, Сото, учил детей, что бы делал, а?

- Я запер бы их в комнате и велел следить за полетом мухи.

- Зачем?

- Чтобы они поняли свою жизнь. Вот послушай. Жила в доме у старухи Гуне одна большая муха. Она жила там давно и знала дом прекрасно. Жизнь ее текла немного однообразно, но пищи было вдоволь, рядом жужжали веселые подружки, и наша муха степенно летала от окна к двери, от двери к печке, от печки к засиженной картине на стене - всегда по заведенному маршруту. Иногда в минуты вдохновения, которые были редкими и потому томительными, она позволяла себе, описав головокружительную восьмерку, присесть на лампочку, висевшую под потолком и, камнем бросившись вниз, привести в трепет соседок своим искусным виражом у самого пола.

Все в доме нравилось мухе. Все дышало покоем и безопасностью. И это был бы настоящий рай, если бы не открытая форточка. Старые мухи слагали о ней легенды, и многие считали, что именно оттуда приходила смерть. Это место было пугающим и интересным. Муха часто сидела на окне и наблюдала в зияющее отверстие за неизвестным ей миром. Холодный ветер врывается оттуда в комнату, рассеивая на миг дремотную атмосферу дома. Крылья трепетали. И новые запахи звали вдаль. Но старые мухи говорили, что неизвестное опасно, и, конечно, они были правы. Она сама сотни раз видела мелькание птиц за стеклом, а что уже говорить о воде, струящейся с неба, о том невыносимом летнем зное, защитой от которого мог быть только дом старухи Гуне. И все же в душе муха знала, что держат ее здесь только лампочка у потолка и восторженные вздохи ее беспечных подруг.

И вот однажды в дом пришел мальчик. Не знаю, почему, но жужжание большой мухи не понравилось ему, и он, вычислив ее маршрут от окна к двери, от двери к печке, от печки к картине на стене, решил ее уничтожить. Знакомый путь стал ловушкой для мухи и, понимая это, она безудержно крутила свои восьмерки, но и они вскоре перестали быть загадкой для мальчика. Срок жизни сократился до секунд. Надо было решать - форточка или смерть, ужасное неизвестное или мокрая тряпка...

- Что дальше, старик? Почему замолчал?
- Что дальше, пусть каждый из вас решает сам.
- Зачем обижаешь? Что ты нас за мух принимаешь?
- О чем ты хотел сказать своей сказкой, Сото?
- Я хотел сказать, что, довольствуясь известным нам миром, мы лишаем себя возможности воспринимать неизвестное.
- Дедушка, а где найти его, это неизвестное?
- Э-э, милый Бичо. Оно везде! Здесь, там, за этим холмом.
- За этим холмом дорога через пустошь.
- Почему ты так уверен, что все известно и остается без изменений? За холмом уже нет дороги.

- Сото, опомнись, ты шел по ней сюда. Не смейся над мальчишкой. Эй, Бичо, куда побежал, дурачок! Он пошутил.

- Я не шучу, малыш! Беги в неизвестное! Кто знает, может быть, именно за этим холмом тебя ждет твоя форточка!

Я посмотрел на него, на этих людей, которых успел полюбить, и слезы потекли по моим щекам. Я знал, что сплю. Я знал, что это только сон! Слезы текли и срывались вниз с ресниц и подбородка, падая в чашку душистого чая, которую мне подал Фаром. Сото обернулся, взъерошил мои волосы и тихо сказал:

- Мы не виним тебя, Марк. Не надо плакать. Будь мужчиной.

На экране появилось лицо той приятной женщины, которую я видел в конторе Дока. За ее спиной виднелся пульт, на котором цепочками огней мерцали разноцветные светодиоды.

- Программа "Геронтология", - объявила она. - Кодовое название "Нектар Чандры". Девятый эксперимент. Предыдущие восемь позволили отточить методику получения бесценного гормона, который выделяется организмом в состоянии трансовой псевдосмерти. В данном случае акцент ставился на быстрое погружение субъекта в искомое состояние. Капитану Белову удалось внедрить блок самоуничтожения в течение пяти дней.

Я увидел сияющее лицо Димы. Вместо белого халата с желтыми пятнами от реактивов на нем был черный китель с капитанскими погонами. Три орденских планки говорили о заслугах перед родиной.

- Фактически, успех эксперимента определялся наработками прошлых опытов. Как вы помните, наш пятый испытуемый легко принял установку на псевдосмерть после того, как поверил в существование других миров. Однако степень доверия прямо пропорциональна затраченному времени. На обработку шестого и седьмого подопытных ушло соответственно три и два месяца. Трагическая ошибка с восьмым субъектом указала нам новое направление, и в данном эксперименте мы ввели архетип учителя, с позиции которого закреплялись необходимые установки. То есть, подсознательные команды вносились притчами, сказками и прочими атрибутами духовной традиции.

Я смотрел на его одухотворенное лицо и сжимал кулаки.

- Эффект оказался столь внушительным, что мы едва не получили непредвиденный финальный пик на четвертый день эксперимента. Таким образом, существуют перспективы для дальнейшего сокращения сроков в процессе обработки.

Капитан Белов, ошеломленно подумал я. Руководитель группы третьего отдела. Как не вязалась его форма и этот сухой доклад с тем наркоманом, которого я знал. А может быть, он просто хороший актер?

На экране снова появилась женщина. Она начала рассказывать о предыстории темы: о "мудрах" йоги и специальных упражнениях, необходимых для пробуждения скрытых резервов человека, которые в обычных условиях находятся в латентном состоянии. Она говорила о "кхечари мудре", позволявшей йогам не только контролировать рефлекторный импульс к новому вдоху, но и стимулировать выделение "лунной амброзии" из железы, называемой "центром Чандры". Секреты этой железы считались напитком бессмертия.

В течение полутора лет институт разрабатывал тему геронтологии - науки о старости. Как сказал капитан Белов, нашим миром руководили старики, скопившие деньги и власть. Единственной силой, которая отнимала их накопления, была смерть. Поэтому "нектар Чандры" или вещество, позволявшее удлинять их бесценные жизни, могло стать рычагом для любых политических и экономических реформ.

Полтора года специалисты третьего отдела изучали процессы телесной химии, которые в той или иной степени влияли на стимуляцию так называемого "центра Чандры". Итогами исследований стали "трансовая псевдосмерть" и методика введения подопытного человека в это измененное состояние сознания.

- Субъект воспринял идею другого мира, как аналог смерти,- продолжил капитан Белов.- В своей жизни он нередко находился в критических ситуациях. Его средством предохранения психики от стрессов была идея вызова, который он якобы бросал надвигавшейся смерти. Нам оставалось внести в эту формулу элемент, разрывающий систему ценностей. Для этой цели мы выбрали эпизод с гибелью заложников, где каждому персонажу была придана другая ролевая значимость. Таким образом, мы внедрили не только архетип учителя, но и несколько базовых дополнений, в том числе "любимую девушку", "добрую бабушку" и "верных друзей", как это было в четвертом и восьмом вариантах.

Он продолжал описывать эксперимент. Я вдруг понял, что у меня появились враги, и среди них был один кровный - капитан Белов. А когда я

видел врагов, внутри у меня нажималась маленькая кнопочка, и моя ярость начинала искать выход.

Вторая кассета демонстрировала ход операции. Вид у меня был, как у тряпичной куклы. Они тыкали меня шприцем в переносицу и правый глаз, словно щупами в поисках мины. Они цедили из меня сукровицу, и мое тело дрожало в конвульсиях. Но я досмотрел этот фильм до конца, потому что каждый кадр добавлял нули и единицы к тому счету, который мне надо было им выставить.

- Как и в предыдущих случаях, нам не удалось избежать частичной апоплексии,- доложила женщина.- Паралич лишил нас возможности вторичного использования данного субъекта. Причины будут выясняться при последующем анатомическом вскрытии. На сегодняшний день нами получено три миллиграмма амброзии, поэтому группа просит разрешение на продолжение работы и на поставку нового донорского материала...

На экране возникло разъяренное лицо Доктора.

- Генерал, я хочу выразить особую точку зрения и обратить ваше внимание на недопустимое расточительство талантливыми кадрами.

Ткнув пальцем в мое тело, он хрипло закричал:

- Из этого парня получился бы прекрасный сканер. Он без всяких стимуляторов заходил в такие пространства, куда Белову и на цитоэксе никогда не въехать. Неужели мало бросового материала? Вчера вы подписали приказ на перевод в эту программу восемнадцати человек из отдела разведки. А кто их заменит? Белов забирает самых лучших! И через неделю они превращаются вот в такое дерьмо!

В гневе Доктор грохнул кулаком по моей груди. Его сменила довольная физиономия Белова.

- Прошу прощения, генерал. Наш старый Док живет вчерашним днем и часто бывает до смешного нелепым. Я вот думаю, может быть, мы и его утилизируем?

Дима захохотал. Его лицо исказила отвратительная гримаса, и в чертах появилось что-то мерзкое и дьявольское. Я знал, где найду его. И я уже знал, куда засуну ему эту скляночку с жизнями восьми парней.

День последний.

В кабине "газика" было жарко. По лицу и шее стекал пот. От бесконечных поворотов и зигзагов уставали глаза. Парень за рулем тихо напевал что-то под нос. Монотонный гул двигателя прерывался резким скрежетом из коробки передач, и новый поворот уносил меня все глубже в ядовитые раны прошлого...

Майор собрал группу из восьми ребят и решил прорываться до первого крупного города. Две кассеты с записью опытов над людьми могли поднять немалый шум, и генералам пришлось бы закрыть эту гнилую лавочку - проклятый институт биохимических исследований.

Мне терять было нечего. В моем горле кипела такая жажда мести, что ребята без споров оставили меня в городке. Они захватили бронетранспортер и немного покуролесили на защитных рубежах. Гурик взорвал резервуары с горючим. Когда они ушли на всей скорости в степь, наступила моя пора. Ночь озарилась светом пожара. Люди метались и паниковали: никто не понимал,

что происходит. Майор сказал, что их радист собрал несколько постановщиков помех, от которого у сканеров ломило головы и зубы.

Парни ушли. В погоню за ними послали три "вертушки". Но я не сомневался, что майор прорвется. Он знал тактику боя и искусство выживания. Этот лис мог спрятать в степи не только людей, но и танковую колонну. В любом случае, майор себя в обиду не даст.

Правую ногу так и не отпустило. Она волочилась, как бревно, но к назначенному сроку, когда ребята начали прощальный фейерверк, я был на месте - около кафе. Едва загрохотала канонада, и эти крысы высыпали на крыльцо, я уложил тех, кого узнал по кадрам фильма, а Белова взял в заложники.

Они пытались вклиниться в мои мозги. Они втыкали в меня иглы и травили наркотиками. Но лютая ярость была сильнее их змеиных укусов. И этот подонок пошел за мной, как ручной ягненок. Его глаза побелели от страха. Там, у сейфа, когда я потребовал капсулу с амброзией, он сломался и напустил в штаны. Он умолял меня не убивать его.

- Вот здесь твое исцеление,- кричал он, протягивая руку с заветной склянкой.- Это вещество небывалой силы! Ты поправишься! Ты снова станешь крепким, Марк. Не убивай меня, и я сделаю для тебя все. Поверь мне, поверь...

Резкий толчок машины подбросил меня на сидении и оборвал воспоминания.

- Что, русский, сон плохой приснился?- с улыбкой спросил водитель.- Стонал, как от боли.

- Да,- ответил я.- Плохой сон.

- Ты куда едешь? Здесь все селения сожжены. Бои шли, сам понимаешь.

- На могилу друзей,- ответил я.

Он молча кивнул и снова затянул свою тихую песню.

Да, подумалось мне, это было как в кошмарном сне. Но я отомстил за себя и тех людей, которых они называли подопытными и субъектами - за тех, кто поверил им, поверил в чудесные сказки о других мирах и воображаемых пространствах. Там в институте мне хотелось найти их генерала. Я никогда не любил генералов. Это они бросали молодых парней то в Чечню, то в горнило национальных разборок. Им было плевать на кровь и вырванные из тел куски. Они по колено ходили в слезах матерей и нежили толстые задницы на черной коже персональных "Мерседесов".

Жаль, что я не нашел его. Жаль, что я не знал, как отличить хороших ученых от плохих. Меня страшила мысль, что может повториться история с заложниками, и что в слепой ярости я нанесу вред невинным людям. А мне почему-то верилось, что здесь было много простых и честных граждан, которых запугали и которым задурили головы. Они жили в радужных замках научных открытий и не ведали зла, сотворенного их руками.

Короче, я ушел - точнее, улетел, угнав военный вертолет.

- Эй, русский! Эй!

Я открыл глаза. Мы подъезжали к Бекешу. Парень остановил машину. Я вытащил из кармана деньги, но он замотал головой.

- Я дальше тебя не повезу. Если здесь меня увидят с тобой, то голову отрежут. Иди дальше сам. Счастья тебе. Не обижайся.

Я кивнул ему, закинул рюкзак на плечо и пошел по пыльной дороге. В лицо светило палящее солнце гор. Иногда мне встречались местные жители. Они с удивлением смотрели на меня и недоверчиво качали головами.

Возможно, их удивляло мое появление в этих местах или то, что я пока еще был жив. Однажды один из них крикнул:

- Эй, русс! Что здесь забыл?

И я ответил:

- Себя!

Он дал мне воды. Мы молча сидели плечо к плечу, пока его трубка не погасла, а я не отдохнул для нового перехода. Потом был тот самый поворот, и мне на миг показалось, что у скалы я снова вижу Гули и Сото. В уме мелькнула мысль, что прошлое - это только сон. Я ушел от них и вновь вернулся. Сейчас Гули протянет ко мне руки и бросится навстречу, а Сото будет добродушно усмехаться в седую бороду.

Но нет. За поворотом меня ожидала лишь голая скала, нависшая над дорогой. Лишь ровная строчка выщерблен, разорванная в тех местах, где были их тела. Я сел под скалой и до вечера смотрел на камни и песок, отыскивая следы того дня. Вот здесь она упала на колени, и крик ее снова повторился в моих ушах. Он звучал во мне все время. И даже тогда я удивился, откуда она знала мое имя. Ах, Гули! Она звала меня! Она узнала!

Солнце опустилось за гряды. Потянуло прохладой, и я вновь отправился в путь. Когда небо расцвело мириадами звезд, и огромная луна осветила ущелье, я вышел к старой скамье на забытой автобусной остановке. Правая нога отказывала. Я сел на скамью и уставился на свои потрепанные сапоги. Мне вспомнилось прощание с Сото. Он знал! Как жаль, что старик не предупредил меня, поверив в ясность моего ума. Как жаль... Иначе бы все было по-другому.

Полная луна освещала скалы серебристым светом. Мне вдруг почудилось, что за моим плечом возникла тень. Я ждал, что нежные пальцы вот-вот сплетутся с моими, и голова Гули опустится на мое плечо. Я сидел и боялся испугнуть это хрупкое видение. Казалось, что еще секунда, и случится чудесная встреча. Как в тех воображаемых пространствах, когда грань реальности размывалась, и мне оставалось лишь бережно и мягко отдаваться ходу событий.

Но нет! И полная луна солгала тогда, пообещав нам незыблемость любви. Капитан Белов и орды генералов украли наше счастье. Они уничтожили тайком людскую радость, мирный быт, тепло очагов и колыбельные песни. Они превратили полную луну в бесчестную лгунью, и она стала губить сердца всех тех, кто верил в ее призрачный свет.

Я поднялся на ноги и пошел, оставив рюкзак на скамье. Зачем мне теперь был нужен рюкзак? Печаль в него не помещалась.

Почти на рассвете я добрался до источника. Он иссяк, хотя неделю шли дожди. Он иссяк, как иссякла жизнь в разграбленных домах маленького селения. Алчная стая гиен пронеслась через ущелье, не пощадив ни людей, ни их счастья. Там, где прежде прохладные струи радовали глаз, на высохшей глине виднелся кал лошадей. Птицы умолкли. Наверное, улетели, не выдержав звона разбитого мира.

Я встретил рассвет у развалин башни. Хотелось пить, и можно было сходить к мосту, где ручей петлял между камней. Но я сидел и ждал, когда придет она. Днем меня навестил дождь, и в садах гулко падали сочные яблоки. А вечером, когда на кустах засыпали розы, и мокрая трава сверкала в лучах заходящего солнца, порывы ветра понесли по песку обрывки моего прощания.

Мы приходили сюда каждый день. И теперь только здесь я чувствовал себя живым, потому что в этих развалинах обитали мои надежды и мечты. Взгляд застыл на повороте тропы. Я ждал.

Вся моя жизнь была как это разграбленное село. Только знаки былого, рухнувшие стены, невыносимая боль и одиночество. Но я снова пришел сюда, потому что здесь были наши встречи, касание пальцев, первый поцелуй и гортанные вздохи любви.

Чего я жду? Почему теряюсь в смутном контуре тропы, уводящей меня в прошлое? Она так мудра - эта темнота, собравшаяся там. И когда она подплывет ближе, когда окутает меня сыреющей свежестью сумерек, я спрошу ее: все ли верно? Может, что-то не так? Может, что-то напрасно? Может быть, не так наивны были наши помыслы, не так чисты прикосновения рук? Иначе, отчего судьба оказалась настолько жестокой? Иначе, почему я здесь - в этом затаенном уголке моей памяти, где все пропитано воспоминаниями о тебе?

Гули, ты слышишь? Я зову тебя! Ты та девушка, о которой я тосковал всю жизнь. И я пришел, чтобы встретиться с тобой. Я расскажу тебе все. Я расскажу о пустом безумии жизни без тебя и о тех минутах, когда запах, мысль или тень разрывали грудь невероятной надеждой - надеждой о том, что ты где-то рядом. Пустой надеждой. Такой же пустой, как глаза и сердца людей, определивших наши жизни.

Мне бы только дождаться твоего прихода в этот отдаленный уголок моей памяти. Ты поймешь и простишь. Ты уведешь меня с собой, и мы пойдем в дрожащую зыбкую тьму в конце тропы - в то небытие, где снова повторятся счастливые мгновения и радостный смех. Где вырвется долгожданный вздох любви - вздох, который когда-то оборвала жизнь...

Эпилог

Когда маленький банкет подходил к концу, Доктор поднял со стола тяжелую голову и увидел напротив себя незваного гостя.

- Поздравляю вас с успешным завершением эксперимента, Док.
- Пошел прочь, мерзавец. Я ненавижу тебя и твои мерзкие интриги.
- Интриги? Да бросьте, сударь! Я честнее вас всех. Возьмите, к примеру, этого убогого салдафона. Вы заливали ему о заданиях родины и предначертанной миссии. А я, между прочим, рассказал ему о парадоксах времени и ловушках искусственных пространств. И если бы у него была хоть доля того ума, который вы ему приписывали, он вышел бы из расставленной западни. Просто диву даешься, до чего инфантильны люди. Элементарный сценарий, программа трещала по швам. Стоило тыкнуть пальцем, и все бы рассыпалось. Так нет же! Увяз в ловушке по уши. Так что нечего меня винить. Как там у Алексея Максимовича: "Рожденный ползать - летать не может". А мы бы ему и не дали, правда?

Капитан захохотал и отошел от столика. Доктор грузно поднялся на ноги, нетвердой походкой вышел на улицу и, сев на бордюр, уставился в небо. Там, в вышине, извиваясь в неистовом танце и сминая железными пальцами судьбы несчастных людей, великое древнее существо попирало время. Яд зла и сомнений стекал из разинутой пасти на землю, и в пене его возвышался колосс института биохимических исследований. А внизу, в темном пустом бараке, упившись допьяна, старый майор рыдал в маленькой

ванной комнате. Кляня весь мир, он выводил на стене косыми корявыми буквами новую сточку в конце печального списка: МАРК - 30 сентября 2004 года.

ПРОЩАНИЕ ГОРГОНЫ

Год назад наш институт изменил тему. Прежде мы специализировались на аномальных явлениях, и ведущей тематикой было акупунктурное воздействие на планету. На небольшом северном острове подрывался атомный заряд, и в нескольких штатах американского континента бушевали пожары, торнадо и наводнения. Но из-за некоторых недоработок программы, вызвавших мощные землетрясения на Курилах и Алтае, большую часть отделов института перевели в другие военные ведомства. Нас же оставили как экспериментальную базу для исследования астральных слоев Земли.

Полгода начальство "тыкало пальцем в небо", и мы пытались определить, какие перспективы сулило то или иное направление. Однажды, проверяя теорию возникновения инквизиции, подразделение сканеров выскочило на блок капсулированной информации с высоким уровнем защиты. Напряженность поля была такой, что сканеров-дешифровщиков выносили из зала пачками, и новые группы, накаченные ЛСД и цитоэксом, бросались в вибрационные поля гомункулуса - гигантского мозга, занимавшего несколько подземных этажей центрального корпуса. В конце концов, канал связи был утерян, но полученная информация стоила жертв. Теперь мы знали, что некий Парризо, медиум конца двенадцатого века, выходил на контакт с представителями красной расы - расы, предшествовавшей человечеству. И мы знали, что контакт осуществлялся через поклонение Горгоне.

Наш генерал сразу уловил значение полученной информации.

- Это новый шаг в развитии психотехники,- вещал он, раздуваясь от торжества и краснея от натуги.- Если мы воспроизведем контакт с атлантами, в планетарном масштабе нам не будет равных. Мы разнесем в прах Шамбалу, бодхисаттв и всех американских сатанистов. Мы вновь будем держать в руках нити человеческих судеб.

Биофизики приправили идею графиками и формулами, правительственная комиссия удвоила субсидии. В наш отдел нахлынуло пополнение. Подвалы института были заполнены экспериментальным материалом и всякой мутагенной нечестью. Вот тогда после долгих лет прозябания настал мой час - час суккубы.*

Мы сидели у пульта - Диана, Катенька и я. Девочки находились в возбужденном состоянии. На лице у Кати пылал румянец, и она изредка подносила к щекам смуглые ладони. Работа была утомительная - осмотр психоструктур подвального материала.

- Сектор пять пройден,- доложила Диана.- В основном мутации из зон радиоактивных могильников. Состояния нестабильные. Перехожу на шестой.

Ее пальцы нервно дрожали. Это было хорошее напряжение. Диана старалась. Несколько суток карцера вернули ей форму. Да и от бывшего отношения уже ничего не осталось. Она работала со мной около четырех месяцев и, похоже, поняла, что прежняя вольная жизнь уже не для нее.

*Суккуба - существо, овладевающее своими жертвами путем сексуального возбуждения. Истощая людей страстью, оно разрушает энергетические каналы астрального тела.

- Сектор восьмой, влияние третьего отдела. Я чувствую...
- Третий отдел, капитан Белов,- уточнила Катя.

Я не люблю, когда кто-то вне программы лезет на сливки, да еще в мою очередь. Компьютер выдал фото капитана, и я включилась в ритм "танца паучихи". Катюша хотела войти в резонанс, но я отсекала ее вибрации. Мне не нужен был труп капитана. Я лишь хотела нащелкать этого пачкуна по носу.

На какое-то мгновение во мне появилось ненавистное ощущение мужского тела. Оно покоряло меня и уносило к ярости и насилию. Пачкун-капитан имел садо-комплекс. Я перешла на "прыжок паучихи", и жертва жалобно задергалась в паутине. Жирное зеленое брюшко, треск хитиновой оболочки, блаженный трепет мохнатых лап и жалобный писк, который при желании можно было оборвать...

Катя с восторгом смотрела на меня. Она тоже знала это мерзкое обладание. Ей довелось пройти через строй мальчиков из третьего отдела, и она понимала мою ненависть. Диана чиста. Мы вызывали у нее отвращение. Дуреха! Пока чиста...

Я перешла на разряд. Перикарда щелкнула и заняла: люди Белова проводили астральную контратаку. Я набрала на пульте выход на гомункулуса, и его защита смыла все помехи. Он любил меня, этот таракан.

- Здравствуй,- шепнула я ему, и он окатил меня волной животной страсти.

Сквозь освежающий аккорд звуков и ярко-красную тьму до меня доносились унылые фразы Дианы:

- ...Сектор одиннадцатый... Двенадцатый...
- Милый,- добавила я и куснула его за розовое слизистое щупальце.

Ему нравилась эта ласка. Он преподнес мне образ бескрайнего синего неба и поля цветов. Зашумели воды времени. Влажная трава дарила покой, и звезды пахли медом. Звуки в ушах становились все нежнее и тоньше. И тогда я мягко произнесла:

- Горгона!

Он сразу отключился, но на какой-то миг я уловила отклик: присутствие Эллады. Там было что-то еще - что-то северное, средневековое, ну и, конечно, смерть. Я вновь позвала его, страстно и нежно. Я позвала его "зовом степной совы", от которого мужчины шалеют и творят глупости - зовом, от которого распускаются цветы и закипает смола. Но он молчал, втянув нейронные щупальца за экран молекулярной защиты, где любое частное биополе срывалось вибрациями термоядерной реакции.

- Сектор пятнадцать: две мутантки дают устойчивый резонанс,- доложила Диана.- Информация ничтожная. Горьковская область, спецучреждение 07/128. Исследования по наговору. Используют поглощение младенческой биоэнергии. Цивильная легенда: повивальные бабки. Эксперимент прекращен в марте этого года. Материал передан институту в мае.

Катя тоже кое-что нашла.

- В секторе девятнадцать обнаружен мутант - "ребенок-вьюн". Разрушает поле взрослого мужчины в течение пятнадцати минут. Сложен в обращении. Требуется обслуживающий персонал в количестве девяти человек.

- Нет, Катенок,- ответила я и потрепала ее по щеке.- Он нам не годится. Старух можно взять, а с бэби будет возня. Нам он ни к чему.

Экран передо мной замигал. Шифром побежали строки экстренного сообщения. Меня и других руководителей отделов вызывали к генералу. Я встала, поправила прическу и, уходя, сказала:

- Мне нужно что-то северное - период "Старшей Эдды", но поближе к нам. А впрочем, потом поговорим...

Собрание началось с пустяков. Служба безопасности доложила о попытках проникновения в банки информации со стороны саратовской группы парапсихологов-любителей. Сканеры-дозиметристы сообщили о нарастании перенапряженных полей над полюсами Земли. Это разрывало аурную сеть планеты и порождало множество проблем - например, повсеместный рост национального самоопределения.

Меня заинтересовал доклад пухлого майора. По одной из институтских разработок были получены положительные результаты прокола пластов сексуальной энергетики рептилий. Пасьянс складывался. Горгона, рептилии, змеи... Горгоной буду я! Во рту сразу же появился кисловатый привкус, как после криков сирены. Когда нас учили их песням, этот привкус сводил меня с ума. Но сирена не годится. Ее структура груба... Даже нет... Она, скорее резкая и страстная, а нужны северные тона - такие, как скорбь, как графиня де Диа:

"Вернись, о, мой прекрасный друг!

Мне тяжело ночь за ночью ждать,

Чтобы в лобзание передать

Вам всю тоску любовных мук..."

Да, именно так! Куртуазность, трепетное обожание и сладость этой робости.

Мои мысли прервало сообщение, что разведка выявила группу, мешавшую работе гомункулуса. Нахальных самоучек рассовали по тюремным камерам и психиатрическим клиникам. Один из них, просчитав резонансные частоты, отражал какое-то время все наши запросы на север России. Но аналитики засекли его по "мертвой зоне". Мальчишка! Я всегда выдаю что-нибудь обратно - обычно "рыночный" фон. Нам преподавал науку деспот высшего класса, и этот отклик был естественной реакцией на любой опрос полей моего мозга.

Поднялся генерал. Он говорил медленно и, как ему казалось, умно. Квадратное лицо с дряблыми красными мешками под глазами, заостренные кончики ушей и седая щеточка волос на массивной голове придавали ему сходство с кабаном. Энергия, которой накачивали его специалисты третьего отдела, не находила выхода в высших психических центрах и обильно пробивалась на физический план в виде гнойников на лице и шее. Однако его уважали и боялись. Он был Корень - воплощение всего вооруженного населения страны. Он был темной дырой ствола, лезвием штыка, иглой шприца в застенках спецучреждений. Он делал с людьми все, что хотел, не воспринимая ни криков, ни насмешек. Его структура, как черная дыра, поглощала чужие эмоции, ничего не выдавая в ответ. Лично мне нравилась его массивность, и я вводила ее в свой спектр, когда хотела выглядеть каменным истуканом.

- Коллеги,- тихо произнес он.- Поставленная правительством задача требует от каждого из нас максимальной выкладки. Я думаю, не следует напоминать вам, что возложенная на вас ответственность должна

проверяться делом. И мне непонятны сообщения о каких-то локальных группах дилетантов, которые подпитываются социумом. Если они могут использовать неучтенные нами источники, давайте привлекать их к нам. Если они не согласны работать с нами, давайте будем ликвидировать их активность. А вы что ни день твердите о Саратове и Подмоскowie...

Он поправил воротник и грозно осмотрел ближайших подчиненных.

- Мне кажется, подобные разговоры возникают из-за некомпетентности некоторых сотрудников или из-за их нежелания работать с нами. Прошу сделать выводы! Такая безответственность порождает не только излишние трудности. Она ведет к халатности и к преступлениям против интересов страны и народа. Вчера вечером из стен изолятора совершен побег группой новых сотрудников, отобранных на последнем краснодарском семинаре по экстрасенсорике. Здесь я усматриваю вину не только охраны института, которая, уверяю вас, будет наказана без снисхождения. Вина ложится и на лиц, ответственных за обработку кадров...

Генерал вдруг грохнул кулаком по столу.

- Я просто возмущен! Поместить в изолятор людей, которые затем вывели из строя защиту двух главных корпусов! Мне это говорит о многом! Короче, я объявляю особое положение. Сотрудники, занятые по темам Горгоны и Парризо, продолжают работу. Остальные будут подключены к поиску беглецов, согласно отдельному плану. Пока все свободны...

Мы резво начали расходиться. По стриженным затылкам и шеям в узких воротничках я выискивала майора, который делал доклад о рептилиях. Похоже, он уже вышел из зала. Меня подхватил под руку Историк - красивый полковник из архивной службы. Там все ребята хорошие, но этому я несколько раз пыталась понравиться. Отбиться он, конечно же, не мог, но из моей затеи ничего не получилось. В юности его натаскивали по искусству Гоэти - вызовы адских духов, некромантия, зомби. Очевидно, кровь жертв и их вопли деформировали беднягу в умницу-импотента.

- Слушаю вас, полковник.

Я нежно улыбнулась и прижала его руку поближе к талии.

- А я все ждал, когда это совещание закончится. У меня для вас кое-что припасено. Идемте, милочка. Обещаю, что вы будете благодарить тот день, когда я совершенно случайно наткнулся на один интересный древний манускрипт. Э-э... Лучше по порядку, пожалуй. Мы вылизали весь архив, разыскивая данные о Парризо или людях со схожей фамилией. Представьте, таковых оказалось несколько сотен. Началась проверка дат. Но незадача! Один родился в десятом веке, другой - в четырнадцатом. Остальные вообще не подходили. Нам требовался двенадцатый век. Тупиковая ситуация. И вот вчера, просматривая копии Британского музея, я наткнулся на "Лемегетон". Меня осенило... Вернее, я почувствовал странную связь. Не знаю, как сказать... Вы всегда так действуете на меня... Н-не н-надо, прошу вас...

Я слабо контролирую свои автоматические включения в пласты Афродиты. Стоит мужчине заинтересовать меня, я тут же подвешиваю его на нить Зиккуры. Другим нравится, а этот не такой. Мне иногда бывает жаль его.

- Вы покажете мне текст?

Мой деловой тон приободрил полковника. И как сонный петух, упавший с насеста, он попытался расправить крылья.

- Ну, детка, для вас все, что хотите. И знаете...

Он впервые посмотрел мне в глаза.

- Я очень хотел сделать для вас нечто приятное. Хотя бы в таком виде...

Полковник провел меня в свой кабинет. На дисплее запрыгали номера кодов и манускриптов.

- Итак, "Лемегетон" или "Малый ключ Соломона". Состоит из четырех частей. Остановимся на первой, которая содержит формы заклинаний семидесяти двух главных духов, с описанием их сил и возможностей. Еще нам понадобится вторая часть - "Мистерии теургии". Взгляните на описание тринадцатого духа.

На экране монитора появился текст, украшенный печатью духа:

"13. БЕЛЕФ, ужасный, могущественный царь, мчащийся на палевой лошади. Неистовствует, когда его вызывают, и им следует управлять в треугольнике или круге, с ореховой тростью, которой маг указывает на юго-восток. Его следует принимать лъстиво и с почитанием, а серебряное кольцо надевать на средний палец левой руки и держать его перед лицом. Он вызывает любовь между мужчиной и женщиной и принадлежит к Ордену владык.

Примечание: по одной из версий, пытался вернуться к Седьмому престолу, но безуспешно."

Я недоуменно посмотрела на полковника.

- Не спешите, детка. Это только начало.

Дальше на экране появились два текста:

"35. МАРЧОЗИС, могущественный царедворец, является в образе лютой волчицы с крыльями грифона, хвостом змеи и пламенем, исходящим из рта. По команде мага принимает человеческий облик. Силен в бою, дает ответы на любые вопросы, верен заклинателю. Принадлежит к Ордену владык.

Примечание: надеялся вернуться к Седьмому престолу в 1200 году - безуспешно."

"37. ФЕНИКС, великий царедворец, появляется как птица того же названия, напевая ласковые звуки голосом ребенка. Когда принимает человеческий облик по воле мага, может рассказывать изумительные вещи обо всех науках, демонстрируя прекрасную поэзию и охотно выполняя приказы. В 1200 году пытался вернуться к Седьмому престолу."

Я еще раз взглянула на полковника. Он приступил к объяснениям:

- По легенде, Соломон, царь Израиля, пленил семьдесят два великих духа, запечатал их в медном сосуде и бросил кувшин в глубокое озеро. Через многие годы жители Вавилона обнаружили сосуд в своих сетях и, решив, что в нем сокрыто сокровище, распечатали его. Так были выпущены на свободу духи, и вернулись они по местам своим, кроме Белиала, который принял чудный образ оракула и в обмен на жертвы и почести давал людям прорицания. Все шло своим чередом, как вдруг пятеро из семидесяти двух духов решили вернуться к Седьмому престолу. И произошло это в 1200 году. Бежать от дьявола к Богу!

Их было пятеро - столько же, как и наших беглецов из подвала. Из бездн порока к свету! Но сравним масштабы. У каждого великого духа были легионы подчиненных. Изъятие такого количества негативных сущностей, я думаю, было достойным делом для представителей красной расы. А Парризо, по моей гипотезе, был посредником. Он, медиум, общался с духами... Улавливаете связь?

- Кем были два других беглеца?

- Это Ами и Фокалор. Один был из Ордена ангелов и обучал астрологии. Второй, по некоторым источникам, пытался вернуться на небеса еще в 1050 году, но после неудачи был принужден топить людей и корабли, поскольку властвовал над ветрами и морем.

- А Горгона?

- Понятия не имею. Горгона - это по вашей части... Извините...

Я расслабилась. Воля привычно направила внимание на ассоциативные поля. Мелькнула серия: духи-беглецы, Парризо, Горгона, змеи. Интересно, как все сходится! Горгоной буду я. Беглецы уже имеются. Вместо Парризо мы используем Таракана - то есть, гомункулуса. И если все получится, мы получим клише событий тех времен. Но это лишь в случае, если гипотеза Историка верна.

- Полковник, я попрошу вас оформить документы на разработку версии и передать их генералу. Эта параллель с беглецами доставила мне истинное удовольствие. Благодарю.

Он расцвел, а я помчалась к генералу.

- Седьмой престол,- с усмешкой сказал генерал.- Ну что же, это я понимаю. Все лезут вверх. Диалектика! А с беглецами вы опоздали. По моим данным таковых больше нет. Они прорывались в Коми. Их брали как дезертиров из десантной части. Оцепили район, обнаружили в каком-то лесочке, а потом сожгли все напалмом. Так что ни костей, ни памяти.

Он повел подбородком и добавил:

- Жаль, что не взяли живыми. Защита двух корпусов - это вам ни хрен собачий.

Он сладко обтер рот рукой.

- Не беда! Беглецов мы вам сделаем. План утверждаю, хотя и вижу несколько неувязок. По легенде, нить событий, полагаю, шла следующим образом. Представители красной расы - будем называть их "гостями" - выходят на Парризо с целью осуществления диверсионного акта в рядах Инфернала. С помощью посредника они находят несколько особей, которые по тем или иным причинам соглашаются с представленными условиями. Затем план срывается, "гости" исчезают, и остается один Парризо, чья любовь к Горгоне отмечена в планетарных пластах информационного поля.

Он посмотрел на меня и саркастически хмыкнул.

- В концепции слабым звеном является Горгона и недостаток сведений о причинах провала операции. Вы идете от обратного. Пытаетесь организовать побег, через посредника выходите на информационный пласт и по каналам потребления этого сообщения подключаетесь к тем, кто, по вашему мнению, окажется "гостями" нашего времени. Откровенно говоря, это чистый бред! Кто же так формирует муляж событий? Ваш вариант немыслимо далек от оригинала. Из цепи вырвана масса звеньев, переставлен вектор инициации. Хотя есть и положительные аспекты: во-первых, преимущество гомункулуса перед Парризо; во-вторых, вполне контролируемый ход событий. Как бы там ни было, ваш план утвержден. Я согласился на него по той причине, что даже в худшем случае мы выйдем на источники потребления нашей информации и крепко прищемим любопытные носы. А это уже дело, которое стоит затрат.

Я сидела и кивала головой. Говорить об интуиции генералу не имело смысла. О формировании намерения он только догадывался. Я же знала! И его солдатское понимание моделирования исторических событий меня совершенно не интересовало. Он дал согласие - это все, что мне от него требовалось. Игру вела я.

Знатока по сексу рептилий мне удалось отыскать в небольшом помещении пятого энергоблока. Он пил чай и, увидев меня, глотнул лишнего. Его затрясло в судорожном кашле. Толстые щеки закачались, покраснев до мягкой синевы. Круглые маленькие глазки с опасением блуждали по моей фигуре. Чтобы снять возникшую напряженность, я разыграла "дуреху" и тяжело опустилась на стул. Моя сумочка свалилась на пол, окатив дешевый коврик россыпью дамского реквизита. Майор галантно вызвался помочь. Поза на коленях у моего бедра вернула офицеру душевное равновесие, а я подбодрила его горячими благодарностями, после которых скоренько приступила к делу.

Выслушав меня, он тут же заскулил:

- Это дело всей моей жизни. Процедура очень сложная. В процессе опытов возникают побочные следствия. Мы используем для экспериментов молодых гекконов. На психиполе самки через транслятор накладывается структура лаборантки. Однако при приближении самца мне приходится останавливать эксперимент, потому что трансляция впечатлений от самки к женщине придает гекконам невероятно чудовищную форму. Какие-то причуды человеческого сознания. В данный момент мы заняты подбором фильтров... Тем не менее, факт прокола сексопластов рептилий зафиксирован многократно.

- Что конкретно видят ваши лаборантки?

- Ужасные образы. Нечто большое и жестокое. Существо, которое подавляет разум невыразимым страхом и болью. Но мне кажется, барьер несовместимости можно убрать фильтрацией определенных составляющих. В последнее время я ограничен людьми и не могу вести исследования так, как мне хотелось бы. Вместо подготовленных кадров приходится довольствоваться бросовым материалом. Сами знаете, это поломанные люди. У многих деформирована психика. А у меня работа тоже не сахар.

- Майор, вы должны понять, что после подключения вашей лаборатории к ведущей теме института, проблем с людьми не будет. Учтите и выгоду моего предложения. Вам повысят звание, предоставят льготы. От вас потребуется только беспрекословное подчинение моим указаниям.

- Да, конечно, я понимаю. Но исследования в этой области должны вестись осторожно и планомерно. Вы же предлагаете кровавый штурм. Вы не видели, во что превращается женщина перед сенсорным транслятором! В лучшем случае, мы получим живой труп...

- Хорошо, сколько времени вам понадобится на отладку защитной системы?

- При поддержке инженерного отдела, возможно, недели три. Но мне нужен доступ к гомункулусу - хотя бы по часу в день.

- Договоримся так: две недели на отладку фильтров, по полчаса на гомункулуса, плюс любая помощь с моей стороны. А теперь я хочу поговорить с вашими... лаборантками.

- Могу представить последнюю,- ответил майор.- Остальные списаны в третий отдел. Я же говорил: побочные следствия, потеря рассудка... В третьем отделе сейчас изучают выделение энергетического поля при разрушении психоструктур беременных женщин. Для них нет ничего святого. Была бы моя воля, я бы этим извращенцам...

Он взглянул на меня и осекся. Мой приветливый взгляд уже не мог развеять его опасений. Пока мы шли к двери, я буквально слышала, как жернова майорских мозгов со скрипом перемалывали вероятность доноса,

допроса и выноса его останков из чистых лабораторий третьего отдела. Он был мой!

Я прошла в диспетчерскую энергоблока. Через минуту туда вбежала рыженькая пигалица с острым носиком и вздорной прической. Я подмигнула ей, кивнула на кресло и налила в чашечки кофе. Ее мелко трясло. Девчонку пугнул майор. Кроме того, она знала о судьбе предыдущих лаборанток. Это хорошо: будет меньше возни.

- Как ты сюда попала?

- Я... Извините... Меня привезли в институт после курсов в московской военной академии. Коэффициент сенситивности - 1.7. Ощущаю магнитные поля и иногда вижу ауру. В детстве удавался слабый телекинез. Мне пообещали интересную работу. Какое-то время была дешифровальщицей по Западному направлению. На одном из сеансов сканирования получила энергетический пробой с частичной амнезией. Шеф побоялся утечки информации и передал меня по этапу. Теперь я здесь, а дальше - в третий...

- Печальная карьера. Пей кофе, не стесняйся. А знаешь, что с тобой сделают в третьем отделе? Тебя поместят в большой пустой комнате, без окон, с высоким потолком. Два дня ты не будешь получать еды, а когда наступит период интоксикации, тебе введут особый наркотик, и твоя воля исчезнет. Останутся только безнадежность и ужас - похуже того, что ты познала здесь. Затем тебя сильно напугают. Возможно, изнасилуют. Жестоко и мерзко! Это их любимый прием воздействия. Им нужно будет расщепить твое сознание на две отдельные автономные части, чтобы создать в тебе двойника - альфа или дельта личность.

Чашка задрожала в ее руке. Кофе вылился на блузку. Но она не замечала этого.

- После сильных стрессов и нескольких ситуаций, где ты будешь стоять на краю гибели, к тебе придет добрый старичок. Он немного пожалеет тебя, немного поможет. И когда в твоём истерзанном сознании появится малейшая надежда, он подхватит ее и согреет в своих ладонях. Через очки на тебя будут смотреть понимающие глаза. Ты согласишься в него, сначала как в спасителя, затем, как в отца. Он же вытащит из тебя воспоминания прошлого, педантично выявит стимулы, на которые твое подсознание будет реагировать целиком и полностью. И тогда начнется настоящий кошмар.

Девчонка сползла со стула и упала передо мной на колени. Протянув ко мне руки, она безмолвно молила о помощи.

- Твое измученное и исколотое иглами тело уложат на большой округлый электрод. К тому времени в твоём чреве зародится жизнь. И тогда, вживив в твои органы сотни биопроцессоров, они будут терзать тебя серией электрических разрядов. Это вызовет смерть, но не твою, а того обезумевшего существа, в которое ты превратишься. На их языке это называется общим резонансом перенапряженных эмоций. Разряд биополя будет расчленен на вибрационные пакеты, которые, пройдя через несколько преобразователей, найдут своих потребителей. И чья-то правительственная туша будет нежиться час или два в томительном экстазе, поправляя здоровье или похмельный вид.

Малышка дошла до той грани ужаса, за которой начиналось превращение в животное. Теперь надо было дать ей надежду, и я дала ее:

- В жизни каждой женщины есть моменты радикального перелома судьбы. Моменты, когда вопреки предопределению твоей головы касается рука более сильной личности, и происходит крушение прежних планов. Это

меняет тебя и твое окружение. Надеюсь, ты слышала обо мне? И, надеюсь, ты веришь, что твоей судьбой могу стать я!

В ее взгляде сидел лягушонок, а в глазах лягушонка отражалась красивая величественная змея - одна из тех, что украшали венец Горгоны. Девчонка знала, что судьбы она лишилась давно. Она знала, что нить ее жизни была в моих руках.

- Сейчас ты пойдешь со мной,- прошептала змея.- Я забираю тебя к себе. Забираю из ада третьего отдела... спасая от боли и смерти... Возможно, когда-нибудь ты еще увидишь свой дом... увидишь родителей и того парня, которого любила... И ты будешь обязана этим мне...

Я протянула ей руку. Малышка находилась в состоянии транса. Из нее сейчас можно было веревки вить... Но не здесь же...

Она схватила мою кисть, как последнюю милость. Она целовала мои пальцы и рыдала. Она цеплялась за мою руку, боясь отпустить ее даже на миг. А я становилась Горгоной. И эта крошка, лежавшая ниц передо мной, лишь доказывала эффективность перемены. Оставались северные тона, немного мягкости и тонкий душевный надлом.

Вечером того же дня я поднялась на двенадцатый этаж спального корпуса, нашла нужную мне дверь и нажала кнопку вызова. Историк выглядел красивым даже в ночной пижаме. Наверное, я вытянула его из ванной - на кончиках мокрых волос сияли капельки воды.

- Извините меня. Зашла поболтать. Иногда мне очень одиноко, и хочется видеть знакомые лица. Я не слишком помешала вам? Может быть, вы заняты?

- Ну, что вы, детка! Это замечательно, что вы пришли. Проходите в гостиную. Одну минуту. Я приведу себя в порядок, и мы будем пить чай. Или вы предпочитаете коньяк?

Я сделала книксен и двинулась осматривать его жилье. Оно мало чем отличалось от моего. Та же пустота. То же отсутствие индивидуальных черт. В гостиной находился пульт, и это меня поразило. Я не предполагала, что кто-то имеет такие привилегии. Включив компьютер, я быстро просмотрела список сохраненных адресов электронной почты и вздрогнула... Здесь были домены правительственных учреждений и высших чиновников федеральной службы безопасности.

- Прошу вас, не удивляйтесь. В этом нет моих заслуг.

Полковник появился на пороге гостиной. Я торопливо закрыл окно программы и с улыбкой приподняла голову. Историк был в приталенной джинсовой рубашке, которая прекрасно подчеркивала его крепкий стройный торс.

- Если вы помните, полгода назад ФСБ направило в наш институт оперативно-следственную бригаду. Их обработкой занимались лучшие специалисты, и поскольку руководителя бригады поселили в этом номере, здесь было установлено не меньше тысячи жучков. После бесславного окончания федерального расследования жилье какое-то время пустовало. Никто не хотел селиться здесь. Вероятность прослушивания, всякие хитроумные излучатели - ну, вы сами все понимаете. А я старый холостяк. Вот меня и упростили перейти сюда. Этот пульт был приятной неожиданностью. Я помалкиваю о нем - ведь могут вспомнить и изъять. Потому и вас прошу не говорить начальству.

- Конечно, полковник. О, спасибо за чай. Признаюсь честно, я поступила некрасиво. Идея с беглецами-духами принадлежала вам, а я подала ее генералу как свою. Но мне нужно было его согласие. Понимаете? Я пытаюсь воссоздать Горгону. Это мой пункт. Вы меня прощаете?

- Конечно, детка. Я историк, роюсь в книжках, читаю сказки. А реализация проектов - ваше дело.

- Вы милый.

Я нежно прижала его ладонь к груди.

- Не знаю почему, но мне захотелось увидеть вас и извиниться.

- Бросьте, коллега. Первая заповедь парапсихолога: ничего не объяснять. Пришли - и пришли. Сделали - так сделали. Но ваши слова еще больше укрепили уважение, которое я питаю к вам.

Я еще немного прибавила к потоку своего сексуального центра. Он порозовел... Но пока держался.

- А что вы можете рассказать о красной расе? Я встречала какие-то выкладки по магии. Кажется, эти существа описывали свой мир символами... Метаязык...

- Не совсем верно. Символизм качеств и общих принципов был дан черной расой. Символизм геометрических фигур и образов дарован красной расой. Белую расу характеризует числовой или количественный символизм. О красной расе мы знаем очень мало. Во времена наполеоновских войн одному из французских офицеров в Египте удалось похитить у зрителя древней пирамиды некое подобие атласа уникальных фресок. Этому документу уделялось мало внимания, и до наших времен дошли лишь первые строки. Присаживайтесь к пульту. Ваша чашка, прошу. Может быть, вам что-нибудь покрепче? Да? Тогда и я с вами.

Полковника немного лихорадило. Я закачивала в его тело волны сексуальной энергии, которые исходили из необъятных глубин родовых пластов. Он все чувствовал и понимал, но ответной реакции не было. Увеличивать поток не имело смысла. Это лишь прервало бы встречу и привело к разрыву отношений. Бедняга, что же с ним делали его учителя?

- Вот фрагменты текста, собранные вместе. А, понимаю! Сейчас переведу.

Он подсел ко мне. Положив голову на его плечо, я сонно всматривалась в вязь иероглифов. Рюмка коньяка подняла вверх мою усталость.

- Заголовок можно перевести как обращение, призыв при прощании или оклик уходящего. Итак, слушайте.

"Я, джиннат Сах, представитель красной расы, свидетель истории, пришел, чтобы сказать. Надежды твои, человек,- ничто. Следуя правилу, извещаю окончание действия. Следуя закону, подвожу итог. Следуя мудрости, верю. Следуя сердцу, скорблю!

Джаер Иофант, даритель черной расы, предрек конец идущим пред тобой. И вот уже клонится стебель нового побега. Было время, когда люди знали и могли. И в жизни ценилась сознательность существа, степень его реализационной власти. Мы дети тех, кто могли творить, но мы уже не знали. Что говорить о вас, кто не ведает, что творит, и не знает, как воплотить свое предназначение?

Смирясь перед величием ушедших, чья деятельность все еще звучит отголоском в обрушенных колоннах мироздания, я, джиннат Сах, говорю о твоём ничтожестве, человек. Ты лишь жалкое отражение Великого плана, а твоя экспансия пространства - ни что иное, как распад концентрации

духовного потенциала, собранного другим поколением для не понятых тобой целей..."

- Скажите, что вы сами все это придумали,- сонно попросила я.

Обхватив его шею руками, я по-кошачьи устроилась у него на коленях. Мои ресницы дрогнули и сомкнулись. Он бережно перенес меня на диван и уложил на подушки. Его толкали ко мне все мои пробабки - все женское прошлое цивилизации. Но он прикрыл меня пледом и ушел в другую комнату. Щелкнул выключатель. Через проводники в стенах пошли импульсные разряды, сбивающие поля, чья концентрация превышала обычные нормы. Похоже, я достала его своим домоганием. Бедняга! Но меня можно простить - я верила в чудо... Как странно! Это оцепенение и дремота... Всего лишь рюмка коньяка...

Сознание уходило. Усталость раскатала меня по дивану. Я быстро расставила маяки охраны на периферии ауры, заблокировала сознание дурацкой скороговоркой и погрузилась в море сна. В синем ореоле междумирья промелькнул Историк. Он протянул надо мной руки. В его глазах вскипела прибойная пена команды, но волны слов разбились о мою неприступность. Вода сомкнулась над головой. И только миг еще виднелся царственный венец из змей.

Утром я заступила на дежурство по северо-западным районам. Север и северо-восток проще - мне нравится энергетика шаманов, колдунов и ведьм. Южные районы влекут своей сексуальностью и наслаждением. Восток мистичен. С западом я в антагонизме - там слишком много извращений.

Разбирая сводки информационного центра, я нашла запрос высших инстанций на группу Санина из Санкт-Петербурга. Далее шли докладные записки начальников службы безопасности и аналитической группы. Итогом была фотография Санина, отмеченная на обороте красной линией по диагонали - признание его социальной опасности. В верхнем углу стояли резолюция генерала на ликвидацию.

Чтобы размяться, я наскоро подключилась к гомункулусу. Он погонял меня по всему спектру чакр, дал настройку на третий энергоблок и шепнул пару пошлостей. Для успокоения я ввела свое ощущение Историка. Мне не давало покоя странное отсутствие сексуального отклика, и меня тревожил пульт в его номере. Таракан обмозговал ситуацию, копнул его психоструктуру и понес что-то об искусственных перемычках в астральном и ментальном телах. Я поняла одно: моим партнером он не будет.

С печали, наведя канал на Санина, я переключила его ребятам из третьего отдела. У них для подобных дел имелась куча уродцев. Прикрыв глаза, я увидела кухню небольшой квартиры, стол, пиалушки с остывшим чаем, двух юнцов, их горящие глаза. Они слушали его. Совсем еще молод! Широкие полотняные брюки, безрукавка. Маленький гуру городских трущоб. Учитель жизни с нереализованной судьбой...

С пульта пришел запрос на коррекцию образа. Я перевела в память машины полученную визуализацию и отключилась. Фотографию можно было сдавать в архив. Друзья найдут его еще живым, но будет поздно. Может быть, ему очень повезет, и он отделается обширным инфарктом, но... Нет-нет, он не так силен.

Через час мне стало скучно. Я немного побродила в свободном поиске, срывая энергетику каждого активного источника. Они были маленькими и

редкими. Что делать - рабочий день, проблемы, повальная нищета со всеобщим алкоголизмом. Разве людям сейчас до поисков совершенства?

У каждого сканера есть свои астральные любимчики. Об этом знают даже в генеральской приемной. Многих наказывают, но не строго. Психологи просчитали, что это способствует работе. Для стимула нам необходимы аспекты тайны, запрета и вероятной опасности. Возможно, они правы. Я отбросила в сторону журнал и хотела было направиться к одной лихой старушке, как вдруг наткнулась на мощный пик чьей-то медитации. Энергия искрилась водопадом. Она была чиста, открыта и по-детски беззащитна. Сорвать ее ничего не стоило. Такое, в принципе, не редкость. Однако в наше время в спектре каждого человека обнаруживается влияние распространенных парапсихологических систем, будь то масонские кланы, сатанисты, сайентологи или кришнаиты. Здесь же чувствовалось естество и природа - не гармоничный ряд кодированной ловушки, а сама гармония.

Этот парень мне сразу понравился. Я увидела его сквозь пелену красноватых отблесков и зеленые тона. Каменная скала, у подножья которой он расположился, содержала редкоземельные элементы и, видимо, поэтому его появление в ореоле радужных бликов немного ошеломило меня.

Он рисовал, но необычным образом. Во всяком случае, я видела такое впервые. Мазки ложились то сверху, то по бокам, то в центре полотна - без какой-либо последовательности и темы. Это был ливень брызг, смятение ярких пятен, водоворот палитры. И мимолетный жест, как чудо, заставил рябь воды смениться штилем. Сложился образ. Я увидела противоположный берег ручья, нагромождение скал, зеленые ветви плакучих ив и свое лицо - едва заметное, как фон, как дымка тумана, почти исчезающая на солнце.

Я взглянула на него. Зеленые глаза, полуоткрытый рот, трепещущие ноздри. И вот тогда до меня дошло, что он видит! Несмотря на защиту институтских систем поддержки, несмотря на мощные разряды. Его уровень энергии позволял держать мой образ. Я рванулась назад, а он не отпускал свои объятия. Можно было вступить с ним в схватку. Можно было сделать тысячу действий, а я сдалась. Я проклинала себя и наслаждалась собственной слабостью. Я, суккуба, вдруг почувствовала себя женщиной! Но, осознав свое насилие, он отпустил меня, и я, прощаясь с ним, исчезла, как утренний бриз.

А сердце билось! О, проклятье! Суровый разум делал мне разнос, но губы сладко улыбались. Стоп! Стой, Горгона! Это не мое!

После обеда я получила новую кипу документов. Крупная промышленная фирма представила в институт отчет о многочисленных провалах вполне отлаженных операций. Серию сделок - довольно нечистоплотных - прерывала то деятельность МВД, то проверки федеральных служб безопасности. "Стук" одного из своих? Нет. Вот сведения о перетасовке кадров и ликвидации засвеченных звеньев. У них тоже имелись свои профессионалы! Допустим, здесь двойная игра западного партнера? Хм, тоже не годится...

Выполнение заказов фирм - или мафии, как я их называла - всегда было верным источником финансовых поступлений для института. Этот заказ стоял на контроле у генерала. Значит, дело интересное. В справке аналитиков значился вывод: информатором является бывший высокопоставленный сотрудник милиции. Однако МВД не проводило никаких операций по данной фирме. То есть, одиночка или закрытая группа... А что дешифровщики? В информационных полях отмечены только конечные операции, выполнявшиеся в различных регионах страны. Координационный центр

засекречен. В обычных структурах всегда предполагается прикрытие сверху и несколько оперативных групп. Но это растянуло бы составляющую последующих всплесков активности. Значит, в нашем случае действительно работал одиночка. И этот одиночка владел настройкой на информационные поля. Судя по эффективности его действий, он имел контакт с руководителями министерства - причем, на самых высоких постах.

Рапорт отдела экспертизы: для маскировки психоэнергетической деятельности использовался метод, не имевший аналогов в мировой практике. Хм! Неужели он таскал на себе какой-то чудо-агрегат? Спал в нем, ходил в туалет и ванную? Если сравнивать с нашей техникой, ему требовался бы наплечный атомный реактор. Второй вариант объяснения предполагал зомбирование. Вряд ли. Это просто чушь! А если другое строение психоструктуры? Пример уже имеется - наш Историк. У него все астральное тело искорежено. Тогда получается расщепленная личность "бетта" класса. Ведет себя как обычный человек, но во время диверсионных актов, по программе подсознания или вышестоящего оперативного работника, его разум отключается или ставится под жесткий контроль. Какой монстр! Но каждый адепт начинал с ученичества...

Я послала запрос в информационный центр. Мне нужен был список руководящих сотрудников МВД, которые двадцать лет назад значились потребителями эзотерической литературы. Теперь эти книжки можно купить на любом лотке, но двадцать лет назад каналы самоиздата находились под строгим надзором комитета безопасности. Возможно, наш дружок был любителем "духовки".

Что-то запульсировало в груди. Я сосредоточила внимание на внутренней сфере чувств и тщательно проверила каждую чакру. Интуиция подсказывала выйти из игры. На любопытство накладывался странный холодок ожидания. Ожидания чего? Что захотела моя пропадающая душа? Можно отделаться формальными действиями. Пусть другие ловят золотую рыбку. Потом его, как Санина... Или напалмом... Стоп! Это не мое! Я Горгона! И я вырву из себя любое сострадание. По волевому импульсу мое тело выдало мощный эмоциональный всплеск ярости и злобы. Если меня сейчас вели на сканировании, то оператор, скорее всего, рухнул в обморок. Эти всплески были полезны и для тела, и для сканеров. Пусть знают наших!

На пульте замигал зеленый огонек. Я получила ответ аналитиков. В списке отобранных лиц значилось сто восемнадцать человек. Я дала распоряжение загрузить на каждого из них по две группы поиска - сканеры, дешифровщики, аналитики. Машина заработала. Если искомая личность в их числе, она выдаст себя провалами психоструктуры в периоды активности.

Я бегло пролистала на мониторе электронный фотоальбом из ста восемнадцати страниц, затем сравнила свои ощущения с ожиданием, которое только что отвергла. Он был здесь - в этом альбоме. Я даже знала, на какой странице. По щеке покатила слеза. Мне вдруг представилась вся безнадежность его ситуации, все старания изменить мир вокруг себя, все напрасные ухищрения, ловкость и безусловный талант. В моих глазах стояла сумма контракта за жизнь этого человека. В свое время он возглавлял отдел по подготовке криминалистов-парапсихологов, затем ушел из органов внутренних дел и служил отечеству, выявляя планы мафиозных структур. Мне стало тошно. Я ненавидела себя и наш проклятый институт.

Дрожащие пальцы набрали код. Гомункулус был занят. Его до предела загрузили какой-то пачкотней по скифам. Тем не менее, он почувствовал мое состояние и обдал меня освежающей волной оптимизма. Чувство

неопределенного ожидания по-прежнему теснило грудь. Я показала ему составленный спектр Горгоны. Внезапно Таракан заблокировал программу со скифами, ввел меня в свое энергетическое поле, и все понеслось кувырком... Сквозь пластик стен брызнул солнечный свет. На пульте засеребрилась мелкая пыль. Прямо у кресла через зал протянулась горная тропа. Она спускалась в ложбину. По ее краям среди обломков острых скал стелилась низкая колючая трава.

- Смотри!

Услышав голос, я увидела черных кружащихся птиц. Одна из них, описав плавный круг, помчалась к пологому склону холма. Птица была потрясающих размеров и походила на ворону и баклана. Она пронеслась надо мной и резко оборвала полет, сбив небольшую фигурку на краю возделанного поля. До этого момента птица была безразлична для меня, хотя и удивляла своими размерами. Но когда я подошла ближе и увидела, что темной фигурой был человек... Когда я увидела, как он, беспомощно озираясь, пытался увернуться от мощного клюва птицы, недоумение, предчувствие беды и гнев окатили меня волной озноба.

Понимая, что мне не спасти человека, который отчаянно метался среди низких и толстых стеблей, я побежала ко второй фигуре - к маленькой девочке. До нее оставалось метров сто, когда я услышала за спиной пронзительный крик. Едва не задев меня, птица, чуть меньше первой, понеслась к ребенку. Она приземлилась рядом с девочкой. Малышка закричала! Ее глаза смотрели только на меня, но плечи все ниже склонялись под тяжестью приближавшейся черной тени.

Я бежала изо всех сил. Пернатая бестия была совсем рядом. А девочка смотрела на меня, и в ее взгляде читались зов и надежда, но, более всего, неверие, что я смогу помочь, что я успею...

- Я здесь!- хотелось крикнуть мне.- Я уже здесь!

Из горла шло лишь хриплое шипение. И этот взгляд несбывшейся надежды и потерянной веры, этот шипящий визг моей ярости и блестящая чернота птичьего глаза - все потонуло в потоке энергии, уносившей меня далеко-далеко, за пределы этого мира...

Я очнулась в своем номере. У изголовья сидела Катя. Диана стояла у окна и смотрела на степь, помеченную охранными вышками. В моей голове было ясно и пусто. Во рту ощущалась оскомина стимулятора. Я резко поднялась и посмотрела Катеньке в глаза. Она о чем-то думала - о лесной поляне, по которой неслась васильковая волна... Катя моргнула, и по ее бархатистой щеке покатились слезинка. Я встала, накинула халат и направилась в душ.

- Генерал объявил вам благодарность,- крикнула мне вслед Диана.- У вас два дня отгулов.

- Они сначала подняли тревогу,- затараторила Катенька.- Гомункулус повел себя очень странно. Потом директорат узнал о ваших результатах, и все ахнули... А вы лежали без чувств, и на мониторе была фотография того человека. Сканеры отследили его и вышли на след целой группы. Какие-то хакеры сновидений. Генерал был очень доволен. Он так и сказал: "Вот пример служения народу! Неразрешимых задач не существует, если человек должным образом чувствует ответственность и готов на жертвы ради выполнения своих обязанностей..."

Я села под струи воды и прислонилась к кафельной стене. Мне было горько и тоскливо. Выходит, это я - та черная птица, разящая без промаха. Мои наивные глаза, мое натасканное тело - неужели это сделали вы? Холодная вода хлестала шею и колени. В голове было ясно и пусто.

Два дня пролетели как сон. Я ходила, ела, дышала, но сломанная пружина внутреннего механизма души заклинила мои эмоции и разум. Там, у самого сердца, притаились тоска и жажда смерти. Я боялась прикоснуться к ним. Я убегала в поверхностный слой моих чувств, все больше и больше запутываясь в мыслях.

Девочки, заметив мой стресс, попытались привести меня в норму. Диана сказала, что такое подавленное состояние может объясняться усталостью и перевозбуждением психики. Катя выхлопала у генерала разрешение на энергетические ванны. Знала бы она из кого эта энергия бралась! Я выгнала своих помощниц, заперлась в номере и день не отвечала на звонки. Раз за разом я облучала пространство всплесками помех, защищая затравленное женское нутро от проб и анализов, от опросов и суждений. Моими судьями были подушка, мокрая от слез, и простыня, до дыр истерзанная острыми ногтями.

Я не могла забыть ту черную птицу. Я уже где-то видела этот неторопливый поворот головы и безжалостность холодного взгляда. А ночью мне приснился жуткий сон. Перед моей кроватью появилась девушка, лет двадцати пяти. Желтые волосы до плеч, белая ночная рубашка, безумная улыбка на лице.

- Довольна?-спросила она.-Ты засветила Дока. Он обиделся.

Девушка хихикнула и, подтянув низ рубашки, запрыгнула на кровать. Я находилась в каком-то трансовом состоянии и не могла пошевелиться.

- Док уже на пенсии. Он не любит, когда ему мешают.

Она сдернула с меня одеяло и села на мои бедра. Я вдруг осознала, что нахожусь во сне. Вокруг нас клубилась густая мгла. В ней были только мы, кровать и часть стены. Девушка звонко постучала по моему животу, словно по барабану.

- Ты из той группы?-прошептала я.

Мой голос был наполнен гулкими резонансными тонами.

- Ты одна из хакеров сновидений?

Она засмеялась и еще больше подтянула нижний край ночной рубашки, демонстрируя мне голую промежность.

- Меня зовут Имбецилла. Мы с тобой во многом похожи. У обеих заглушки на памяти. Я могу убрать свою заглушку, но не хочу вспоминать ублюдочное прошлое. Док говорит, что мне лучше сделать это после сорока лет, когда обретенной мудрости будет достаточно, чтобы вычистить загаженный участок жизни. У тебя все иначе. Ты должна убрать свою заглушку сейчас и перестать жить ублюдочным настоящим. Я помогу тебе, тетя.

Девушка зафыркала, замотала головой, а затем ее визгливый смех прорвался наружу, и она изогнулась в приступе безумного веселья. Мне стало страшно. Из ее влагища выползло насекомое. Жук, толкавший задними лапами темно-коричневый шарик!

Мое тело начало извиваться. Жук поднимался вверх по моему животу. Скарабей из лона девы! Черная Изида! Шар скарабея, попав внутрь

женщины, породил еще одно воплощение ужасной богини. Одним быстрым движением Имбецилла выхватила шар из лапок скарабея и вложила его в мой открытый рот. Я с отвращением проглотила этот мягкий горьковатый ком. Девушка с усмешкой посмотрела на меня.

- Что, тетя, страшно? Не хочешь вспоминать о том, как была человеком? А ведь придется. Лети! И не лезь к нам больше!

Прокричав последние слова, она склонилась к моему лицу и подула в ноздри. Мир закружился черной каруселью. Расправив крылья суккубы, я понеслась над темными полями, над крышами серых домов в пелене белесого тумана. Колючий ветер жег обнаженное тело и натянутые нервы. Но еще сильнее меня жгла жажда мести. Верхушки деревьев со страхом расступались в стороны. Тяжелый рассвет был близок, а мне требовалась жертва!

Я облетела желтый домик с маленьким садом, спустилась к окнам мезонина и заглянула внутрь. Здесь жил человек, превративший меня в тварь. Старик, с блестящими глазами черной птицы. Ко мне вернулись воспоминания, наполненные его внимательным взглядом, тихим голосом, дряблыми руками, смывавшими кровавую коросту с моего изувеченного тела. Пять лет назад он вывел меня из чистилища третьего отдела, и я забыла, кем была до опытов, которые они проводили на мне. Это он сделал меня суккубой. И он должен был познать плоды своего творения.

Стена рухнула. Сквозь пыль штукатурки в зияющем проломе я уловила контуры мебели. Он замер в углу - в узком чреве старомодного дивана. Грохот упавшей стены испугнул его бессонницу. Он суетливо шарил по столу рукой, выискивая очки с толстыми линзами. Сметая все на своем пути, я направилась к нему. Волевое усилие на диафрагму и резкий рывок... Тело старика содрогнулось и опало. Под одеялом забулькало. Он понял, что умрет в своем дерьме.

- Ты... ты пришла?- с ужасом прохрипел старик.

Голос отшвырнул меня на пару шагов. Все тело сжалось от боли и ярости.

- Пришла... Не ждал. Как ты узнала? Нет! Стой! Не двигайся! Я знаю твою силу. Но ты еще не знаешь моей...

Он выкрикнул СЛОВО... Я задохнулась и упала на колени. Воля уходила, сознание тоже...

- Ты никогда... слышишь, никогда не станешь человеком,- визжал старик.- Мерзавка! Мой живот! Я уничтожу тебя! В пыль сотру!

Увидев сверлящий блеск его глаз, я собрала силы и издала крик сирены - нежный детский плач, от которого треснула балка перекрытия. Он открыл рот для новой кодовой команды, но его челюсти щелкнули, и из носа хлынула кровь. Я оставила тело суккубы погибать вместе с ним, переламывая старческие кости в нежных объятиях прилежной ученицы.

Астральный выход обессилел меня, но я получила моральное удовлетворение. Я по-прежнему ничего не знала о себе, хотя момент смерти считался самым лучшим для опроса психоструктуры объекта. Проклятое слово лишало меня всех намерений, как только я подходила к моменту нашей встречи. Это слово гасило мое сознание, гасило во мне человека. Это слово было барьером, за которым была погребена моя сущность... моя душа.

Я изменилась. Я чувствовала себя матерой волчицей. Я чувствовала себя коброй, готовой броситься в битву. Оценивающие взгляды мужчин в коридорах превратились в пугливый трепет. Толстенный майор, когда я вошла к нему в кабинет, едва не упал со стула. Моя аура кипела от воли и ярости.

- В лабораторию,- приказала я ему, и он, как нашкодивший школьник, вприпрыжку поскакал за мной, заглядывая на ходу в лицо и что-то объясняя.

Посреди зала находилась установка, напоминавшая производственный пресс. Транслятор, догадалась я. Далее шли силовые установки, приборы, шахты кабелей и клетки с рептилиями. У задней стены в виде жертвенника высилась приемная установка с чашей радиального конденсатора.

- Мы удвоили интенсивность опытов, и есть первые результаты,- оскалившись, бубнил майор.- Нам удалось изъять компоненты размеров. Вернее, почти удалось. У фильтра сложная временная зависимость. Иногда не срабатывает.

Он тоненько захихикал.

- Все эти ящики вы уберете к вечеру,- велела я, смерив его холодным взглядом.- Вот сюда поставите два оптических лазера, здесь - контейнер газовой камеры. Транслятор оборудовать подъемником. Клетки - долой! И те провода - тоже! Силовые установки оставить...

- Это не ящики, а периферия приемной камеры,- взвизгнул майор.- А в клетках находятся гекконы... Вы не имеете права! Я попросил бы...

- Если ты не заткнешься, будешь сидеть в клетке вместе со своими ящерицами.

Он осекся и сморщился спущенным шариком.

- Мне нужна объемная голограмма змеиной свадьбы. Длительность записи - двадцать минут. Контейнер установить в приемном устройстве.

- Моя лаборатория,- стонал Геккон.- Вы все развалите... Я буду жаловаться...

Как он надоел мне. Как он был мне гадок! Я с удовольствием разнесла бы весь институт, а не только этот цех по штамповке психических калек. Повернувшись к майору, я захохотала ему в лицо. Это зафиксировало его внимание. Крутнувшись пару раз и предварительно избрав коагулятором самца геккона, я завела энергетический турбильон. Майор тихо попятился к стене, скуля и повизгивая. Вместо меня он видел идущего на него гигантского ящера. Иллюзия длилась недолго, но впечатление осталось у него в штанах. Я ласково попрощалась с ним, напомнив, что мои указания он должен выполнить к вечеру.

У генерала в приемной было много людей. Я решила отложить визит к нему на более позднее время. Из кабинета выскочил шеф службы дешифровки. Его бледное лицо тут же засияло.

- Милая моя! Как вы кстати. Только вы нам и поможете.

Я с сожалением посмотрела на массивные двери генеральского кабинета и медленно повернула голову к секретарше. Она вела со мной войну уже три года. Ее структура лепилась по моему шаблону, одним и тем же мастером. Но поскольку поздние исследования были переполнены сложным набором блокировок и подпрограмм, она не могла работать в свободном поиске. Тем не менее, ей нашли достойное применение. Из нее вышел великолепный адъютант и телохранитель шефа. Она настороженно смотрела на меня, нацеливая в мою переносицу ультразвуковые жвалы. Бедная девочка! Войны не будет...

- Простите, если я назойлив,- настаивал дешифровщик.- Мне хотелось бы обсудить с вами один вопрос.

- К вашим услугам, подполковник.

На такой ответ он обычно выдавал какую-нибудь пошлость. Это было традицией нашего общения. Но сейчас лютый взгляд Горгоны остановил его остроумие. Он покряхтел и сообщил мне новость, которая, словно причастие, освободила меня от непосильного груза.

- Тот тип из ментуры ушел от погони! Представляете? Ушел в последний момент. Его пытались обезвредить две службы безопасности солидных фирм, а наши люди участвовали только в корректировке операции. Корень предлагал за него большую сумму, но нам отказали. И тут у них облом! Мои ребята вели их по следу почти сутки. На каком-то перегоне вагон, в котором перемещался объект, взяли штурмом, перекрошили всех, а в его купе нашли энергетический фантом! Вы слышали что-то подобное?

Мне хотелось прыгать и вопить от радости.

- Надеюсь, генерал не очень опечалился?

- Нет. Контракт еще не оплачен, но, сами понимаете, это все так не закончится. Получено задание - найти, создать астральное клише, а затем перейти к планированию захвата.

- Я думаю, милиция найдет быстрее.

- Вряд ли, хотя об этом стоит подумать,- серьезно заметил мой собеседник.

- Чем я могу помочь?

- Вы так мастерски просчитали его. Помогите выйти на след, и, клянусь, я брошу на него весь отдел. Просчитаю все на пять... на десять ходов. Фантомы больше не сработают.

- Хорошо, подполковник. Но сегодня у меня свои проблемы. А материалы, дело и прочее мне понадобятся завтра к обеду. Особенно то, что у вас имеется на хакеров сновидений. Вы уж позаботьтесь, пожалуйста.

Во мне снова расцветала надежда. Неудача фирмачей была как знак судьбы. Ожидание, спрятанное у сердца, трепетало своими зелеными листочками. Не знаю, что делала со мной Горгона, но я начинала уважать себя. Я начинала понимать истоки своего ожидания. Тот парень у скалы, очертание его губ, глаза... Мне захотелось увидеть его снова. Я знала, что веду себя как девчонка. За мной сейчас следило, возможно, целое отделение сканеров. Но разве можно противостоять зеленым веточкам души?

Я понеслась к нему и почти сразу нашла его в широком, ярко освещенном помещении анимационной студии. Он сидел, как и все остальные, перед компьютером, рисуя на планшете маленькую девчонку, которая плакала и растирала кулачками слезы. Малышка чем-то напоминала лаборантку майора. Почувствовав мое присутствие, он улыбнулся и нарисовал возле девочки мою фигуру. Смешно изогнувшись, взрослая тетя успокаивала рыженькую плаксу.

Я провела рукой по его волосам. Он посмотрел мне прямо в глаза, и тень тревоги шевельнулась в его зрачках. Я не выдержала этого взгляда. Он осуждал меня! За что? Его рука на "мышке" дрогнула, испортив фигуру, склонившуюся над малышкой. Он что-то говорил. Я видела его шепчущие губы, но образ уже тускнел, погружаясь в пластиковую и до ужаса знакомую стену моего гостиничного номера. За что?

После обеда девочки готовили новенькую. Узнав, что вечером проводится эксперимент, остроноса пигалица едва не падала в обморок при каждом громком шуме. Она видела во мне топор палача, но не знала, какой

части лишится, и втайне надеялась, что это будет не голова. Никто не разубеждал ее. Почти бессознательное состояние лаборантки облегчало работу. Под конец подготовки я освоилась в ее психоструктуре, как дома.

- Зачем она вам,- пристала ко мне Диана.- Если этот эксперимент действительно так нужен, используйте меня. Она же повесится после этих змей... Я бы точно повесилась...

- Но мне нужна она, а не ты. Не ты, Диана, ложилась под транслятор. Не тебя ломали, как спичку. Не об тебя вытирали ноги! А мне необходимы поражение и попранная гордость. Отсутствие ее, черт побери! Ты представляешь, что означает такая потеря? Что означает быть той, кем просто не желаешь быть? Что означает предательство последней и, может быть, самой сокровенной части своей личности ради ничтожной надежды на жизнь, ради малюсенького шанса... хотя тебе понятна тщетность этих ожиданий? В конце концов, я не буду подвергать ее опасности. Иди, работай!

Рыженькая так и осталась на диване в своем номере, с широкими от страха глазами, в ожидании чего-то ужасного, громадного и подавляющего болью и насилием...

В лаборатории майора стало гораздо просторнее. Гекконов он спрятал, скорее всего, в своем кабинете. Я проверила подъемник, затем занялась голограммой. Зрелище было не для нервных людей. Переплетенный ком из сорока-пятидесяти змей дышал и пульсировал таинственной жизнью. Пары активированного газа создавали неповторимое мистическое сияние. Зеленоватые блики и отсветы чешуи в ритме резких сокращений притягивали взор, и я чувствовала далекий зов и желание влиться в это пластичное движение мышц. Меня тянуло туда все больше и больше. Ладони коснулись защитного стекла приемной установки. Прикосновение к холодной поверхности вернуло мои мысли к реальности.

Девочки выгнали наладчиков. Майор не появлялся. Я подошла к транслятору и села на стул. Катенька устроилась у моих колен. Диана встала за спиной. Закрыв глаза, я чувствовала, как они раскачивают и скручивают потоки осевых направляющих трех нижних энергетических центров. Суставы пальцев ног непрерывно сводило спазмами судорог. Сознание ощущалось подвешенным у осветительных ламп зала, и в то же время в моем теле жила и тряслась от страха рыженькая пигалица, до тошноты обессиленная своим невезением.

Майор оказался злобным и капризным мужчиной. После того, как ему не удалось затащить в постель новую лаборантку, он бил ее - бил сильно и часто. Как она боялась этой лаборатории. Вид транслятора вызывал в ее теле дрожь и отвращение. Неужели они не понимали, как бесчеловечно проводить такие опыты на людях. Женщина в белом халате уложила ее на стол под транслятором. Щелкнули ремни на запястьях, ногах и талии. Глаза с ужасом следили за спуском многотонной махины. Может быть, она была не права. Может быть, стоило переспать с майором, понравиться ему... Все, что угодно, только не эти стены и вертявые ящерицы. Она с тоской взглянула на чашу конденсатора. В зеленом вихре кружился невообразимо гадкий ком змей. У нее перехватило дыхание. Тошнота и ужас хлынули рвотой. Кисти заныли от режущей боли. Ремни впились в тело. Только не это!

Она рвалась и дергалась в припадке конвульсий.

- Нет!

Взгляд выхватил надвигающуюся массу транслятора. Визг перешел в хриплые стоны. Она закрыла глаза и, разбрызгивая пену, провалилась в черный провал небытия.

Глаза Горгоны наполнились зеленым сиянием. Толстые балки креплений оптических лазеров треснули с гулким металлическим лязгом. Передавленный кабель взорвался, и фейерверк лопающихся брызг огня заплясал по залу. Бронированный щит стены разорвало в центре. Трещина поползла к потолку и рухнула наискось вниз, оставив ветвистый узор. Сквозь щели зарябило светом.

- Довольно,- крикнула она, и эхо отголосками раскатилось по горящему залу лаборатории, по коридорам опустевшего корпуса, уносясь все дальше и дальше.

Теперь я знала все! Земля носила трех Горгон. Великая Эллада воспела первую. Последней стала я. Вторая... Бедная вторая...

Она любила вспоминать то ожидание весны, которое пришло внезапно и мощно. Ей грезились тогда ручьи и черные проталины на белой бесконечной равнине. А когда появились трава и зелень, и там, у реки, потянулась нескончаемая череда пеших и конных путников, ее чувство ожидания переросло в безысходную уверенность скорых перемен.

Она любила вспоминать те прекрасные вечера у камина, когда горящие поленья, вспыхивая, внезапно освещали затемненные части огромной залы старого замка, и пришлый бард, пересказав новые вести о далеких странах, начинал свои сказания о поединках и любовных историях, напевая грубым и сильным голосом песни о героях и жарких битвах.

О, эта последняя весна ушедшей юности. Как волновало сердце тепло, идущее от солнца и снежного сияния. И чистота неба звала к себе. И не хватало крыльев за спиной. Но душа, как птица, уже мчалась в объятия неизведанной мечты. И верилось, что где-то есть белокурый рыцарь, чей взгляд заставлял гореть ее тело в девичьих снах, чьи руки были близкими и знакомыми, чей медовый голос пробуждал желание и любовь.

В своих воспоминаниях она видела вновь и вновь, как этот прекрасный юноша въезжал в ворота их замка, и его алый плащ то стелился по крупу вороного коня, то взлетал в воздух, красным туманом наполняя ее мозг, и губы предательски шептали: "Он, он..." А сердце, словно маленькая горлица, билась в тенетах груди и рвалось к тому, кто стал милым и желанным с первого взгляда. Он собирался в поход и спешил в замок сенешаля. Его глаза горели безумием поединков и боев, и вряд ли он обратил на нее внимание. Сохрани, дева Мария, этого милого мальчика. Кто-то потом рассказывал, что его убили мавры, но еще позже проезжий купец говорил, что видел его при дворе короля живым и здоровым.

Она вновь и вновь видела горящий замок, толпу заросших бродяг, дрожащие губы отца, умиравшего на ее коленях. В кошмарных снах она видела изъеденные оспой лица своих насильников. Ее терзали до полуночи и бросили истекать кровью у мертвых тел сестер, но ей удалось выбраться из шабаша пьяной оргии. Там, у обрыва, силы оставили ее, и она покатилась вниз в песчаные дюны. Теряя сознание, дева почувствовала, как по ее ногам и рукам заскользили упругие молнии. Тяжелый ком навалился ей на бок. Мир закачало. Шипели дюны. Шипели звезды, и нескончаемый гул манил за собой - туда, где не было ни боли, ни страданий.

Ее нашли не скоро, но она выжила. Ее считали безумной, но она все равно помогала людям, принося им в засуху дожди и прогоняя град. Ее пугал огонь, и она жила в лесу, пока заезжий иностранец не увез ее в далекую южную страну. И там, уже не веря, она, наконец, обрела свое счастье...

Диана перевязала мои раны. Тело ныло от усталости. Волосы слиплись, лезли в лицо и больно кололи шею.

- Как я хочу в ванную,- мечтала я вслух.- В пузыри мыльной пены и теплую воду. Катюша, я тебя уволю. Почему там были кожаные ремни. О, мои ручки и ножки!

- Вы были потрясающе грациозны на ложе под транслятором,- прошептала Диана.- Но я бы предпочла увидеть там майора.

- Как я вас жалела!- запричитала Катя.- Мы держали вам голову и разжимали челюсти. Поэтому вы теперь сможете сэкономить на дантисте и вставных зубах.

- Смотрите, как они осмелели!- вскричала я.-Распустились тут, понимаешь! Где уставное почитание? И где новенькая? Я хочу взглянуть на нее.

Диана исчезла за дверью.

- Катенька, ванную,- взмолилась я.

- Нельзя, вы же знаете. Вам надо собраться в кучку. Вон как вас трясло. Сейчас самый верный отдых - бокал вина, теплая постель, ну, и разве мужичок какой...

- Катя!

Я укоризненно взглянула на нее.

- Мужчина после змей? Это уже извращение.

Дверь отворилась. Пигалица вцепилась в косяк двери и со страхом посмотрела на меня.

- Уже пора?

Голос малышки ломался от тревоги.

- Пора!- подтвердила я.- Катюня, где вино, которое ты обещала?

Минут через пять в руках у нас были бокалы с теплым красным вином. Новенькая, узнав, что чаша страданий ее миновала, цвела от радости и молча обожала меня. Мы выпили за все хорошее, и каждая из нас ждала опьяняющей волны, которая могла согреть, успокоить и хоть на миг утолить беспросветную тоску загубленных душ.

Генерал с интересом рассматривал меня. Он только что побывал на останках лаборатории, и было видно, что это его воодушевило.

- По мнению западных специалистов, наша школа парапсихологии не может дать сильную индивидуальность. Но обратный результат налицо. Ваши способности - это наш общий успех. Успех всего коллектива! Скажите... Как часто вы могли бы воплощаться в Горгону? Что важнее, эмоциональный всплеск, процедуры или отработка спектра?

- Мне кажется, что полное воплощение это крайне редкая возможность. И эти результаты...

Я кивнула на фотографии с искореженными стенами.

- Они действительно связаны с эмоциональным состоянием. Хотя это был не всплеск. Это была эмоциональная гибель!

- Значит, можно надеяться, что ваши дальнейшие исследования Горгоны не приведут к значительным разрушениям института?

- Безусловно, товарищ генерал.

- Мы должны подумать о том, какое практическое применение может получить данная разработка. Нельзя забывать, что деньги, используемые нами, дает народ, и мы должны возвращать их ему открытиями, важными для ведения народного хозяйства и для укрепления оборонной мощи нашего государства. Поэтому, коллега, важно целостное видение процедуры. Даю

вам месяц, от силы два, на закрепление и детализовку. А затем займемся описанием и дублированием. Так что приглядывайтесь, отбирайте людей.

- Но моя разработка по беглецам?..

- Понял, понял. Это ведущая тема. План утвержден высшими инстанциями. И ответственность за данный проект с нас никто не снимал. Наконец, последний вопрос. Начальник службы дешифровки ходатайствует о привлечении вас к операции по розыску членов преступной группы так называемых хакеров сновидений.

Я кивнула, давая понять о своей осведомленности.

- Не ободряю таких просьб.

Корень угрюмо взглянул на свои широкие мосластые руки.

- Это признание некомпетентности многих служб и, в основном, их руководителей. Но случай неординарный, и мы доверяем вам выполнение этой сложной задачи. Желаю удачи, Горгона.

Мне нравился центр дешифровки. Классный дизайн, спокойная обстановка. Здесь по-настоящему хотелось работать. Стены украшали картины психоделической живописи, потолок был стилизован в египетской манере. Световые эффекты создавали драматизм бесконечной вселенной, ее всепоглощающего присутствия здесь, в этом зале, с приглушенным освещением удобного пульта, с унылым зудом силовых установок и ударами ритуального гонга.

Я вышла на периферийный тракт службы сканирования. Огромный мир ворвался в сознание, резонируя с каждой частичкой тела и даже более того - вибрируя на каждую мысль.

- Системам поддержки - пуск. Уровень Б с переходом на средние диапазоны,- бойко рапортовал оператор.

Мне была безразлична эта нудная процедура настройки. Мой опыт позволял другую размеренность действий. Теплая волна внимания двинулась вверх и влево, почти к плечу. Пазухи носа щелкнули. У пупка собралась паутина напряжения. Пульсация внутренней части бедер совместилась с образом визуализации.

Он сделал блок, но тут же открылся. У него было простодушное лицо, карие глаза и узкие губы - совсем не к месту, словно от другого персонажа. Два узких шрама пересекали щеку.

- Я иду к тебе!

Слова ахнули в сознание, принесся боль и недобрую тяжесть.

- Ты обречен,- крикнула я в бездонное небо или, вернее, в омут моей печали.- Спасайся!

- Уровень Б пройден нормально, отклика не обнаружено,- доложил оператор периферийного тракта.

- Я иду к тебе,- повторило эхо моих чувств.

- Есть контакт! Координаты уточняются,- заголосил оператор.- Системам слежения - пуск! Отделения седьмой и восьмой - готовность один!

А мой ведомый отбросил защиту и свой человеческий облик. Я увидела мощную рысь огненного коня, с оскалом желтых зубов под черной маской нашламника. Всадник несясь, вздымая пыль, по узкой улочке древнего города. Его копье было нацелено в мое сердце. Медные доспехи ослепительно сияли на солнце. На штандарте реяла надпись: "Sic fata tulere". "Так угодно судьбе".

Энергетический шквал смял чуткое нутро изошренной аппаратуры. Что-то замкнуло, запахло горелым лаком. Я выругалась так, что у юнца-оператора открылся рот. Подполковник смотрел на меня с ужасом и

восхищением. А мне хотелось кого-нибудь укусить - одного из этих прыщавых мальчиков, которые глазели на меня со своих рабочих мест. Я грохнула дверь. Меня душила злоба. О, как мне хотелось найти его снова и поделиться своими страданиями, болью и тьмой безысходности. И может быть, тогда, в миг очищения и соития наших душ и помыслов, он понял бы, что это уже было...

Было...

... После смерти доброго купца ее хотели удавить два разъяренных монаха. Но судьба была к ней милостива - стены подвала, куда ее заточили, разошлись. Она бежала и полночи скиталась по грязным улицам странного города. Утром стук копыт небольшого конного отряда показался ей тревожным. Она метнулась к массивным воротам высокого дома, теряя последние силы, вырвала щеколду из цельной полосы железа и рухнула на брусчатку внутреннего двора.

Она чувствовала, как сильные руки подняли ее. Она помнила, как ее поили отваром. Она знала, что вокруг были добрые люди. И болезнь, которая навалилась на нее еще в порту, завладела ей полностью. Ее душили кошмары, горлом часто шла кровь, а лунными ночами из провалов бессознательности появлялись картины другого, прекрасного и страшного мира.

У двух оранжевых скал, в узком проходе, усеянном треснувшими костями, она нашла тропу, которая вела к чудесному свету. И в красной мгле, на головокружительной высоте пьедестала, она увидела Его, с изумрудными крыльями серафима, с очами, изливавшими неземное сияние. Здесь все служили Ему, но Он был беспощаден, поражая своих рабов невыносимыми карами, и они, стеная и вопя, в адских страданиях тянули к нему скорченные руки, умоляя о прощении и пощаде.

Однажды она пошла к нему по тропе в алых бликах. Босые ноги утопали в теплой пыли. А вокруг была неопиcуемая словами красота. Рельефы диких скал с извивами диковинных растений. Небо, до умопомрачения близкое и необъятное.

Она шла к нему, понимая, что это хуже смерти. Понимая, что это страшнее ее ужасной жизни. Он пронзил деву взглядом, и невероятная сила прижала ее к земле, грозя расплющить, сорвать плоть и развеять в прах.

- Чего ты хочешь?

Слова упали как обвал, взметнув к вершинам пылевые вихри.

- Счастья,- тихо прошептала она.

И дикий смех потряс вселенную.

- Его здесь нет!- кричали ей в лицо белесые фигуры в темно-синей мгле теней.

- Его здесь нет!- визжали корни, выползавшие из скал, пытаясь поймать ее в свои коварные петли.

Далекий одинокий вой прорезал вдруг наступившую тишину. Все ждали смерти. Все желали смерти. Но она подняла лицо к Владыке этого жуткого мира, и тогда перед ней появился всадник в ослепительных медных доспехах. Его копье было нацелено ей в сердце. А когда копыта огромного коня взвились над ее головой, и острое грозного оружия почти коснулась тела, она нашла в себе силы взглянуть ему в глаза и поднять руку с белым соцветием лилии. Это изменило все...

Она поправлялась медленно, очень медленно. Парризо, ее добрый хозяин, был медиком. Он часто пускал ей кровь, поил горькой дрянью и кормил нехорошей пищей. Делал он все это по предрассудкам своего знания.

Она ничего не могла предпринять, и это мешало ей восстанавливать свои силы. Прошло два долгих месяца в непрерывных переходах из одного мира в другой. Она очистила свою тропу от тлена прежних искателей силы и власти. И все чаще в путешествиях по этой сказочной стране ее сопровождал верный спутник на огненном коне.

Гомункулус соскучился по мне. Он обхватил меня своими щупальцами, и мы закружились в вихре космического танца. С меня посыпались мои проблемы, ставшие вдруг пустяковыми и смешными. Я потеряла ощущения своего тела, но это было мелкой потерей. А танец кружил нас, втягивая в бесконечность и пустоту, где существовало только сметающее все вещи вращение. Я растворилась в этом безумном полете, где-то далеко остался голос, который звал меня, но как он был далек и незнаком мне. Какой-то миг я знала, что уже никогда не вернусь в свой мир, и до скончания веков мне предстоит это всеобъемлющее упоительное вращение. Однако гомункулус разжал объятия, впитав в себя мой новый опыт, мои переживания и слезы. Его раздувало от удовольствия. Еще бы! Расчищенная от чужих костей тропа в чужой мир! Прорыв в ряды Инфернала, как сказал бы Корень.

- Только молчи об этом,- с укором попросила я.- Пусть это останется между нами.

Он долго пыжился и тужился. Его багровая кожа вдруг позеленела. Он поднялся, как гриб, и завибрировал. Такого я еще не видела. На пульте завывала сирена аварийного режима. Мощное магнитное поле смыло наш контакт, но через броню нейтронных потоков я уловила намек, что пожилой мужчина, за которым следили все службы института, был только проекцией. Сущность, создавшая эту физическую копию, имела другой временной континуум и использовала проекцию, как выход в пространство и время наших координат. Вторым вариантом ситуации могло быть отражение в нашей пространственно-временной матрице каких-то событий далекого прошлого. Но при этой версии следовало иметь в виду, что пробой времени мог создаваться лишь огромным импульсом энергии. Короче, с нами на контакт вышел "гость".

Черт бы побрал этого Таракана. Я никогда толком не могла понять того, что он рассказывал мне. Но одно было ясно. Я стала частью необъяснимого процесса, который вышел из-под контроля моего сознания. Я создала намерение. И теперь оно поведет меня до конца. Вот они - печаль и наслаждение предопределенности! Я, наконец, понимала свою Горгону.

Быть может, тысячи или даже миллионы маленьких горгон, разбросанных по нашему огромному миру, страдающих от унижения и безысходности своих надломленных судеб - миллионы несчастных женщин во всех частях безжалостного времени - воплотили во мне последние мечты и грезы. И я стала Горгоной, мстящей и разящей за жизни тех, кто оказался слаб - кто не сумел вовремя ответить и отразить удар. Я, Горгона, создание раненых сердец и отравленных душ! В груди моей чахнет печалью любовь, затопленная ненавистью к насилию. Сила, рожденная злом, может быть искупительной только через разрушение зла. Но как хочется жить, а не сражаться! Пылать любовью, погибать от неги. Бедная Горгона!

- Какое там стечение обстоятельств!- гневно кричал генерал.-О чем вы говорите! Здесь явное предательство. Ваши подчиненные подвели нас под новое расследование! И хуже всего, что мы узнали об этом чуть ли не последними. Мы - претендующие на абсолютный контроль умов и душ страны! Позор!

Генерал схватил пачку печатных листов и швырнул их в лицо начальника охраны.

- Ваши головорезы участвовали в трех разбойных нападениях на банки. Во время служебных командировок они использовали газ, разработанный в наших лабораториях, и с его помощью овладевали огромными суммами. Запомните майор! Если к завтрашнему дню все указанные лица не будут закованы в наручники, вам придется пожалеть о причастности к нашей организации. Конечно, расследование нам не прекратить - дело зашло далеко. Но важно проявить максимальное сотрудничество с компетентными органами. Все преступники должны быть выданы. Не забудьте предварительную промывку мозгов. Естественно, возникнет вопрос, как подотчетный газ попал в руки злоумышленников. Подчистите концы. Мы можем отдать комиссии пару мелких рабочих со склада. Сговор. Ну, вы сами знаете. Главное, чтобы следователи не лезли в наши банки данных. На этапе дознания, когда преступники будут находиться в СИЗО, необходимо произвести их ликвидацию. Мы никому не позволим марать честь института!

- В ближайшее время этот вариант не вполне оправдан,- робко заметил глава аналитиков.-Пусть сначала закончится следствие. При пересылке на этап устроим нападение на конвоира, и в результате их всех уничтожат.

- Мы должны заботиться о нашей репутации,- продолжил генерал.-Этот казус с грабежами можно превратить в обычное недоразумение. Но тут нам придется показать товар лицом. Если мы продемонстрируем руководству перспективы по созданию новейшего пси-оружия, нам простят многое - в том числе, и ваших подонков, майор. Надеюсь, что группа захвата возьмет их без лишнего шума. У нас здесь научная организация, а не стрелковый полигон.

Он осмотрел собравшихся людей тяжелым взглядом.

- В наших руках находятся современные средства психического воздействия. Уже сегодня - я не боюсь показаться голословным - мы можем претендовать на первенство во всем мире. Для выправления ситуации мне предложили отснять кадры по действию Горгоны. Ничего не поделаешь, информация уже просочилась, и для пользы дела нам нужно придать ей колоритный оттенок. Небольшой демонстрационный фильм, и мы вернем утраченное уважение! Пусть это станет нашим ответом на популяризацию мусульманских шахидок с их смертельными поясами. Наша шахидка будет разрушать объекты не взрывчаткой, а взглядом. Подыщите какой-нибудь брошенный завод, и мы устроим там фейерверк на всю страну. Так чтобы даже из-за бугра было видно!

Он повернулся ко мне. Глаза безумца. Нечеловеческий стеклянный отблеск зрачков...

- Надеюсь, вы покажете нам свои способности? Не все же стены института корежить!

- Это не так просто.

- Да-да, помню. Состояние души... Эмоциональная гибель...

Он приподнял верхнюю губу в ужасной усмешке. В провале рта мелькнули почерневшие острые зубы.

- Но мы вам поможем. Чем можем!

Я вздрогнула. Его замысел касался Дианы. Я почувствовала это. Сволочь! Собрание продлится какое-то время. Я не успею ничем помочь. Связаться с девушками невозможно - защита генеральских стен капитальная. Я видела, как офицер по особым поручениям принял записку генерала. Моя рука слегка коснулась переносицы. Особист дернулся, удивленно поднял голову, но было уже поздно. Он медленно оседал в кресле. Его транс имел нестандартные характеристики.

Генерал сделал знак, свет в кабинете убавился, атласные зеленые шторы с шипением разъехались в стороны, и появился экран во всю стену. Офицер по особым поручениям вяло мотал головой. Я постоянно теряла контроль над ним. Он был довольно сильным человеком... На экране замелькали лица, досье, фрагменты заседаний и встреч. Ролик комментировал представитель отдела внешних сношений. Речь шла о комиссии ФСБ, которой поручили ведение расследования по нашему институту.

- Как видите данных у них маловато, но любую нить можно размотать до самого конца. Плюс в том, что они будут находиться на нашей территории. Методика обработки таких персон уже отлажена. Здесь я не вижу проблем. Минусы в чертовом газе. Это опытный образец. Его воздействие на людей не изучено. Если они акцентируют данный вопрос, мы окажемся в плохой позиции. Поэтому с фильмом нужно поспешить. Отдадим его нашим покровителям в правительстве, и статус института будет восстановлен...

Особист поднялся, пригибаясь, вышел из кабинета и тихо прикрыл дверь за собой. Мне удалось справиться с ним, и теперь можно было успокоиться. Он возьмет на себя охрану девочек до моего прихода. На данный момент это стало основной целью его жизни.

Меня слегка затошнило. Кто-то прорывался в мою психоструктуру. Я повела головой и встретила взгляд Историка. Он дал мне понять, что я срываюсь, и что за мной следят. Следила моя "подруга"-секретарь, пара младших офицеров и кто-то за фальш-ширмой кабинета. Да, я перестаралась с особистом. Это многие заметили.

- Повторяю,- заканчивал генерал,- в данной ситуации требуется активное участие каждой из служб. Сил у нас хватает. Этого человека...

Он ткнул указкой в экран.

- ...следует вывести из игры немедленно. У него больная печень. Спровоцируйте криз. Надеюсь, третий отдел справится. Советнику министра нужно как следует промыть мозги. Он нам еще пригодится. Больше активности, товарищи...

Я сцепила пальцы рук и немного поджала ноги. На чистом голубоватом фоне внутреннего видения образовалось замкнутое пространство. Маленький шар вибрировал и прыгал. Я наложила его образ на ширму. Многие из руководителей отделов начали поворачивать головы и пристально вглядываться в фальшивую перегородку. В момент, когда вспыхнул свет, генерал внезапно пригнулся, защищая лицо руками. Ширма излучала опасность. Моя "подруга" слезка взвизгнула, ее жвалы напряглись, перегородка качнулась, и я услышала шум упавшего тела. "Шарик" сработал, и это, думаю, немного отвлекло от меня внимание.

Генерал несколько не смутился. Он бодрым тоном пожелал нам успехов, а мы также бодро заспешили из кабинета. В приемной я дождалась Историка.

- Спасибо, полковник. Они затеяли мерзость с моей подчиненной, и я не сдержалась.

- Все в порядке,- с улыбкой ответил он.- Этот импульс опасности был удачным ходом.

Я с интересом взглянула на него. Не так уж ты и прост, мой милый.

- Не понимаю вас.

- Кстати, милейшая, у меня есть для вас интересное предложение. Мы могли бы встретиться вечером? Сегодня?

- Я вам перезвоню. Сейчас мне нужно разобраться с интригами дворца. Вы же понимаете, чем может грозить девочке идея нашего генерала. Он хочет настроить меня для съемок фильма, искалечив при этом чужую жизнь.

- Да, поспешите, милочка... Я буду ждать вас. И на всякий случай совет: не вступайте больше ни в какие контакты с хакерами сновидений. Они институту не по зубам. Оставьте их в покое.

Мне показалось, что я налетела на липкую паутину. Свобода действий стремительно уменьшалась. Кто же паук? Весь путь до лаборатории превратился в цепочку образов и мыслей. Усмешка генерала, потаенный сканер и, наконец, Историк с его странным советом. Но мощного потока намерения, созданного мной, им не остановить. И расследование ФСБ это только первое звено.

Дверь в лабораторию была открыта. Девочки исчезли. У пульта на полу лежал особист. Несколько пятен крови вели к двери, но в коридоре было чисто. Кисло пахло порохом и смертью. Я не стала заходить внутрь. Меня трясло от напряжения и плохих предчувствий. Нажав на кнопку тревожной сигнализации, я отошла к окну, зафиксировала взгляд на своем отражении и начала интенсивный опрос своих чувств. Мое тело знало причину срыва. Но пока это знание ускользало от осмысления. Как мог генерал продублировать приказ? Зачем понадобилось убивать офицера? В любом случае, зачем надо было стрелять? Здесь умели убирать с толком и очень тихо...

Я видела фигуры охранников, их суету в лаборатории, вопрошающие взгляды, направленные в мою спину. Стриженный наголо майор, закончив осмотр помещения, подошел ко мне и положил руку на плечо. Я обернулась.

- С вами что-нибудь случилось? Как вы себя чувствуете?

Голос звучал далеко и гулко.

- Выстрел,- прошептала я.- Это чужие.

- По приказу генерала мы проводили захват целой группы преступников, сформировавшейся в одном из наших подразделений. Не знаю, каким образом, но их предупредили. Прорываясь к вертолетной площадке, они взяли несколько заложниц...

- Это мои девочки. Вы должны спасти их.

- Мне приказали охранять вас,- ответил майор.- Пройдите в помещение.

- Там мои девочки, вы это понимаете?

Он вежливо, но твердо взял меня под руку. Из дверей выносили тело особиста. Два техника возились с пультом, переключая монитор на видеокамеры внешнего обзора. Я медленно осмотрела комнату. Какие-то бумаги на полу, у кушетки черная туфелька Катюши, разбросанные вещи...

Картинка на экране запрыгала, выдергивая то группу захвата в защитных костюмах, то людей в черной униформе. У вертолета, за грудой развороченной деревянной тары, я заметила белое платье Дианы. В кадре снова появился вертолет. В люке мелькнула рыжая головка лаборантки. У опрокинутого бака лежала Катя. Светлый жакет был прострочен разрывами

кровавых пятен. Я сжала подлокотники кресла. Катя! Изогнутая фигурка, сбившееся платье, испачканные известью ноги. Вертолет взлетал, следом за ним неслись цепочки трассирующих нитей.

Я встала и вышла в коридор. Бритый майор пошел за мной. Ах, Катя, не дождалась ты счастья! Пронеслась жизнь, едва задев крылом, и кому-то другому плеснет на опушке васильковая волна. Я развернулась и бросилась бежать. Майор растерялся, пару раз цапнул себя за кобуру и только потом последовал за мной. Лестница, поворот, еще один, проход направо. Сзади тяжело бухал сапогами бритый охранник. Эхо дробилось отзвуками погони. Внутренний двор, угол подстанции, кучки сотрудников, любопытные лица...

Я подбежала к поваленному баку. На черной поверхности блестели царапины рикошета. А на деревянных стружках тарной набивки остались только пятна - красные пятна вечной разлуки. Я опустилась на какой-то ящик. Слезы стекали по лицу, по ладоням, и нежными каплями срывались в желтую пену соломы и стружек. У самого бака лежала маленькая черная туфелька Кати. Во мне нарастало отчаяние.

Внезапно рядом послышался тихий смех. У бака на корточках сидела Имбецилла. Та самая из моего кошмарного сна.

- Обе туфли на одну ногу,- сказала она.-Разводят тебя, тетя, как мост через Неву.

Меня не удивило ее появление во дворе закрытого спецучреждения. Гнев наполнил мое сердце до краев. В тот момент я едва могла дышать от ярости. Горгона оскалила зубы, и огромная цистерна охладителя подстанции с грохотом взлетела вверх на тридцать метров. Она вписалась в пролет бетонной ограды хозблока и в куски разнесла заградительные сооружения.

Да за кого меня тут держат? Инсценировка, сфабрикованная видеозапись. Две туфельки на одну ногу! Девочек забросили в подвал изолятора, а передо мной разыграли этот спектакль с преступной группой. Наверняка, у них есть уже пара сказок о попытках освобождения Дианы. Потом мне предъявят фотографии искалеченных тел - а скорее всего, покажут эти тела, и я буду мстить, разрушая по указке генерала какие-то объекты под объективами видеокамер. Фейерверк на всю страну...

Бритый майор отвел меня в лабораторию. Он прошел в двух шагах от Имбециллы и не заметил ее. Я тоже делала вид, что не замечаю присутствия этой нахалки. Мне страшно было думать, что она способствовала моему перевоплощению в Горгону. Какие программы взломала в моем уме эта юная девушка? Историк советовал не контактировать с хакерами сновидений. Интересно, что он знал о них?

Кто-то неплохо поработал в моем кабинете. Очевидно, искали документы по проекту Горгоны. Я связалась с приемной генерала и попросила аудиенции по личному вопросу. Мне пообещали рассмотреть мою просьбу. С пультом что-то не ладилось. Я с трудом вышла на информационный канал и запросила сведения о подвале. Меня интересовали поступления новых лиц, схемы подуровней, последние темы разработок, связанных с подвальным материалом. Пульт жалобно мяукнул и отключился. На мою лабораторию наложили информационный запрет.

Я задумалась. Горгона толкала меня к пропасти. Может, попробовать прорваться в подвал? Или к генералу? К генералу или в подвал?

Однако намерение ковало ситуацию по-своему. В дверь деликатно постучали. Затем вошли два ординарца-сканера. Ничего не говоря, они застыли у порога и только минуту спустя дали знак остальным. Сначала влетела "близняшка". Она прыгнула в кресло напротив меня и нагло

установилась в мою переносицу. Следом за ней, кланяясь и улыбаясь, вошел эксперт третьего отдела. Ему было около шестидесяти пяти лет. Мы были хорошо знакомы. Я считала его самым опасным в этой компании. Он участвовал в эксперименте, который когда-то проводили на мне. Он знал, как успокоить меня. Эффективно и навсегда!

Генерал появился так, словно гулял по коридору и от скуки случайно заглянул на огонек. Он грузно осел в кресле рядом с секретаршей. Та, не мигая, следила за каждым моим жестом, за каждой мыслью. Генерал достал полосатый платок, смачно высморкался и, как бы извиняясь, произнес:

- Сквозняки проклятые! Что ни день появляются новые щели и разбитые окна...

Он холодно взглянул на меня.

- Я недоволен вами, коллега. Ваша истерика привела к человеческим жертвам и значительному материальному ущербу. Если вам надо развивать состояние Горгоны, мы устроим для вас полигон. Но в стенах института я запрещаю проводить эксперименты, ставящие под угрозу жизнь и здоровье людей. Да, мы понимаем вас. Потеря близких людей и учениц, которых похитили преступники...

- Она все знает,- монотонно произнесла секретарша.- Какие-то промахи с реквизитом. Пыталась войти в картотеку подвала.

Я спокойно перевела взгляд с нее на генерала.

- Так вот, потеря учениц, вернее, их изъятие,- тут же поправился генерал,- это только первое вам предупреждение. Ваша выходка с офицером по особым поручениям поразила меня. Используя знание, данное вам для благородных целей, вы заставили человека совершить нелепый поступок, который закончился такой же глупой смертью. А у него остались жена и дети. Как военный, я не могу вам этого простить. Что с вами происходит? Объясните! Совсем недавно мы хотели присвоить вам научное звание, перевести на ведущий пост нашего учреждения. И было за что! Реализация Горгоны, высший пилотаж сканирования, разработки по духам-беглецам. И вдруг эта хулиганская выходка с баком охладителя. Опомнитесь! У нас есть средства, чтобы обуздать вашу прыть!

- Позвольте мне,- вежливо попросил эксперт из третьего отдела.

Он взглянул на меня, и его глаза брезгливо сощурились.

- Девочка, ты должна понять простую вещь. В институте есть много всякого барахла - компьютеры, осциллографы, генераторы и приемные устройства. Одним из самых дорогих аппаратов являешься ты. Многие относятся к тебе как к человеку, и от этого возникает масса проблем - как у тебя, так и с тобой. Мы ведь знаем, что ты, так же как гомункулус и вот эта милашка напротив тебя - все вы существа модифицированной структуры, и называть вас людьми нелепо и смешно. У нас есть целый зверинец из особей меньшей величины. И если на то пошло, мы ликвидируем тебя, заменив двумя-тремя другими мартышками. Тебе все понятно?

Я кивнула. Пусть выговорится, старый крючок. Генерал умиленно внимал его речам, сложив руки на объемистом животе. Ординарцы-сканеры пасли меня сзади, используя преломление зондирующих полей секретарши. Все по науке!

- Прошу прощения!

Настал мой черед отыгрывать роль.

- Как вы правильно отметили, реализация Горгоны почти завершена. Следующим пунктом разработки являлись беглецы. В момент завершения вашей операции по изъятию моих сотрудниц, когда я поняла, что вертолет и

похитители - это лишь дешевая постановка, у меня в голове появилась идея, за которой я гонялась уже несколько недель. Поймите, коллеги. Это озарение привело меня в такой восторг, что я не смогла сдержать чувств. Моя выходка с цистерной была выходом эмоционального напряжения. Теперь, после справедливых упреков и дружеских наставлений, я осознала последствия своей беспечности и готова понести любое наказание. Но, учитывая мой опыт и чистосердечное раскаяние, прошу разрешить мне продолжить разработку по духам-беглецам. План операции и ее обоснование я представлю завтра.

- Ну что вы?- с милой улыбкой ответил генерал.- Никто не собирается вас наказывать. Я просто хотел напомнить вам о некоторых обязательствах перед институтом, а также ряд аспектов ваших прав на существование. В конце концов, я рад, что вы правильно оценили те действия, которые были предприняты нами. Не скрою, изъятие ваших помощниц связано с проектом Горгоны, хотя сценарий похищения мне очень не понравился. Только идиот мог придумать такой план, где на территории вверенного мне объекта якобы действует какая-то преступная группа. У меня тут даже мыши находятся под тройным наблюдением.

Он взглянул на секретаршу, и та отрицательно покачала головой. Сканеры за моей спиной напряглись. Что-то из меня все же просочилось. Их техника опроса была очень эффективной. Генерал нахмурился и, медленно поднявшись с кресла, направился к двери. Обернувшись, он смерил меня холодным взглядом и произнес:

- Глупо думать, что вы умнее других. Не нужно завтра документов, милая. Будем следовать рекомендациям штаба. Вас включают в группу беглецов. Вы переходите на автономный режим. Задача: вырваться из подвала, покинуть территорию института, привлекая по возможности любую постороннюю помощь. Мой запрет на разрушения остается в силе! Для стимула мы назначим вам предельный срок. Скажем, неделю. Затем последует перевод на пятый режим содержания. Каждая последующая неделя будет заканчиваться для ваших сотрудниц сменой режима. Условия вы знаете.

Да, условия я знала. Пятый режим: лишение горячей пищи, перевод в камеры подвала, где все удобства заканчивались жестяным тазом и небольшой зарешеченной лампочкой у потолка. Четвертый режим: соседство параноиков, привлечение на работы по обслуживанию мутантов-уродцев, хамство надзирателей и садизм их начальников. С третьего режима по первый раскрывались все круги ада. Значит, генерал давал реальный срок в две-три недели.

- В случае успеха вы возвращаете группу в учреждение, и мы анализируем условия, способствовавшие побегу. Минимальная выгода - проверка эффективности содержания лиц, размещенных в подвальных помещениях. Максимум - контакт с "гостями". Поскольку мы некоторое время не увидимся, от чистого сердца желаю вам удачи.

Он подошел ко мне. Я встала. Генерал пожал мне руку и ласково произнес:

- Не глупи. Над ситуацией будет полный контроль. Мне не хотелось бы увидеть твой срыв...

Когда все ушли, эксперт повел меня длинными коридорами. Мы спускались все ниже и ниже по подземным этажам. Передавая меня в руки охранников, он погрозил мне пальцем, и этот высохший перст так ясно выразил его негодование, что я расхохоталась. Они ничего не знали о моем намерении.

А как меня встретили в камере! Катя визжала от восторга. Диана лучилась улыбкой, а рыженькая молча молилась о чуде спасения. Изолятор трепетал и ахал. Весть о моем прибытии распространилась мигом. Волны любопытства, похотливого страха и внезапно вспыхнувшей надежды рвались в мое тело и мозг, накрывая друг друга. Я чувствовала в них жар веры и холод черной ненависти.

Мой рассказ о плане генерала поверг девочек в уныние. Тем не менее, они здесь не теряли время даром. Диана вышла на контакт с нашими подопечными повитухами. Через них пошла информация об обитателях первых подуровней и порядке конвоирования на плац для прогулок. Катеньке удалось подключиться к внутренней сети опроса. Сканеры тут были второсортные, а для серьезных дел использовалось несколько мутантов. Первые два этажа подвала были "гостевыми", включая административные секторы, кухню, спальные номера и около сорока камер, подобных нашей. На третьем этаже размещался энергоблок. Вход в него защищала волна Хирона. Я не могла разобраться в механизме ее действия, но поняла из слов Катюши, что чужаку проход туда отрезан. Впрочем, это может сделать кто-нибудь другой. Важно лишь узнать, кто имеет доступ к пультам. И еще понадобится "отмычка" - человек, знакомый с системой защиты. Чтобы выйти на этих людей, мне был нужен кто-нибудь из обслуживающего персонала или охраны, а потом пара минут личного контакта.

Рыжик, наша новая подруга, успела забраться на самые нижние подуровни. Она получила мощный разряд и теперь находилась в полушоковом состоянии. Глупышка! Туда помещали шлак неудавшихся экспериментов. Там содержались создания, настолько далекие от человеческой энергетики, что контакт с ними неизменно заканчивался разрушением слабых психоструктур.

Что удивляло, так это отсутствие внешнего опроса. Неужели шеф, говоря о полном контроле, блефовал. Я расслабилась, настраиваясь на любые посылы в наш адрес. Слабые поля гомункулуса... Какая-то гадость из соседних камер... И нежный тихий зов...

- Куда ты пропала?- спросил он.
- Теперь я действительно пропала.
- К тебе трудно пробиться. Где ты?
- В бездне ада.

Его ладони сжали мое лицо. Взгляд тянул в зеленый омут глаз, и губы были так близко, близко...

- Я помогу тебе.

Его голос звучал во мне - в сердце, в груди, в каждой части тела.

- Ты собираешься прийти за мной?- спросила я.
- Нет, просто заберу тебя оттуда!
- Это невозможно.

Я понимала его с полуслова.

- У меня хватит сил перенести тебя к себе, где бы ты ни была и кто бы ни держал тебя в неволе. Пусть это не будет тем миром, к которому ты привыкла, но мы будем вместе навсегда.

- Зачем тебе мой фантом? Я не понимаю тебя. Для переноса мне придется либо погибнуть, либо завершить все дела, связавшие меня с этим местом. А их закончить я не в силах...

Его поцелуй проник в меня адской иглой, унося с собой мое сомнение, пронизывая болью и сладкой истомой. Его руки блуждали в моей душе, лаская потаенные струны, слагая сладкие звуки из забытого детства.

- Я увезу тебя в прекрасный мир, где волны янтарного моря переходят в ласковый бриз, где стаи разноцветных птиц, с веселым щебетом, летят к водопаду. И каскад воды, срываясь с неприступных скал, окутает нас туманом брызг. А под ногами, в прозрачном ручье будут плавать доверчивые рыбы. И из чащи к тебе выйдут лани, сверкая влажными глазами и нежась в тепле твоего взгляда. Там, на берегу у ласковых волн я куплю бунгало и из открытого окна буду любоваться тобой, прекрасный и любимый. Ты махнешь мне рукой, я прибегу к тебе, осыпая твои волосы мокрыми от росы цветами. Ты мое счастье и любовь... Коснись ступней земли, и ты почувствуешь сырость и прохладу утреннего пляжа. Протяни руку, и ты коснешься стволов экзотических пальм. Подними голову, и ты увидишь облачные горы и синеву южного неба. Открой глаза...

- Нет, подожди. Там в камере изолятора остались Катя, Диана и Рыжик. Они погибнут без меня. Как можно бросить их, уйти?

- Забудь тот мир! Забудь! Ты так близка ко мне... Еще мгновение, и я перенесу тебя к себе! Открой глаза! Признайся, шум волны уже тревожит слух, и этот аромат цветов так будоражит разум...

- Там девочки... Нет, ты не знаешь, что их ждет! Прощай... Когда-нибудь потом, когда придет конец... Я позову тебя и, может быть, тогда ты унесешь меня навстречу смерти, в которой будет непрерывный шум воды...и птицы... и цветы...

Я плакала, и слезы долго не могли омыть следов его горячих рук. Наверное, он прав, и счастье только в смерти.

Ждать долго не пришлось. За дверью кто-то долго громыхал ключами, затем она открылась, и в камеру вбежала юркая старушка. С трудом втянув передвижной столик с набором чашек и кастрюль, она с усмешкой осмотрела нас. За ее спиной, в проеме двери, появилась рослая фигура охранника. Он с опаской косился на нас и нетерпеливо ожидал ухода бойкой старухи. Та, шустро подняв крышку большого чана, шумно грохнула ее на пол.

- Это тебе,- прошамкала она, бросив мне маленький комочек грязной бумаги.

Я ничего не ответила.

- А это вам от меня,- добавила бабуля и, хихикая, плюнула в чан с горячим супом.

Охранник хохотнул и с уважением посмотрел на старушку. Та юркнула в дверь, и еще минуту был слышен звон ключей и стук запоров. По комнате поползла вонь подвальной стряпни. Катя накрыла крышкой чан, осмотрела провиант, но не нашла там ничего пригодного в пищу. Это был праздничный обед для новичков подземелья. Благо, были вода и хлеб.

Я развернула записку. В ней красивым почерком пестрели несколько ругательств, угроз и подпись "Королева". Как сказал бы генерал, диалектика. И здесь, кроме смеха, можно только сожалеть о квадратных принципах человеческой психики. Даже в навозной куче найдется своя королева. Но не все так плохо! Бабуля может пригодиться. Я знала этот тип людей. В третьем отделе монстры были похлеще!

Влиять на сознание человека можно по-разному. Главное - создать последовательность, естественный переход, который поведет собеседника к измененному состоянию. Здесь важна обратная связь, наведение раппорта, подстройка темы к переживаниям человека. Немного переходных слов,

утвердительные жесты, постановка якорей тоном голоса, прикосновениями. В качестве альтернативы используется техника шаблонного разрыва. Находится любой жесткий шаблон поведения. Манипулятор провоцируется его активное выполнение, а затем вдруг следует внезапный разрыв. Создается некоторое необычное поведение, которое связывается с желаемой реакцией. Поскольку в сознании человека любой шаблон поведения представляется как единое целое, у него не имеется вариантов для перехода на что-то иное. И остается лишь дать ему такую альтернативу, какой бы она ни была.

Между тем с рыженькой творилось что-то неладное. Ее трясло, она жалась ко мне, как испуганное животное. Глаза были полузакрыты и слезились. Она ничего не говорила, но так больше продолжаться не могло. В нее вцепились когти крупного зверя, и девочку надо было спасать. Состояние Рыжика позволяло выйти на прямой контакт с инъектором энергетической атаки. Ее подцепили на чувственном блоке массивного спуска, который ассоциировался в ее сознании с транслятором толстяка-майора.

Мутант занимал весь пол обширной камеры. Он чмокал и испускал болотное зловонье. Вкрапления искусственных модулей создавали псевдоструктуру человеческой психики, но чудовище нельзя было назвать даже растением. Почувствовав мое присутствие, он начал сворачиваться в лиловый шар, защищая в своих недрах активные центры. Создатели не учли возможности спазма мышечного остова. Я вызвала его почти случайно, нарушив энергообмен двух основных сочленений. В истории культуры отмечена змея, пожиравшая свой хвост. Мой моллюск, похоже, раздавил себя. Далекая аналогия, но что-то общее имелось.

Рыженькой сразу стало легче. Ее щечки порозовели, и даже цвет волос потерял нездоровую былую матовость. Диана занялась ее восстановлением, а мы с Катенькой начали отработку операции. Она настаивала на технике предварительного предложения, когда субъекту воздействия дается возможность мнимого выбора, но все представляемые варианты ведут к одной и той же общей линии. Мне больше нравилось расщепление, но в любом случае был важен результат, а не способ его достижения. Мы провели часа два, нарабатывая унисон, и к моменту прихода поварах связи у нас была непоколебимой.

Дверь отворилась. Бабулька впихнула столик с новым ушатом вечерних помоев. Она нагнулась, чтобы забрать нетронутый обед, но Катенька перехватила ее движение, по горло окунув седую голову карги в кастрюлю с остывшей баландой. Старуха дернулась, освободилась, но Катя остановила ее твердой командой. Мне достался охранник. Увидев бабушку под соусом, он вошел в транс изумления, но я обещала Кате технику предложений... Да и скучно тут было.

- Ты слышал обо мне?

- Конечно, слышал!- ответила за него Катенька.

Ее голос был полон ярости и недовольства.

- Может быть, он не все понял?- с укором крикнула я и схватила ошалевшего парня за рукав.

Отключив на мгновение его третий энергетический центр, мы пронзили охранника волной детского ужаса из нижней чакры.

- Он знает о тебе все, что нужно,- моментально подхватила Катя.

Она трясла его за второй рукав.

- Ну скажи, скажи!

Диана и Рыжик смотрели на нас, раскрыв рты. Старушка стояла, как ее поставили, тупо отплевываясь от струек супа, сползавших с волос.

- Ты должен отвечать мне, а не ей,- строго упрекала я.- Надеюсь, ты можешь отличать слова, которые говорю я, от тех слов, с которыми к тебе обращается кто-то другой?

- Плохой мальчишка!-закричала Катя.-Я знаю, как ты обкакался в детском садике. Вас вели на прогулку в парк. Ты уже был большим мальчиком. Тебе было очень обидно и стыдно. Но потом пришла твоя мама...

- Слушай только то, что говорю тебе я! Тебе нравится мой голос. Тебе нравятся мои приказы...

- Ее лицо было близко- близко. И все стало хорошо. Ты любил ее. Она любила тебя. И ты теперь будешь любить так женщину, стоящую перед тобой. Ты будешь помогать ей, как тебе помогала твоя мама.

Процедура была утомительной, но по внешнему эффекту ее ни с чем не сравнить. Мы вели его к одному и тому же, создавая несколько взаимозаменяемых программ. Я брала за основу его почитание авторитета, обостренное внимание к приказам, сильному голосу и непреклонности. Катя использовала регрессию во времени, отождествляя нас с милой мамой. Мы завершили обработку, сгладив разность двух полярных состояний. Оставалось ввести блоки защиты от постороннего опроса и частичную амнезию...

- И тебе нужно запомнить,- мягко сказала я,- что лучше всего забыть и не вспоминать то, что должно остаться в твоей памяти на особом уровне.

Охранник находился в глубоком трансе. Он неподвижно стоял у двери, нацелив взгляд в верхний угол комнаты. Мы взялись за обработку старушки. Катя сложила руку в кулачок и поднесла ее к глазам бабули.

- Смотри, что они делают,- тихо прошептала она.-Смотри, какие там интересные вещи! Сейчас я приоткрою щелочку. И теперь там появилась дверь... в которую ты медленноходишь и переступаешь через порог времени.

Ты снова красивая и молодая, и это твой ребенок... Твое дитя... Это я - твоё дитя. Прижми меня к сердцу, мама...

- Когда я произнесу слово "прочь", ты вернешься в настоящее время и забудешь об этой встрече со своим ребенком,- подхватила я.- Воспоминание о ней придет к тебе ночью во сне. Ты вспомнишь свою светлую радость, и тебя придавит горе при мысли о том, что твоя девочка томится здесь. И тогда к тебе придет сила, и твоя нерушимая воля подскажет, что нужно сделать для ее освобождения...

У Рыженькой началась истерика. Диана утешала ее и шептала ей что-то на ухо. Девочка никогда не присутствовала при крутых подстройках. Ее реакция лишь подтверждала правило. Резонансы трансовых состояний оказывали своеобразное воздействие на свидетелей, и без должной подготовки у людей часто начинались нервные срывы. Тем не менее, мы с Катей были дилетантами. Видела бы она работу профессионалов!

Я закричала:

- Прочь отсюда! Прочь!

Охранник подпрыгнул в воздух и неожиданно ловко ударил ногой по плечу Кати. Я бросила в него табуретку. Он легко увернулся, схватил старуху в охапку и выбежал за дверь. В коридоре слышались крики и топот. В камеру ворвалось двое крепышей. Я остановила их взглядом. Губы автоматически напряглись, кончик языка коснулся гортани...

- Ложись,- закричала Диана.

Крепыши плюхнулись на пол и в перекаате отлетели к двери. Там их и застал крик сирены. Пыльное облако облетевшей штукатурки окрасило в розовый цвет черные куртки.

- Эй, там,- сказала Горгона.- Вынесите эту пададь. И помните, я не ем объедков.

Тележки с пищей полетели в коридор вслед за напуганными стражами, тащившими на себе контуженых сотрудников. Рыженькая хохотала на пике припадка. Все выглядело очень зловеще. Мне казалось, что еще чуть-чуть, и нас попросят вон из помещений изолятора. И думаю, не у меня одной возникло вдруг чувство близкого конца, а может, то была просто бабья глупость... Кто ее знает...

Прошло два дня. Нам не давали пищи. Никто больше не открывал скрипучие двери. Хлеб был съеден. Настроение у девочек испортилось окончательно. Катя который уже раз начала обсасывать сложившуюся ситуацию.

- Неужели все напрасно,- проворчала она.- А вдруг их изолировали? Просчитали возможность перестройки целевых блоков и изолировали. Что тогда?

- Знаете, что я вам скажу,- вмешалась вдруг Диана.- Пусть от этого зависит моя судьба и, может быть, жизнь, но мне не нравятся ваши операции. В них есть что-то мерзкое, нечеловеческое. Мы не имеем права бороться против них теми же методами, что и они. Эти подстройки, опросы, допросы... Тьфу!

- А что ты предлагаешь?-огрызнулась Катя.- Лифчиками в них бросаться?

- Не знаю! Но это подло внушать старой женщине, что ты ее дочь. Неважно, кто она такая, кем работает и как поступает по отношению к нам. Нельзя же опускаться до уровня этих людей!

- Если ты думаешь, что чем-то выше ее уровня, то это твоя ошибка,- сказала я.- Даже подуровень подвала у нас сейчас один и тот же. Она придет. Не волнуйтесь. И хватит об этике и морали. Мы уже показали тебе, как устанавливаются нормы человеческих отношений. Кто смел, тот и съел. Что скажешь, Рыженькая?

Малышка чувствовала себя гораздо лучше. Утром она запела песню и, честное слово, этот миг был лучшим в мои последние пять лет.

- Я, знаете, всегда была слабой. Мне становится страшно, когда на меня кричали или топали ногами. Я всегда стесняюсь чужой грубости и, попав в институт, долгое время не могла поверить, что нахожусь в родной стране, и что вокруг меня люди, читавшие те же книги, учившиеся в тех же школах. Это был кошмар. Еще немного, и я бы руки на себя наложила... А потом появились вы! Не помню точно, но вы сказали мне тогда, что жизнь изменилась, что бояться больше не нужно... Я никогда не видела таких сильных людей и никогда не имела таких подруг. Как я могу вас осуждать? Вы спасли мне жизнь и веру в себя! Я благодарна вам...

Она поцеловала меня, и горячий стыд опалил мое лицо. Не так все было! Не так!

- Прости меня, Рыженькая. И ты, Диана, прости, если можешь...

Я встала, подошла к двери, толкнула ее и вышла. Только через миг до меня дошло, что я иду по коридору. Дверь кто-то открыл еще ночью. Яркие

лампы высвечивали каждую щелку на стенах. Затылок почувствовал прицел объектива. Я сделала несколько шагов назад, но не успела. Механизм двери сработал, она захлопнулась, и тяжелый звук запора заглушил мои шаги.

Я повернулась к видеокамере. Пусть улыбка Горгоны навсегда запомнится оператору. Рука легко прошла броню дверной плиты, пальцы коснулись внутреннего замка, что-то лопнуло, звякнуло, но дверь не открывалась. Горгона еще раз взглянула на нацеленные линзы и отступила на шаг. Дверь с лязгом рвануло и вмяло в противоположную стену. Бетонный косяк с клочьями арматуры придавал дверному проему камеры пещерный вид.

- Живо за мной,- велела Горгона, холодно осмотрев трех напуганных женщин.

На повороте коридора резко захлопнулись решетчатые двери. Через узкие амбразуры блестели стволы автоматов. Чей-то надсадный голос заверещал в мегафон:

- В камеру! Быстро! Еще секунда, и мы откроем огонь! В камеру, я сказал!

Горгона повела рукой. Смятые прутья решетки полыхнули белыми искрами. Над головой пронеслась предупредительная очередь. И там, где пули царапали тонкую штукатурку бетонных стен, вдруг разверзлась бездна, и в огненном облаке появился всадник, стремительно приближавшийся, с тяжелым копьем наперевес.

Все оборвало СЛОВО... Оно смяло меня, мой разум, мое прошлое и будущее... Меня куда-то волокли за ноги, но боли не было... Подумать только! Одно слово...

Высокий господин пришел к Парризо утром. Она мыла реторты в его лаборатории и слышала, что разговор зашел о ней. Приняв пришельца за ревнителя Святой церкви, медик пытался повернуть беседу на засуху и эпидемию чумы, но гость упорно добивался сведений о ней.

- Она еще больна,- оправдывался Парризо.- Бедная девушка пережила огромное потрясение и, мне кажется, ее мозг воспален. Конечно, мой метод поможет - в этом нет сомнений. Отвары Парризо знает весь просвещенный мир. О них веками будут говорить потомки!

- Я хочу ее видеть!- сказал незнакомец.

- Простите, господин, но ее состояние не позволяет каких-либо волнений,- неожиданно смело возразил лекарь.- Я потратил на ее лечение три года...

- Во имя суда живых и мертвых, я требую!

- Святой отец, она больна... Я приведу ее... но она больна! Как медик, я мог бы обосновать ее недомогание. То, что она порою говорит, ни в коей мере не может оскорбить Святую церковь. Это бред! А ее предсказание великого пожара - просто нелепая случайность. Да, предсказание исполнилось. Но что из того? Как можно судить больного человека за бред?

- Я жду!

Она вышла к гостю, спокойно и твердо. Она знала о нем почти все. Парризо усадил ее на стул и, встав за спиной, крепко вцепился рукой в ее плечо. Как он боялся за нее! И за себя...

- Так чем вы ее лечите?- спросил высокий господин.

- Это довольно сложная смесь,- с ноткой облегчения заговорил напуганный медик.-В состав входит пятьдесят три компонента. Чтобы выверить пропорцию, мне потребовалось семь лет. Вы не поверите, святой отец, но этим открытиям я обязан некоторым псалмам Писания...

Она увидела - вернее, почувствовала - как из средней части тела у пришедшего мужчины вышло серебристо-розовое облако. Нет, это был не священник. Парризо плюхнулся на стул. Его речь превратилась в бормотание, голова откинулась набок, нижняя челюсть отвисла, и он начал тихонько похрапывать. У нее заложило уши. Она провела рукой по лицу, касаясь пальцами ресниц.

- Ты отведешь меня к ним?- спросил он на ее родном языке.
- Что ты хочешь от них?-тихо ответила она.
- Я помогу им бежать от Владыки!
- Он услышит. Не надо имен.
- Ты боишься, что их не примут?
- Нет. Фокалор рассказывал, что сострадание Отца безгранично, но удастся ли им уйти от погони?

- Я отвлеку всех тех, кого пошлют за ними.
- Ты пришел от Отца?
- Не совсем. Я, как и ты, не принадлежу к их порядку.

Она с удивлением взглянула на него:

- Хорошо. Пусть будет так! Судьба мне грезил подобное. Идем! И, прошу тебя, будь осторожен в пределах Владыки...

Все тело ломало и крутило. Потoki бессознательного страха рвались из меня, унося к вершинам озарений и ввергая в бездны смерти. Мне было трудно, но чьи-то добрые руки помогали, вытаскивали каждый раз из омута небытия, поддерживая меня на тоненькой ниточке надорванного сознания.

- Спи, милая, спи,- шептал мне голос.- Все прошло. Не бойся, голубушка.

Слова уносили меня к границе доступного. Голос, мягкий и теплый, укутал мое тело, согрел ноги и грудь. Голос звал в запретные глубины, о которых я едва подозревала. Я столько лет искала дорогу к ним, но не могла найти...

- Мамочка, в колокол бьют. Мне страшно!
- Спи, дитя, спи. Ночь на дворе. А колокол - так это, чтобы путники не заблудились.

- Нет, мамочка. И вчера ночь была, а в колокол не били.
- Не бойся, голубушка. Это дьякону грустно стало, и душа его кричит колокольным звоном. Спи, я песню тебе спою...

- В окне зарница красная. Горит что-то...
- То ребята играют. Разожгли костры, хороводы водят.
- Нет, родимая! Почему же крик оттуда скорбный? Сердце стучит. Страшно мне.

- Успокойся, деточка. Это ветер калитку качает. Петли не смазаны, вот и скрипят жалобно.

- Ближе шум надвигается. К нам идут, матушка. Прятаться надобно...
- То деревья листвой зашумели.
- В окно стучат! Спрячь меня, мамочка милая. Спрячь, прошу... Успеть бы...

- Золотце мое! Не бойся, умоляю! Это ставня по окошку бьет - закрыть забыла. Положи мне головку на грудь. Руками тебя закрою, отведу беду. Третий день в огне, и все стонет и мается, и дрожит, как листок. Спи, моя ласточка. Глазки закрой. Дам тебе нить из слов, сматывай в клубочек, а словечко упустишь, завяжи узелок. Спи, мое солнышко, спи. Месяц на небе звезды считает и разливает по глади реки блики игривые, блики ночные. Воздух вбирает в себя ароматы осоки. Липы поют свою вечную песню. Глазки закрой, успокойся и слушай. Там, за окном, у далекой сосны, свил родничок под камнями гнездо и целый день расчищал свое русло. Бедный, намаялся к вечеру. Слышишь? Спит он сейчас. И, свернувшись в комочек, нежно, как кот, он бормочет устало что-то во сне. Вот ведь потеха! Раньше понять не могла, почему же тот родничок мне кота так напомнил...

Мама! Я видела ее лицо! Я слышала ее голос! У меня была мама!

Я открыла глаза и подняла голову. Передо мной сидели две женщины: несносная нахальная Имбецилла и ослепительно красивая девушка. Я несколько раз моргнула и на всякий случай помахала рукой, прогоняя видение. Они не исчезали. Красивая женщина приподнялась и мягко поправила подушку под моей головой.

- У меня была мама!-гордо прошептала я.

Она погладила мои волосы:

- Конечно. У тебя была мама.

Я счастливо улыбнулась. Пусть мой голос был едва слышным. Пусть я не знала, где нахожусь и что со мной. Моя память вернула детство. Они говорили, что этого не будет никогда. Они заставили меня поверить, что я не человек. Но у меня была мама, были годы детства и юности.

- Кто вы?

- Не важно,- ответила женщина.- Тебе потребовалась помощь, и мы пришли.

Имбецилла хохотнула и показала мне пальцем на угол комнаты. На полу лежали две неподвижные фигуры: сиделка в белом халате и рослый охранник.

- Где я?

- В лазарете изолятора.

Мое тело вздрогнуло, но еще раньше в мозг ворвалось все, чем я жила последние месяцы... последние дни. Кулаки свело судорогой, дыхание перехватило...

- Где девочки?

- Они здесь, в подвале. О них не волнуйся. Мы спрятали их в безопасном месте.

Горькие слезы срывались с ресниц. Я была бессильна. Я больше никому не верила.

- Поспи, голубушка.

Красивая женщина вытерла ладонью мои щеки.

- Мы скоро вернемся и прихватим с собой кого-нибудь из них. Это успокоит тебя, верно?

Внимательно осмотрев мое лицо, она тихо добавила:

- Как странно. Твоя Катя оказалась дочкой поварихи. Представляешь, где встретились? Бабка-то моя от счастья места не находит...

- Вы королева?

- Не важно.

Имбецилла подошла к стене, пригнулась и скорчила лицо, словно тужилась и что-то выдавливала из себя. Затем она поманила вторую

женщину, схватила ее за руку и их фигуры растаяли на фоне серой штукатурки. Я так не поняла, то ли они прошли через бетон, то ли просто растворились в холодном воздухе. Или это мне привиделось? Размышлять было невозможно. Мозг отказывался действовать. В глазах снова возникло милое лицо. Мамочка! Мама! Я попыталась подойти к этому щемящему чувству, но не удержалась и рухнула в липкую холодную тьму...

Красные скалы теснили небольшую долину. Рядом со мной возвышалась фигура Ами.

- Остановись велеречивый джаер. Слова твои смущают нас. И все же мы не уйдем без нее.

- Это невозможно,- возразил высокий незнакомец.- Она человек. Законы бытия препятствуют восшествию живого тела.

- Ее судьба была страшнее наших испытаний! И лишь благодаря ей мы вышли к свету дальнего престола.

Ами был добр ко мне! Всегда был добр!

Белеф, нахмутив иссеченное шрамами лицом, сурово сказал незнакомцу:

- Ты ничего не понял, джаер. Она посланница Отца. Только ей по силам поручиться за нас. Только ее святая жизнь может стать искуплением наших преступлений. В любом случае, я не уйду без этой девы. И здесь мы тоже не останемся. Утром нас ожидает дальний путь, и мне безразлично, будет ли твоя помощь с нами или нет.

Они обступили ее кольцом. Каждый преклонил колени. Клятва верности сцепила нерушимые звенья. Мир дрогнул, закачался и, бледнея, исчез...

- Боже мой! Какие идиоты!- кричал генерал над моей головой.- Где этот фанатик. Я сам его удавлю! Своими собственными руками! Эксперт называется. Дерьмо собачье!

- Товарищ генерал, она приходит в себя.

- Я возмущен. Я не нахожу слов. Еще немного, и весь эксперимент был бы провален! Ах, дорогая! Не волнуйтесь. Все уже позади. Вы с честью завершили дело, которое, возможно, войдет в учебники истории - так же как полет в космос, как плавание Колумба к неизвестным землям западного континента.

Генерал казался пьяным от радости. Мне даже казалось, что он счастлив. Около меня вертелись люди в белых халатах. Камеру тюремного лазарета превратили в шикарную палату, но это были те же бетонные стены.

- Как вы себя чувствуете?

Голос шефа был чрезмерно заботлив. Он всегда немного переигрывал.

- Впрочем, и без слов видно. Какие-нибудь просьбы? Извините, что мы пока оставляем вас здесь. Это требование врачей. Как только вам станет лучше, я сам провожу вас в старое гнездышко. К нам! Наверх!

Он тер руки, улыбался, валял дурака, не стыдясь врачей и своего окружения.

- Где мои девочки?

- Черт возьми, не знаю, дорогая. Мне доложили, что они еще в подвале, но где именно, пока затрудняюсь ответить. В тот день вы навели небольшой беспорядок. Наверняка, малышки испугались, воспользовались паникой и

скрылись на нижних этажах. К счастью, никто не пострадал. Мне доложили только об исчезновении одного охранника. Я думаю, тоже от страха забился куда-то. Ну, не волнуйтесь так. Найдем мы их, найдем.

Он весело засмеялся и махнул адъютанту рукой. Тот ловко смахнул с медицинского столика пузырьки и стаканчики, установил передо мной небольшой ноутбук и застыл в ожидании дальнейших распоряжений.

- Взгляните, коллега,- сказал генерал.- Вам будет интересно.

Его толстые щеки порозовели от восторга.

- Они вышли с нами на контакт! Это уже научный факт!

На экране появилась Горгона. Я впервые видела ее грозный лик и таинственную мощь холодного взгляда. Над ее головой мелькали светляки трассирующих пуль. У верхнего края все больше и больше разрасталось красное пятно. Вся левая половина экрана внезапно превратилась в синюю бездну. На темном фоне мелькнул знакомый вид того прекрасного и жуткого мира. Я видела, как охранники пинали и толкали мое тело. Как они волокли меня за ноги, и как с моей щеки сползала кожа...

- Что скажете? До чего зрелищно! Посмотрим еще разок?

Я положила ладонь на квадратную лапу генерала.

- Чем кончилась погоня за тем человеком, которого я отследила?

- Да хлопнули, наверное, где-нибудь! Разве эти бездельники могут тонко сработать? Разгоню всех, ей Богу! Займусь вами, "гостями"! Но об этом мы поговорим позднее, когда вы поправитесь...

Суэта закончилась не скоро. Я с облегчением вздохнула, оставшись одна. На мой призыв к Королеве пришел добрый отклик. Через минуту дверь отворилась, и в камеру шмыгнула повариха. Она хитро подмигнула мне, и за ее спиной показалась Рыженькая. Она бросилась мне на грудь.

Как здорово, что они живы и пока находятся вне опасности.

- Все хорошо. У нас здесь много друзей. Они обещают вывести нас на свободу. Королева говорит, что подготовила для нас ход из подвала. Мы ждем только вас...

Рыженькая шептала какие-то слова, гладила мои руки, но все теряло смысл и ценность. Моя слабость была плохой защитой. Тело подчинилось мощному призыву, и только одинокая слезинка могла бы рассказать, как я не хотела насилия этой непреклонной воли.

То был он - мой желанный художник. Его глаза сорвали с меня печали, заботы и одежды... Его руки были нежными и требовательными. Он уносил меня к пурпурным морям моей страсти, где на пушистой зеленой траве сияли капли росы, и я лишь шептала: "Ну что же ты медлишь..." Поцелуи душили меня, заставляя кричать от невыразимого наслаждения. "Пусть все летит кувыркком..."

Какая-то часть меня с удивлением следила, как исчезают мои силы, чувства, сознание. Я растворялась в необычно податливом и безгранично пустом пространстве. Все превращалось в ничто. Но какая-то частичка меня с тревогой следила, как его воля сминает меня, с каждой секундой опустошая все больше, с каждым мигom меняя обличие нежного любовника на жестокого тирана.

Бездонная пропасть раскрылась передо мной. Я падала в нее, и только изумление от чудовищной подлости оставалось в душе, да и то недолго. Маленькая часть меня следила, как распадался рассудок обезумевшей и обманутой женщины. Осторожно и тщательно этот крохотный кусочек сознания оградил себя стеной, сократив свою деятельность до простейшей задачи - выжить, уцелеть.

Кто он? Откуда такая сила? Зачем все это нужно? Ответы падали в бездну, куда удалялась и я. Можно было понять его разумом. Непревзойденное искусство опроса, полное снятие информации, пробой полей на пике сексуального порыва. Но как объяснить несчастному сердцу, что единственный смысл жизни и борьбы за свою душу был оборван чужой и грязной игрой.

Внезапно я с удивлением осознала свою свободу. Все улетучилось как дым, и только тяжесть в ногах тревожила утомленный рассудок. Глаза с трудом открылись. Серый потолок. Мучительное усилие перевело взгляд ниже. Искраженное испугом лицо поварихи, ее искусанные окровавленные руки, разжимавшие мои челюсти. А дальше, в ногах, лежало распростертое тело Рыженькой. От носа к губам висала узкая бордовая полоска. Остекленевший взгляд на почти детском личике...

- Рыжик,- тихо позвала я, не желая верить глазам.- Рыжик!

Этот вопль наполнил камеру, мой мозг и всю пустоту пространства, которое прежде было моим телом. Маленький, еще живой кусочек сознания разлетелся вдребезги, унеся боль, усталость и мое непонимание. Горгона знала все.

Эта рыженькая девушка вклинилась в мощный поток и перевела на себя энергетический удар, направленный в сознание умиравшей подруги. Она сожгла свой мозг, спасая ту, которой пророчили смерть.

- Рыжик,- прошептал Горгона, с трудом произнося незнакомое слово.

Она встала на колени. Белые продольные полосы света заискрились на янтарной ауре. Повариха тупо смотрела на нее, сжимая руку мертвой девушки. Горгона шептала молитву на итальянском языке. Эту молитву читал над ней Парризо, когда отравил ее, решив, что подобная смерть будет меньшим злом, чем пытки ревнителей церкви. Он не знал, что на рассвете пять всадников другого запредельного мира ждали ее в условленном месте. Он не знал, что его смертельный яд помешал великому плану. Он не знал, что потребуется почти восемь столетий мук и страданий, восемь веков ожидания и веры, восемь веков нерушимой клятвы истинных воинов...

- Простите, но мне удалось превратить вас в Горгону только с помощью таких радикальных мер!

В дверях стоял полковник из архива. Довольная усмешка на красивом лице Историка, фантом художника этого маньяка-импотента, изощренные комбинации из событий, стремлений и людей, та мертвая и выпавшая из игры фигурка юной девушки - все это нуждалось в расплате...

- Кто мог подумать, что она окажется с вами,- сказал он, уловив угрозу.

Разряды молний скрестились на его груди. Одежда вспыхнула и, почернев, опала пеплом, обнажая красное одеяние джаера. Тяжелое перекрытие потолка скользнуло на него, но он едва заметным движением убрал окружающие их декорации. Пропала повариха, своды потолка и бетонный пол. Темное небо усеяли звезды. Светало. И в бледном тумане виднелись фигуры пятерых всадников. Один из них поскакал навстречу. На медных доспехах блистал священный царственный знак. Лицо, покрытое шрамами, было знакомым и близким.

- Джаер, еще не конец,- твердо сказала Горгона.

Джиннат склонился над поверженным телом погибшей девушки и вдохнул искру жизни.

- Еще не конец,- повторила Горгона.

- Остальное решать не вам! Это говорит джиннат Сах, свидетель истории!

Верный друг легко приподнял ее и усадил в седло перед собой. Горгона обернулась, взглянула на рыженькую девушку, на джаера, который помогал той встать, на темные холмы с черными силуэтами корпусов института. Она прощалась и прощала этот мир. Впереди ее ждал свет далекого Престола.

КРАСНЫЙ КЕФИР

1. Шамбала (лог Льва Андреевича Ермолова)

Прежде я часто видел сны о другом мире. Иная культура, песок и пальмы, полуобнаженные наложницы и черные рабы, а не пустая степь и стены института, в которых проходила моя жизнь. Мне казалось, что эти сны были памятью о прошлом воплощении, где я добился статуса какого-то важного египетского жреца - точнее, древнеегипетского. Но недавно я понял, что воплощение осталось тем же. Просто я действовал в другом слое времени.

Эта история началась с того, что мы с Машкой собрались пожениться и в качестве последней проверки чувств отправились на месяц в Горный Алтай - на туристическую базу 'Марьин остров'. Идиллия для влюбленных, причудливое меню и приятное общение с такими же в меру пьющими романтиками и туристами. У нас появились друзья: Валерий и Вера - супружеская пара из Барнаула. Он бывший физик; четыре года работал на атомной станции. Прилежный неприхотливый специалист. 'Ключ на старт! Есть ключ на старт! Показания счетчиков? Нормальные!' Тем не менее, устав от низких окладов и высокой ответственности, парень занялся торговлей, женился на дочери богатого контрабандиста лесом и 'вышел в уважаемые люди' (как он сам оценивал свое социальное положение). Типичный физик, ставший расчетливым и умным авантюристом. Вера полностью соответствовала образу провинциальной троянской Елены. Авторитарная и капризная женщина - и то ей не так, и это не тем боком. Зато она часами могла возлежать на шезлонге у входа в гостиничный корпус и демонстрировать всем свои пышные ягодицы, прикрытые полоской стрингов. Нас с Машкой Вера терпела лишь по той причине, что мы были москвичами - 'редкими птицами в этих диких краях' (как она сама сказала на одной из наших посиделок).

На вид Валера был моей полной противоположностью. Он выглядел красавцем блондином, с красноватым лицом и молодецкой силой. По сравнению с ним я казался сутулым дохляком, с пушкинскими бакенбардами и есенинской трубкой во рту. Больная печень, мешки под глазами и восемь лет работы в закрытых исследовательских институтах. Ведущая тема: телепортация в пространстве и времени. Машка, сколько я ее помню, всегда была рядом мной - в детском саду, в школе, в МГУ, в различных институтах, где мы представляли научный тандем. Я не знал, как жить без нее. Она считала меня воплощением своих идей о достойном мужчине. По всеобщему мнению, мы представляли собой идеальную пару.

Естественно, Валерий, как бывший представитель науки и физики, старался показать свою осведомленность в тех областях, которые примыкали к нашей работе. Узнав тематику моих исследований, он тут же начал доносить меня 'мостами' Эйнштейна-Розена и 'червоточинами' Шварцшильда. Хуже всего это проявлялось во время 'пирушек', которые 'закатывала' Вера.

- У меня все просто,- говорила она.-Друзья познаются в еде! Во время застольной беседы. Если мне с кем-то приятно обедать и ужинать, я в

лепешку разобьюсь, но подружусь с такими людьми. Вон Лерка как стрекочит с вами! А ведь обычно молчит, и слова из него не выжмешь. Значит, он нашел в вас изюминку. И мне интересно послушать. Я думаю, вам понятно, почему? Потому что вы московские ученые! А мы сибирские интеллигенты, и нам есть, что сказать друг другу. Еще по кусочку семги? Валерик, наливай!

Валерик наливал. Постепенно на второй бутылке разговор переходил к телепортационным тоннелям, и муж Веры извергался фонтаном банальных теорий о 'полевых толчках', 'сингулярности' и 'черных дырах'. Обычно беседа развивалась по следующему сценарию:

- Черные дыры,- пояснял наш ментор,- это разрушенные звезды. Их масса сконцентрирована в бесконечно малой точке, где наведенное гравитационное поле разрушает любую материю и время.

- А что такое червоточины?-интересовалась Вера.

- Это ходы, которые черви проделали в яблоке, упавшем на Ньютона,- пыталась отшутиться Машка.

- Червоточины,- поднимая палец вверх, глаголил Валерий,- это гиперпространственные тоннели через космическое время. Они соединяют удаленные регионы вселенной или даже разные вселенные. Они могут связывать вместе различные измерения и времена. Но, как всегда, существует проблема.

Вера делала 'круглые' глаза и спрашивала:

- Какая?

- Мы не можем влететь в черную дыру и вылететь из тоннеля в другой галактике!-пьяным тоном отвечал ее супруг.-Тоннель блокирован сингулярностью разрушенной материи! Напрочь блокирован! Мы можем входить только в те червоточины, где нет никакой сингулярности. Ик! Где нет горизонта событий!

- С ума сойти!-восторгалась Вера.

- Горизонт событий - это регион сильного гравитационного поля. И такое поле отделяет пространство внутри сингулярности черной дыры от внешней вселенной. К примеру, если этот огурчик пройдет через горизонт событий...

Валера показывал нам огурец, наколотый на вилку.

- ... он уже никогда не вернется к нам...

Огурец погружался в червоточину его рта и вскоре действительно исчезал из виду. Фокус-покус а-ля Копперфилд.

- ...если только он не перейдет на скорость выше скорости света! Ибо даже свет не может просочиться через горизонт событий!

- Господи!-воскликнула Вера.-Подумать только!

Машка усиленно старалась перевести разговор на другую тему:

- Прошлым летом в сети Интернета появились сообщения о том, что одна из групп исследователей создала телепорт в другой мир. Наш институт заинтересовался этой информацией, и аналитический отдел предоставил нам потрясающие данные...

- А знаете, какую конфигурацию могут принимать порталы червоточины?-прерывал ее Валера.-Они могут быть сферическими, кубическими и многогранными...

- Эти парни вплотную подошли к созданию новой физики...

- И что интересно, 'мосты' Эйнштейна-Розена могут обладать прямым и обратным потоком времени!

Я относился к этим 'умным' беседам с долей иронии. Они напоминали мне перебранку на рынке, где каждый из спорщиков реагировал не на смысл произнесенной фразы, а на открытый рот оппонента. Издержки сансары и

маи. Пузыри иллюзии. Амбиции и ожидания, не имевшие отношения к объективной реальности. И в то же время за нашим окном открывался изумительный вид на горы и сосновый лес, на высокое синие небо, не влезавшее в знаменитую формулу с эмце-квадрат. Небо нельзя описать квадратом. Это факт, который наука упорно отрицает. Между прочим, реальная телепортация во времени тоже не могла быть описана теоремами академической науки. Машка не зря пошутила про ньютоново яблоко.

Система описания, предложенная физикой Ньютона, загнала человечество в тупик. Точнее, в ограниченный объем пространства и времени. Понятия 'силы', 'скорости' и 'массы' превратились в тяжелые цепи на ногах любого исследователя. Законы механики требуют расхода кинетической энергии для каждого толчка, для любого момента перемещения. Мы можем использовать различные двигатели - ядерные, импульсные, ионные, плазменные или аннигиляторные. Мы можем придумывать модели, построенные на солнечных и лазерных парусах. Но скорость перемещения в пространстве по-прежнему будет ограниченной. На субсветовых скоростях масса возрастает экспоненциально. Люди не способны выдерживать таких перегрузок. Для дальних путешествий девяносто девять процентов массы корабля будет приходиться на топливо. Если к данным ограничениям добавить расход времени, то ни о каких межзвездных путешествиях не может быть и речи. На околосветовых скоростях каждый час полета будет соответствовать нескольким эпохам на Земле - феномен так называемого 'расширения времени'.

Хорошим выходом из тупика могла бы стать 'новая физика' - наука о каузальных (причинно-следственных) законах вселенной. Одним из ее приложений была бы телепортация - мгновенное перемещение объектов в пространстве без какого-либо расширения времени. Как сказала Машка, здесь нужны были червоточины в ньютоновом яблоке - хакерские методы подхода к решению проблем. При нынешней системе физического описания мира любое тепепортационное устройство, через которое смог бы пройти космический корабль, потребовало бы массы, в сотни раз превышающей массу Юпитера. 'Червоточина' чуть меньше метра весила бы в пять раз больше массы Земли. Для стабилизации километрового отрезка подобного тепепортационного тоннеля понадобилось бы напряжение, сопоставимое с давлением в центре гигантской нейтронной звезды. Другими словами, законы нынешнего описания мира отрицали возможность телепортации. Здесь нужно было или отказаться от межзвездных перелетов, или придумать 'новую физику' - новое описание мира. Однажды люди уже делали подобное, заменив черепах и плоскую землю на глобус. Но для этого многим ученым пришлось подвергнуться репрессиям. То же самое происходило и в наше время.

Та группа исследователей, о которой говорила Машка, попала под молот властей. Власть спросила у своих научных консультантов: 'Вы можете воспроизвести или хотя бы объяснить результаты, полученные этими отщепенцами?' И ученые ответили: 'Нет, ибо то, о чем они говорят, физически невозможно сделать.' Власть раздраженно проворчала: 'А как быть вот с этими фотографиями, с отчетами наших агентов, с реальными фактами, которые мы представили на ваше рассмотрение?' 'А никак,- ответили ученые мужи.- Ибо сие есть ересь, и посему все ваши материалы не могут быть признаны нами в качестве научных данных.' 'И что же нам делать с теми 'кудесниками?-' спросила власть.- 'Что если их переманит другая страна?' 'Да просто избавьтесь от них,- посоветовали научные

консультанты.- Зачем нам это смущение умов и сотрясение основ научного мировоззрения? Кроме того, телепортация внесет хаос в экономику и распределение власти. Она сделает нефть, бензин и транспорт бесполезными раритетами. Все мировые синдикаты превратятся в мыльные пузыри. Лучше избавьтесь от этих смутьянов.' И власть согласилась: 'Действительно! Тем более, что мы и раньше уже конфликтовали с ними.' А дальше было, как всегда: кого-то убили, кого-то 'сломали', кого-то не нашли.

Мне нравились эти смелые и умные ребята. Они называли себя хакерами сновидений. Я не вникал в их разработки по картографии сновиденных пространств, но, на мой взгляд, модель 'пасьянса Медичи' и исследование 'сетевой матрицы тоналя' заслуживали самого пристального внимания современной науки. К сожалению, о гениальных соотечественниках мы узнаем обычно из зарубежной прессы. И до всеобщего мирового признания они, как правило, считаются у нас диссидентами, аморальными персонами или психически больными людьми - теми, кого нужно унижать, лишать дееспособности и свободы общения. Эдакая черта национального характера - гнобить - чертовщина, 'черт знает что' по меркам логики и разума.

Мы с Машкой смотрели служебный фильм, предоставленный нашему институту в качестве спонсорской помощи от федеральной службы безопасности. Первый сюжет демонстрировал исчезновение одного из арестованных хакеров в салоне самолета. Его транспортировали из Новосибирска в Москву, и парень исчез на виду у охранников и трех видеокамер слежения. Сначала над его головой появился ослепительный шар, мгновенно превратившийся в круг диаметром около метра. Этот круг быстро опустился вниз к ногам молодого человека, и тот исчез вместе с креслом, ручными и наножными оковами, широкими кожаными лентами, которые фиксировали его тело в строго неподвижной позе. На месте исчезнувшего кресла остались лишь гладко срезанные штыри креплений и ровное округлое отверстие в ковровом покрытии салона. Второй сюжет демонстрировал схожее образование цилиндрического телепорта, но девушку, уходившую от погони спецслужб на окраине Казани - совсем молодую и, видимо, сравнительно неопытную - застрелили в процессе перехода в 'червоточину'. Это вызвало вспышку и обугливание трупа. Портал находился в активном состоянии еще пару минут. Затем он свернулся в небольшой белый шар и исчез. Метод, с помощью которого хакеры сновидений создавали телепортационные тоннели, до сих пор оставался загадкой.

Я занимался этой проблемой почти десять лет. Мне были известны сотни документированных случаев успешной телепортации в пространстве и во времени. Ни одно из этих явлений не вовлекало технических приспособлений, похожих на телепорты из фантастического сериала 'Звездные врата'. Не было ни жезлов, ни магических кругов. Довольно долго наш отдел исследовал аномальные зоны и мощные электромагнитные поля. Предыдущие руководители института хотели воссоздать пресловутый 'филадельфийский эксперимент'. Однако даже американские парапсихологи не могли обозначить ту последовательность условий, которая, в конечном счете, привела к телепортации военного крейсера. Несмотря на несколько побочных перспективных открытий, мы по-прежнему не понимали законов перемещения во времени.

И вот случилось так, что мы с Машкой отправились отдыхать на Алтай и познакомились там с семейной парой барнаульских бизнесменов. Эта встреча запустила в действие цепь странных событий - событий, которые не только

изменили мою жизнь, но и позволили мне проникнуть в таинства судьбы. Все началось с банальной и уже привычной фразы Веры:

- Валерик, наливай!

- Ребята!-вдруг сказала Машка.-Что вы думаете насчет двухдневного похода в горы? На лошадях и с ночевкой? Нам дадут опытного провожатого, и он позаботится обо всех бытовых мелочах. Будем спать в палатках и готовить еду на костре...

- Машуль, а ты когда-нибудь проводила в седле целый день?-спросила Вера.-Знаешь, как ты будешь ходить после двухдневной езды, когда натрешь себе бедра? И вообще! Что за блажь такая? Лошади, поход...

- У Левы завтра день рождения,- ответила Машка.-Мне хотелось сделать ему что-нибудь приятное. Не обычную пьянку, а такое мероприятие, которое осталось бы в памяти на долгие годы.

- День рождения?-вмешался Валера.-Это хорошо. Это просто чудесно! И мне нравится идея с походом. Веруня, давай отвезем их в Шамбалу. Только не на лошадях, а на нашем джипе. Кстати, ты давно обещала показать мне путь в священную страну.

Я захохотал. В Шамбалу на джипе? Действительно, что-то забавное.

- Лев, вы зря смеетесь,- надменно заметила Вера.

Не знаю, почему, но с самых первых дней она обращалась к Машке на 'ты', а ко мне на 'вы'.

- В этих краях существует легенда о том, что некоторые пещеры высокогорья ведут в страну бессмертных,- продолжила Вера.-В детстве я слышала много историй о людях, уходивших туда и приходявших оттуда. Местные спелеологи нашли в Горном Алтае около четырехсот пещер. Однако их количество меняется при каждом сотрясении земли. Какие-то проходы в недра закрываются; какие-то появляются в самых неожиданных местах. Мой батя перед тем, как заняться торговлей леса и спирта, работал обычным геологом. Однажды их экспедиционный отряд обнаружил глубокую пещеру. В ту пору ходили слухи о золоте и сокровищах, спрятанных еще в царское время. Геологи - народ азартный. Полезли в пещеру, а ей конца и края нет. Кто-то потерялся. Два дня его искали. На третий день пропавший мужчина сам вышел из какой-то расщелины. Был он черноголовым молодцем, а превратился в седого старика. И, оклемавшись, рассказал о том, что видел дорогу в Шамбалу, отмеченную бескрайними полями сияющих кристаллов. К вечеру ему стало дурно. Жар, судороги, бред. Парень начал заговариваться. Все порывался куда-то бежать. Короче, отправили его сначала в районную больницу, а затем напрямик в дурдом.

Вера залпом выпила бокал, наполненный ромом и пепси-колой. Мы рефлекторно потянулись к своим стопкам. Мне жутко нравились такие истории.

- Позже батя раз десять наведывался в ту пещеру. Искал дорогу в священную страну. Но путь ему не открылся. И один ходил, и с группой - все без толку. Я сопровождала его дважды. Он показал мне примерное направление. Только с каждым землетрясением конфигурация подземных ходов изменяется. И немного стремно в тех темных пустошах. Пока идешь по переходам, все нормально. А потом вдруг попадаешь в огромный каменный зал, наполненный звуками ветра, и каждый шаг отпечатывается звонким эхом, от которого 'мурашки' по коже.

Взглянув на Машку, Вера добавила:

- Мы не станем забираться глубоко. Пройдем через пару подземных залов, устроим пикничок и вернемся обратно. Конкретно Шамбалу не

обещаю, но вы об этом дне рождения будете вспоминать с удовольствием. Как вам мое предложение? Согласны?

Конечно, мы были согласны.

Тем же вечером Машка и Вера занялись сборами: продукты, веревки, фонари. Валера переговорил с начальником базы и выпросил у него два больших пакета с древесным углем, пачку крупных таблеток сухого спирта и портативный гриль для шашлыков.

- Ты был когда-нибудь внутри пещер?- спросил он у меня.-Потрясающие впечатления! Главное, не включать воображение. Чем меньше кажется, тем лучше. Верунчик уже таскала меня по таким местам. Поначалу 'крыша' едет, но позже страх сменяется восторгом. Это действительно настоящее приключение. И ты не бойся. Я возьму с собой оружие.

Нашел, кого пугать. Работа в закрытых институтах давно превратила меня в гипертрофированного экстраверта. Я научился контролировать эмоции. Наш подопытный материал состоял, в основном, из людей с измененной психикой. Для многих из них чувство страха служило поводом для нападения. А нам ведь приходилось заходить к ним в клетки, делать инъекции, кормить и давать установки. После подвалов нашего института поход в какую-то пещеру казался мне увеселительной прогулкой.

- Если ты увидишь что-то странное,- наставлял меня Валера,- или почувствуешь, что за тобой наблюдают, не паникуй, а сразу обращай ко мне. Паранойя и паника в горах недопустимы. Мы поведем вас в проверенное место, так что тревожиться не о чем.

Той ночью я снова увидел сон из прошлого. После того как эликсир земных подношений был выпит, и судороги прошли, ко мне явилась Богиня двух истин. Она сбросила одежды и опустилась на ложе рядом со мной. Рука ласкала мою щеку. Перья щекотали грудь.

- Завтра будет особый день,- прошептала она.-Мы начнем новый посев. Ты откроешь путь многим, гордый лев пустыни.

Я вновь не мог понять, как мы сливались в божественной любви. Она проникала в меня, я - в нее, но это не имело отношения к обычному совокуплению.

- В нужное время я верну тебе память. Используй мужчину, как ключ, и помни, что спрайты времени могут быть опасными. Это уже третья попытка. В первых двух нас постигла неудача. Будь осторожен.

В том сне я снова был един со своим прошлым - ближним и дальним. Два детства: одно в Летополе, другое - в Москве. Две юности, в одной из которых я был адептом Себау. Венценосный дракон скрывался в лабиринтах Сета. Гор и Исис отсекали ему задние лапы. Он жаждал мести, и этот волевой посыл уже захлестывал слои и петли времени. Я был важной фигурой в его почти непостижимых планах.

В том дальнем прошлом меня возлюбила и вознесла в высокий сан моя прекрасная богиня. Рукокрылая Маат, чьи перья были легкими, как вес души. Она направила меня к жрецам, и я въехал в Летополь верхом на огромном и свирепом льве. Принц пустыни - вот как они называли меня. 'Покажи свою силу',- велел один из служителей Сета, и я оттолкнул пески от стен на целую лигу, оставив город на вершине высокого холма. А Себау выл, задыхаясь от ярости и боли. Вихри смерчей метались по небу и земле. Дни и ночи то расширялись вдвое, то сокращались на треть. Весь человеческий род находился на грани уничтожения. Гор вернулся из мира мертвых. Врата в Дуат остались открытыми. Безумный поступок Исис подвел нас гибели. Климат менялся. Континенты уходили под воду, и волны исторгали из пучин

неведомые земли. Сет, словно сеятель на поле, разбрасывал во времени своих адептов, извергнутых из пасти крокодила. Огромные армии бесстрашных и бесстрастных воинов направлялись к нам из бесчисленных кругов времени, чтобы примкнуть к легионам искалеченного дракона и восстановить гармонию на всем континууме беспредельных зон.

Одномоментно с этим я помнил и другую юность, наши с Машкой набеги на соседские дачи, где при отсутствии хозяев мы занимались сексом на ухоженных газонах у бассейнов и цветочных клумб. Наш небольшой участок был безнадежно завоеван лопухами, а рядом находилось дачное сообщество то ли московского минюста, то ли МВД, и, естественно, ландшафты там отличались в лучшую сторону. В рабочие дни мы совершали пиратские набеги на эти острова благополучия и роскоши. Я брал в плен мою скромную Машку, и мы предавались порокам в красивых местах под пение птиц и жужжание мух.

Однажды нас едва не заловили. Это случилось на даче какого-то полковника. Я запомнил ту сцену навечно. Солнечный свет пробивался сквозь облака и листву приветливой яблони. Он танцевал веселыми пятнами на голой коже Машки, и там же, на этой коже были капли пота, упавший листок, немного грязи и роса. Так получилось, что мы не услышали, как подъехала машина, и вскочили с покрывала только в тот момент, когда закрипели ворота. Нам пришлось спрятаться в кустах у забора за невысокой кучей сгнивших досок. Естественно, мы не успели одеться. А на лужайке осталось покрывало, две пустые пивные бутылки и смятая пачка презервативов. Благо, хоть одежду успели забрать.

Хозяин тут же заметил покрывало. Он вышел из машины, подошел к разоренному любовному гнезду и брезгливо приподнял одно из использованных резиновых изделий. 'Зина?-с изумлением воскликнул он.-Ты же обещала, что этого не повторится! Убью! Я убью тебя, Зина!' Погрозив кулаком небесам, он снова запрыгнул машину, оставил на лужайке дугу примятой травы и даже не запер ворота - так торопился на разборку с благоверной супругой. Это было очень кстати, потому что впопыхах мы не заметили соседство муравейника, и наглые насекомые уже вершили свой жестокий суд.

Две жизни - первая, с большими задачами и божественным предназначением, и вторая, куцая, похожая на фарс. Великий и малый круг существования. Они вот-вот должны были пересечься. Но даже малый круг состоял из многих циклов, с помощью которых я подстраивал свое детство и юность к свершениям, предначертанным мне богами и роком. Начало выдалось нелегким. На первом этапе я был несчастным больным существом, поскольку в пятилетнем возрасте упал со второго этажа на груды битых кирпичей. Причина была элементарной. Чтобы увидеть аллею, по которой мама приходила за мной в детский сад, мне приходилось забираться на подоконник. Иначе мешал кондиционер. А наша няня всегда громко хлопала дверью. Этот звук испугал меня, и я потерял опору... Понадобился новый цикл, в котором под окном вместо груды кирпича оказалась высокая горка песка, упав на которую, я не получил ни царапины. Используя слова магической силы, я внес в тот цикл еще несколько поправок, и Внемлющий отнесся к ним благожелательно. Однако каждый новый цикл огрублял мое звено с Маат. Я не смел растрачивать магический потенциал на выправление условий моей жизни. Вот почему в ней остались больная печень, самоубийство матери и кошмарная работа в институте.

Чары сна ослабевали. Я начинал забывать себя, и только лик богини по-прежнему находился передо мной, округляясь и превращаясь в лицо спящей Машки. Уловив мое состояние, она открыла глаза и прошептала:

- Это будет особый день. Ты должен сделать все, как нужно, Лев.

Я обнял ее за плечи - мою Маат, изо дня в день сопровождавшую меня в водах времени. Я был орудием ее воли, поводырем извергнутых людей на их пути из будущего в прошлое. Она дарила мне свою мудрость и возносила мой дух в тот слой бытия, в котором обитала. Я не знал, как жить без нее. Она считала меня достойным этого союза.

Утро выдалось серым и хмурым. Валера ежился, сутулился и потирал виски. Мы загрузили вещи в их 'форд-хаммер'. Вера села за руль, и наше путешествие началось. Взглянув на спинку переднего кресла, я увидел знакомую царапину. Все как в прошлый раз. Цикл повторялся.

- А пещера далеко отсюда?-спросила Машка, устраиваясь рядом со мной на заднем сидении.

- Не очень,- со смехом ответила Вера.-Километров сто восемьдесят, но кое-где придется пробираться по бездорожью, так что рассчитывайте на четыре-пять часов езды.

Алтай! Красивейшее место на Земле. Леса, ручьи, загадочные скалы. Бегущие по небу облака. Смесь тундры, гор и тайги. Мистический центр человеческой культуры и истории.

- Вы слышали историю про принцессу Укока?-спросил у нас Валера.

- Про мумию девушки, найденную в глыбе льда?-уточнила Машка.

- Да. Но она не мумия. Она была одной из стражниц нашего мира. Защищала врата, ведущие в подземное царство. Ради этой цели она пожертвовала жизнью. Однако люди предали ее. Они вскрыли могилу принцессы, надругались над ее останками и превратили их в музейный экспонат. С тех пор Алтай не знает покоя. Когда прах, пролежавший во льду две с половиной тысячи лет, извлекли из кургана, горы содрогнулись от возмущения, и среди ясного неба грянул гром, предупреждая грабителей могил о великом святотатстве. Но души тех людей погрязли в честолюбии и алчности.

В похмелье Валерий становился излишне великоречивым.

- А когда принцессу привезли в Москву,- добавила Вера,- там начался путч и беспорядки. Конечно, с ней поступили по-свински. Духовный мир был возмущен. Любой алтаец скажет, что их народу плюнули в лицо. Великую святыню обнажили догола и выставили на всеобщее обозрение. Интересно, что сказали бы русские люди, если бы какие-то иноземцы извлекли тело Ленина, раздели его и увезли в американский или африканский музей? Даже мучители Христа, и то не додумались до подобного глумления.

- Как бы то ни было, врата ада открылись,- продолжил Валерий.-С 2003 года Алтай начало трясти. Силы подземного мира рвутся наружу. Люди просят правителей вернуть принцессу Укока, предать ее земле, но слугам народа нет дела до своих избирателей.

- Тут все понятно,- ответила Машка.-Воровство артефактов и постепенный вывоз их в Америку, Англию и Ватикан - это одна из первостепенных задач иллюминатов.

- Иллюминатов?-заинтересовалась Вера.-Это масоны какие-то? Евреи?

- Нет,- с усмешкой сказала Машка.-Евреи - это мы с Левоу. А иллюминаты - люди, которые владеют миром. Всемирное правительство. Буши, Клинтон, Блэр и даже этот японец... как его там... Я читала о них в каком-то журнале. В статье говорилось, что все логотипы крупных нефтяных

и торговых фирм используют особый символизм иллюминатов, по которому им ясно видно, кто есть кто.

- Вот же гады!-воскликнула Вера.

- Похищая предметы силы и священные артефакты, они не только ущемляют культуру народов, но и подчиняют себе все новые и новые земли. Ваша принцесса - это рядовой случай. Лишив Алтай защиты, они навяжут вам своих богов, штрихкоды и тотальную бездуховность. Одна половина населения будет гнить от туберкулеза, а вторая - от сифилиса. Грудным младенцам начнут прививать СПИД и прочие жуткие болезни. В середине двадцатого века роддома заражали стафилококком. Теперь для той же цели вывели птичий грипп.

- А зачем это нужно?-удивилась Вера.

- Жертвы Молоху и Бафомету. Такой у них культ.

- Машуля, довольно болтать ерунду,- возмутился я.-Алтайская мумия - это ценная находка археологов. Благодаря ее изучению, наука раскроет множество загадок.

- Каких загадок?-съязвила Машка.-Ты просто подумай над этим вопросом. Какие загадки у полурасложившейся плоти? Ах, у нее ДНК не такая, как у современных алтайцев! Ладно! Предположим, что нынешний губернатор Абрамович погибнет и будет с почетом погребен в вечной мерзлоте. И через двадцать веков какие-то новые археологи откопают его мумию и начнут почесывать хвосты. Как мужчина семитских кровей попал на Дальний Север? И разве это не доказывает, что часть еврейского народа, бежав из Египта, прошла через весь континент и поселилась на краю Ледовитого океана? Так вот где находилась земля обетованная, обещанная Моисеем!

Взглянув на меня, она презрительно махнула рукой.

- Все подобные археологические теории нужны лишь для вида! Для прикрытия систематических разграблений курганов и могил. Часть похищенных сокровищ забирают чиновники. Остальные раритеты расходятся по рукам и попадают в частные коллекции. Мне самой однажды предлагали купить брошь из скифского кургана.

- А как же музейные экспонаты?-спросил Валера.

- В музеях только черепки от горшков и сгнившее железо. В крайнем случае, медные монеты и серебряные браслеты. А драгоценные камни? Говорят, что в Крыму нашли золотого коня, отлитого в натуральную величину. В каком музее этот конь?

- Тут ты права,- сказала Вера.-Все воруют, как могут. Если бы я нашла сокровище, то об этом фиг бы кто узнал. А твоего золотого коня я распила бы пилой и переплавил на маленькие брусочки. Такое сейчас время.

Валера вытащил флягу и сделал внушительный глоток. Крякнув от удовольствия, он внес свой вклад в беседу:

- А мне вот интересно, где хранятся все драгоценные камни, собранные людьми в течение веков. Каждый год их сотнями и тысячами извлекают из земли. За век получается миллионы. Раньше любой пират или разбойник владел сундуком отборных сокровищ. И вдруг бац! Все куда-то пропало. А золото? Его ежегодно добывают сотнями тонн. Где хранятся золотые запасы, собранные за двадцать прошлых столетий?

Он передал флягу мне и по-приятельски подмигнул. Стрельнув на него испепеляющим взглядом, Вера строго предупредила:

- Только не перебирайте с выпивкой. У нас сегодня будет трудный день.

- Мы немного,- успокоил ее Валерий.-Только чтобы подкрепиться.

- Я знаю ваше 'немного'. Сейчас приложитесь к горлышку, а нам с Машей потом весь груз на своих плечах таскать.

- Что ты раскричалась, женщина?-в шутку проворчал Валерий.-Ты у нас кто? Экскурсовод и водитель. Лева именинник. Маша при нем. Значит, я руководитель экспедиции!

- Это я руковожу экспедицией,- рявкнула Вера.-Ты даже не знаешь, где место находится.

Хлебнув водки, я вернул флягу Валерию и прикрыл глаза. Все повторялось, как и в первый раз. Это походило на дежавю. Я замечал сюжет и вспоминал, что он уже был. Я слышал фразу Валерия и понимал, что он говорил ее в прошлом. Но это прошлое накладывалось на настоящий момент, и я не знал, каким будет следующий поворот на дороге, и где находилась заветная пещера. Обычная петелька времени, со своей особой цепочкой событий. Некоторые из ее элементов можно было заменить на другие и тем самым подправить ситуацию по своему усмотрению. В компьютерной игре это называлось бы уровнем. Игрок повторяет его, пока не проходит от начала до конца. Преодоление нескольких уровней закрывает эпизод - в моем случае, жизнь на данном отрезке времени. При неудачных результатах в этом эпизоде я мог бы повторить его сначала, попутно выправляя те или иные ситуации. Но с каждым повторением я понижал свой статус мага - свою реализационную силу.

Джип плавно брал повороты и подъемы. Вера вела машину спокойно и уверенно. Жаль, что этой семейной паре придется остаться в пещере. Валера должен был вскрыть священный путь и погибнуть от падения с двенадцатиметровой высоты. Соответственно, его жена превращалась в ненужную свидетельницу. Мне полагалось избавиться от нее. В двух прошлых попытках я допустил серьезные ошибки. В первой временной петле мы вообще не обнаружили провал. Во второй петле Вера потребовала вытащить тело Валерия из глубокой расщелины. Я думал, она останется наверху, но эта взбалмошная женщина спустилась вслед за мной и увидела меня в процессе открытия временного портала. Как оказалось, у нее был пистолет. Пули пустяк, но она помешала магической процедуре, поэтому мы с Машкой вернулись на неделю в прошлое и начали заново эту петлю.

- Лева, ты спишь?

Приоткрыв глаза, я взглянул на Валерия и флягу в его протянутой руке.

- Глотни еще, а то ведь может укачать.

Беда какая! Приятный парень - добрый, славный. А я должен был подвести его к моменту гибели. К сожалению, только он мог открыть путь. Совокупная вибрация его энергетических центров создавала особую модуляцию, необходимую для запуска целевой цепочки событий. Я мог бы прыгать на той каменной плите, дробить ее кувалдой, и ничего бы ни случилось. А под ним она срывалась вниз, пробивала несколько перегородок в расщелине и освобождала проход в огромную пещеру, освещенную синевато-зеленым сиянием. Там находилась одно из 'полей тростника' - хранилище кристаллических матриц, на которых были записаны параметры индивидуальных временных порталов. Благодаря этим кристаллам мы могли произвести 'посев' - телепортацию великих воинов, отважившихся совершить прыжок в далекое будущее, чтобы затем вернуться обратно в свое время и дать отпор бесчисленным ордам Гора, выпущенным из самых грязных и мерзких окраин Иномирья. Только армия бессмертных магов, с огромным знанием, накопленным веками, могла оказать сопротивление кровожадным и алчным варварам.

Печально вздохнув, я отпил из фляги пару глотков.

Ход истории показывал, что Гору удалось покорить этот мир. Древнее знание было уничтожено. Эоны 'золотого века' погрузились в тину забвения. Отголоски великой битвы Сета и Гора сохранились только в смутных мифах и библейских откровениях. Великий дракон Себау, давший людям знания о законах вселенной, превратился в 'зверя' и 'врага'. Даже слово 'изверг' приобрело дурной и совершенно извращенный смысл. Но я верил, что не все еще потеряно. Мы вернемся в прошлое и изменим временную петлю. Мы сохраним свою цивилизацию и восстановим баланс Зодиака.

Я взглянул на поселок, мимо которого мы проезжали. Унылые дома, разруха, нищета. Сорок пять веков назад здесь возвышались прекрасные дворцы, и люди обладали невероятным знанием о пространстве, в котором они обитали. И что теперь? Регресс культуры! Ярчайший образ того, на что был способен монотеизм - новая и несбалансированная вера. Естественно, дворцы можно отстроить заново, а как быть с общим развитием? Вверх взяла материальная сторона существования. Большую часть времени люди посвящали бестолковым занятиям, которые сводились к заработку и тратам денег - даже здесь, в стране, которая считалась духовным центром Земли.

Похоже, я снова задремал. Когда Машка пихнула меня в бок, мы как раз съезжали с дороги на каменистую пустошь. Русло пересохшей речушки вывело нас к небольшой скале, за которой мы увидели расчищенную площадку с шестью, украшенными белыми лентами. На кучах собранных камней лежали остатки подношений.

- Мы оставим машину здесь и дальше пойдем пешком,- сказала Вера.-Тут недалеко. Не больше километра. Вечер и ночь проведем в пещере. Если только вход не завалило. Утром вернемся сюда и отправимся в обратный путь.

- А машину не угонят?-поинтересовалась Машка.

- Это священное место,- ответила Вера.

Закинув на плечи большой рюкзак и взяв в руки сумки, она уверенно направилась к оврагу, поросшему желтой травой. Мы последовали ее примеру. В картонной коробке, которую нес Валерий, позвякивали бутылки. Я с трудом тащил груз, состоявший из палатки, двух одеял, жаровни, пакетов с углем и прочих вещей, необходимых для праздника внутри пещеры. Машка тоже пригибалась под тяжестью ноши. Мы не привыкли к таким экстремальным нагрузкам. Пологий склон вел к холмам. За ними возвышался треугольник горного массива. Воздух пах травами и теплом камней. Через полкилометра я снова почувствовал момент дежавю. Вот сейчас Вера скажет, что в этих местах расположены залежи золота...

- Давайте отдохнем,- внезапно предложил Валерий.-У меня устали руки. И мочевого пузырь вот-вот порвется. Кстати, вон те кусты вполне подходящие для того, чтобы покурить и оправиться.

Он взглянул на Веру и спросил:

- Ты со мной? Или как?

Она с усмешкой опустила на землю рюкзак и, повернувшись к нам, пояснила:

- Лерка змей боится. Он в горах без меня ни на шаг.

Этого не было в прошлых петлях времени. Когда наши спутники направились к кустам, я с изумлением посмотрел на Машку. Она пожала плечами. Что-то явно шло не так.

- Мы меняли только окончание. Разве это могло повлиять на начало цепочки событий?

- Будь предельно осторожен.
- Я всегда осторожен.

В ушах зашумело. В висках застучала кровь. Живот напрягся, словно противился какому-то давлению. Я с опаской посмотрел на заросли кустов, в которых скрылись наши спутники. Внезапная тошнота могла объясняться либо усталостью от непривычной нагрузки, либо произведенным неподалеку магическим действием. Мне не хотелось верить во второе, иначе пришлось бы признать, что импульс силы совпал с уходом Веры и Валеры. Допустим, в ход событий вмешался некто неизвестный. То есть, он пришел со стороны врагов. Но откуда ему известно о наших планах? В принципе, кто-то мог обнаружить петлю, образовавшуюся во времени. Но это третья попытка! Мимолетное образование! Даже если данный район находился под бдительным надзором, ни один из магов не был способен на такое тонкое распознавание полевых флуктуаций.

Машка приветливо помахала рукой возвращавшейся паре.

- С облегчением.
- Спасибо.

Я поднял рюкзак и закинул его на плечи.

- Между прочим, в этих местах расположены залежи золота,- сказала Вера.- Есть большая вероятность, что вы найдете самородок...

Все вернулось в прежнее русло. Я начал успокаиваться. В далекой древности наставники предупреждали меня о загадках времени. Даже опытные собиратели душ порою сталкивались с аномалиями, которые не поддавались никаким объяснениям.

Наконец, мы подошли к пещере. Вход зарос густым кустарником. Ничто в этом месте не намекало на проход в глубины гор. Вероятно, мы были первыми людьми, оказавшимися здесь за прошедшие семь-восемь лет. Валера достал туристический топорик и расчистил тропу к отверстию. Затем мы приложились к его фляге, включили фонари и двинулись дальше. Я шел вторым - за Верой. Машка следовала за мной. Валерий замыкал цепочку. Свод и стены узкого тоннеля были покрыты сетью трещин. Слишком много землетрясений происходило в последнее время. Без крепежных работ этот узкий проход в пещеру мог продержаться не больше двух лет. Вот и прекрасно. 'Посев' такого большого поля займет десятилетия. Мы не нуждались в посторонних свидетелях.

Вера обернулась и посмотрела на меня. В ее осанке я заметил перемену. Прежде в моем присутствии она всегда проявляла едва заметное уважение. Но сейчас она окинула меня взглядом, как нечто мелкое и незначительное. На ее губах промелькнула презрительная усмешка. Почему? Я не мог понять причин подобной трансформации. Хотя, возможно, она действительно почувствовала себя 'начальницей экспедиции'.

- Мы входим в первую пещеру. Пойдем по карнизу. Ничего не бойтесь. Я дорогу знаю, как свои пять пальцев.

Проход начал расширяться. Мы оказались в огромном пустом пространстве. Темнота уходила вверх, вниз и в стороны. Лучи фонарей уже не достигали дальних стен. Наш небольшой отряд шагал по широкому выступу. Я снова начал уставать. Если рассуждать логически, то идея пикника в глубокой пещере выглядела выдумкой безумца. Тащить продукты, уголь и палатки по карнизам и узким тоннелям? Чтобы затем вкусить шашлычков, нажраться водки и нагадить в какую-то расщелину? Хотя дух романтики тут был. Я это признавал. Ничуть не хуже, чем ночевка у озера, с

примерно той же последовательностью действий - вкусить, нажраться и нагадить.

- Видите ту насыпь,- сказала Вера, указывая на явные последствия солидного обвала.-В прошлый раз ее не было. Вот в таких осыпях старатели и ищут золото.

Справа появился боковой проход.

- Нам туда?-спросила Машка.

- Нет. Метров через сорок там будет тупиковая каверна. Батя говорил, что раньше в той пещере на стенах можно было увидеть древние рисунки, на которых символически изображалась схема подземных проходов. Однако позже эту наскальную живопись уничтожили. Наверное, кто-то из местных шаманов.

- Черт!-проворчал Валера.-Я снова чуть не грохнулся. Вот упаду, и что мы будем делать? Все спиртное в моей коробке! И как мы завтра пойдем по этому карнизу? После пьянки? С бодуна?

- А ты не нажираться,- посоветовала Вера.

- Интересно! Зачем мы тогда сюда ехали? Пальцы на ногах сбивать? Или, может быть, вести геологические изыскания? Поводом для поездки был день рождения Левы. И ты обещала нам интересное культурное мероприятие.

- Ладно, не бухти,- ответила его супруга.-Будет вам мероприятие. Сейчас пройдем еще немного и начнем устраивать стоянку.

Через некоторое время мы оказались во второй пещере - такой же огромной и наполненной тьмой. Откуда-то снизу доносились звуки ручья. Изредка сверху падали мелкие камни, и я слышал их всплески в воде.

- Дальше лабиринт тоннелей и пещер ветвится по нескольким уровням,- сообщила Вера.-Я выбрала для нас самое лучшее и безопасное место. Палатки поставим под тем козырьком.

Она указала лучом фонаря на широкий изгиб скалы, защищенный сверху каменным выступом. Рядом я увидел старые следы кострищ. Чуть поодаль валялись пустые ящики. На одном из них виднелась дата: 1936 год. Опустив поклажу на неровный каменный пол, мы с Валерой приступили к установке палаток - благо, в скале виднелись вбитые скобы. Вера достала из рюкзака рулон фольги, предназначенный для кулинарных ухищрений. С помощью Машки она закрепила ленту на камнях таким образом, чтобы та выполняла функции отражателя света. Перед фольгой расставили и зажгли таблетки сухого спирта. Темнота отступила на несколько метров. Чуть позже мы соорудили из ящиков стол и стулья. Наш бивуак приобрел вполне житейский вид.

- А теперь сюрприз,- объявила Вера.-Валерик, ты готов?

Получив подтверждающий кивок, она повернулась ко мне.

- Лева, мы хотим сделать вам необычный подарок. Уверю вас, что этот момент надолго останется в вашей памяти. Идите за мной. Машуля, пошли, пошли.

Мы вышли за границу светлого пятна и сделали несколько шагов. Вера дала нам знак остановиться. Валера вытащил из кармана металлический цилиндр морской сигнальной ракеты. Свинтив крышку, он направил цилиндр вперед и немного вверх, а затем дернул за кольцо. Темноту озарила яркая вспышка. Зеленый шар метнулся по нисходящей дуге вглубь пещеры, и у меня по спине поползли 'мурашки' от фантастического вида огромной каверны, величаво расходящейся вниз, вверх и в стороны. Мы стояли на краю обрыва, который отвесно тянулся на сотню метров. Ниже нас виднелись столбы и копыя скал. Между ними струились воды подземной реки. Дальняя

стена на расстоянии футбольного поля пестрела пятнами бугристой поверхности. Над нами возвышался купол непроглядной тьмы. Это действительно было красивое зрелище.

Через несколько секунд все пространство перед нами погрузилось во мрак. Мы вернулись к палаткам. Я поблагодарил Валеру и Веру, и мы начали раскладывать вещи. Мысль о том, что наш лагерь находился рядом с пропастью, будоражила мое воображение. Пока женщины обустроивали палатки, Валера предложил мне 'освежить градус тела'. Мы выпили и решили ознакомиться с территорией.

- А вы не потеряетесь?-забеспокоилась Машка.

- Нет, только коней привяжем и вернемся,- пошутил мой коллега.

- Коней?

- Они отлить хотят,- объяснила Вера.-Только далеко не уходите. На стенках всех ближайших проходов есть метки. Ориентируйтесь по ним. На нижние уровни лучше не спускайтесь. Там везде вода и завалы. Валера, я тебя прошу. Не шляйтесь долго. Мы не хотим скучать здесь в темноте и одиночестве. И возьми моток веревки на всякий случай.

Знала бы она, что это были ее последние слова, адресованные мужу. Интересный парадокс! Их супружеская пара, так же как и я, третий раз переживала события данного отрезка времени. Неужели у них не сохранилось никаких остаточных воспоминаний? Хотя бы в виде каких-то предчувствий? По-видимому, нет. Валера шел на погибель, с абсолютным неведением жертвенного агнца. Вера не проявляла никакой интуиции. Каждый цикл на этой петле времени обнулял их память, словно стек в каком-то компьютерном процессоре.

- Лева, не отставай!

Конечно, приятель! Я от тебя не отстану. Сейчас мы пройдем через несколько небольших пещер. Ты увидишь черный кристалл, торчащий из скалы, и захочешь сбить его топориком. Внезапно каменная плита под твоими ногами расколется надвое. Ты рухнешь вниз в расщелину и, пробивая тонкие перегородки, откроешь мне дорогу к 'полю тростника'.

Мы медленно двигались по узкому проходу. Иногда Валерию приходилось поворачиваться боком, чтобы протиснуться между изгибами стен. Я чувствовал, что он уже жалел об этой небольшой экскурсии по ближайшим пещерам. Мне нужно было как-то подбодрить и вдохновить его.

- А знаешь, как древние старатели икали золото?-спросил я у Валеры.

- Как?

- Они раскрывали левую ладонь, растопыривали пальцы в стороны и проводили над ней ребром правой ладони. Попробуй! Только сначала задай себе вопрос: 'В какой стороне находится золото? Справа или слева?'

- Ага! Справа или слева...

Валера последовал моим инструкциям и со смехом сообщил мне:

- В правой части ладони чувствуется щекотание. Это означает, что золото справа от меня?

Я утвердительно кивнул головой.

- С помощью такого метода можно находить все, что угодно. Затерявшиеся вещи, людей и полезные ископаемые.

- А как точно выявить место?

- Нужно поворачиваться на пятнадцать-двадцать градусов и повторять этот маневр несколько раз. Постепенно ты найдешь правильный вектор.

- Отлично,- произнес Валерий.-Давай по глоточку, а затем попробуем найти золото. Тут, говорят, его навалом.

Вскоре мы свернули в правый боковой проход и оказались в нужной мне пещере. Я сразу узнал ее по конфигурации, напоминавшей неправильный ромб. Как бы случайно проведя лучом по дальней стене, я вскричал:

- Смотри! Там что-то блеснуло.

- Где? Ого! Какой-то кристалл! Он черный! Ни фиги себе!

Мы подошли поближе. Валерий снял с пояса топорик и потянулся к небольшому, размером с палец, кристаллу. Все повторилось, как прежде: плита под ним раскололась надвое, раздался грохот падения... Но вместо затихающего крика я услышал раздраженное шипение и нецензурную брань.

- Черт!-прокричал Валерий.- Я упал в какую-то яму! Лева, помоги! Подумать только! Чуть ногу не сломал!

Склонившись над провалом, я увидел в свете фонаря неглубокую расщелину, на дне которой находился мой спутник. Он морщился и потирал колено. Рядом с ним под углом в шестьдесят градусов возвышалась часть упавшей плиты, на торец которой я мог бы встать, чтобы подать ему руку. Другие варианты действий были бесполезны. Валера не открыл проход. Наша третья попытка оказалась неудачной.

Спустившись на торец расколотой плиты и найдя опору для правой ноги, я пригнулся и протянул Валерию руки. Он подпрыгнул, ухватился за мои запястья, после чего мне удалось приподнять его почти до своего уровня. Он закинул ногу на плиту, оперся на мое плечо и рывком переместился к краю ямы. Но когда Валера выбрался из расщелины, плита от толчка его ног сместилась с места. Она скользнула вниз, пробила тонкую перемышку и полетела вниз в зияющую черноту. Я пару секунд цеплялся за гладкие стены и, не удержавшись, рухнул следом. Удар о выступ скалы, отбросил меня в сторону. Я заскользил по наклонной плоскости. Рукав куртки порвался. Что-то острое распорол мне предплечье. А затем я полетел по дуге в зеленовато-синее сияние. Высоко над головой раздался изумленный крик:

- Лева? Где ты?

На мое счастье я упал не на острые пики скал, а на пологую осыпь мелких камней. Сознание вернулось буквально сразу. Глотая кровь и пыль, я встряхнул головой и едва не закричал от боли в ноге. Правая сторона груди ныла и пульсировала горячими волнами, намекая на несколько сломанных ребер. Как странно сложилась ситуация! Этот чудик наверху все-таки открыл проход. Правда, пробивать перегородки расщелины пришлось мне, но, возможно, такой поворот событий был не самым худшим. Прямо передо мной начиналось 'поле тростника'. Огромную пещеру, протянувшуюся вдаль на несколько сотен метров, заполняли россыпи сияющих кристаллов. Некоторые из них достигали в длину полутора метров, но основная масса имела стандартный размер в тридцать-сорок сантиметров. Я чувствовал вибрацию силы, исходившую от поля. Вот он, путь в страну бессмертных. Дорога в Шамбалу.

- Лёва, ты меня слышишь?

Судя по крику, Валерий находился где-то в тридцати метрах от меня. Мне крупно повезло, что большую часть времени я скользил по крутому откосу расщелины. Она шла вбок под острым углом. Это хорошо. Мне не хотелось, чтобы он увидел сияние кристаллов. Сплюнув красную слюну, я крикнул в ответ:

- Эй! Наверху! Со мной все в порядке!

На самом деле никакого порядка не было. Рассеченное предплечье, сломанные ребра, оцепеневшая нога. Одежда, залитая кровью... Я активировал плексус воли, спроецировал три луча сознания, создал

регенеративную систему и начал восстанавливать привычное состояние тела. Мышцы ног и торса отозвались интенсивным покалыванием. Боль ушла.

- Лёва, я сейчас тебя достану! Подожди немного! Только камень к веревке привяжу.

Я поднялся на ноги и спустился с насыпи. Мне нужно было создать точку входа - портал, объединяющий несколько слоев времени. Выбрав несколько крупных и высоких восьмигранных кристаллов, я настроил их на особую частоту и объединил в один круг силы. Участок 'поля', находившийся в круге, отозвался резким усилением сияния. Я спроецировал образ Великого Птаха - божественной птицы, порождавшей яйцо бытия для каждого живущего на Земле человека,- затем, используя данный символ, инициировал точку входа в информационную матрицу нисходящего потока времени. Отныне кристаллы этого 'поля тростника' могли быть активированы только воинами Сета. Еще одна победа старой веры! Мой вклад в великую битву Теней и Света.

- Лева! Ты видишь веревку?

Я с радостью побыл бы здесь подольше. Магическое место омывало меня волнами экстатического наслаждения. Пилоны активированного 'дома' - большие и высокие кристаллы - отождествляли меня, как открывателя пути. Они отдавали мне часть своего излучения. Я чувствовал, что рана на руке заживает. Ткани обновлялись. С губ слетала короста. Ребра срастались. Но ситуация требовала спешки. Если Валерий почувствует неладное, он либо позовет свою супругу, либо спустится сам, чтобы оказать мне посильную помощь. Я вернулся к насыпи у ближней стены. В двух метрах надо мной болтался камень, привязанный к концу веревки.

- Спусти ее еще чуть-чуть,- крикнул я.-Мне никак не дотянуться.

- С тобой точно все в порядке? Это же такая глубина! Я думаю, метров сорок, если не больше. Как ты вообще там жив остался?

- Я скатился по скату. Держи веревку. Поднимаюсь!

Что делать с окровавленной одеждой? Я снял куртку и оторвал от рубашки намокший рукав. На штанах осталось лишь несколько пятен. Ничего! Во время подъема они еще больше испачкаются в пыли. Я ухватился руками за веревку, подергал ее, проверяя натяжение, и начал карабкаться вверх. Валера медленно подтягивал меня к началу отвесного ската. Там подниматься стало проще: я уже мог использовать ноги. На какое-то время меня окружила темнота. Фонарь, висевший на груди, разбился при падении. Чуть позже над головой появилась полоска света. Когда мой спутник помог мне выбраться на край расщелины, я задышался от потери сил.

- Все нормально,- успокаивал меня Валера.-Ты выбрался. Хлебни.

Он протянул мне флягу. Я молча покачал головой. Руки дрожали, с кончиков волос падали капельки пота. Очевидно, вид у меня был еще тот. Валера вытащил из кармана платок и принялся вытирать мне лицо. Хороший парень. Я не жалел, что цепочка событий сложилась именно так, а не иначе.

- Лева! Друг! Знал бы ты, как я перепугался!

Он осмотрел меня, выискивая раны.

- Черт! Ни одной царапины! А где куртка?

- Не знаю,- дрожащим голосом ответил я.- Когда катился по скату, рукав зацепился за что-то... С меня содрало всю одежду.

- Кое-что осталось. Не переживай. Хлебни.

Поднеся его флягу к губам, я начал пить водку, как воду. Это еще больше произвело на него впечатление. Он помог мне подняться на ноги, свернул веревку в неровное кольцо и повел меня в пещеру, где мы оборудовали бивуак.

- Только женщинам не все рассказывай,- предупредил он меня.-Мы соврем им, что ты свалился в неглубокую яму.

- А если они спросят про куртку?

- Скажи, что там осталась,- беспечно посоветовал Валерий.-Типа так уж получилось. Ты ничего не подвернул? Я просто поражаюсь! Упасть с такой высоты, и ни царапины!

Чтобы как-то успокоить его, я пожаловался на боль в боку и отбитые ягодицы.

- Пусть лучше будут синяки на заднице, чем переломы рук и ног,- мудро заметил мой спутник.-Смотри, как получилось. Ты едва не погиб, спасая меня. А затем я вытащил тебя из бездны и тем самым оплатил свой долг. Один-один. Согласен?

Конечно, я был согласен. Мне удалось завершить первый этап великого 'посева'. Мы нашли огромное поле кристаллов, и я перенес в будущее не менее тысячи воинов. Теперь они появятся в этом слое времени и заменят собой каких-то бесполезных и неброских людей, с их никчемными серыми жизнями. Сотни бедолаг в различных уголках страны внезапно потеряют память. Их начнут доставлять в отделы милиции, и они там будут твердить: 'Не знаю. Не помню.' А воины Сета, изъев их воспоминания о прожитой жизни, активируют малые временные петли, повторно пройдут по всем этапам заимствованных судеб и найдут подходящих старух и стариков, через которых углубятся еще дальше в прошлое. Их доноры воспоминаний впадут в так называемое 'детство' и будут демонстрировать симптомы склероза. Обычное дело для такой возрастной категории. Никаких подозрений.

Когда мы вошли в пещеру и направились к дуге горящих огоньков, я снова почувствовал присутствие странной силы. Наши женщины готовили еду для пиршества, но их вид радикально изменился. Голову Веры покрывал ритуальный капюшон жриц времени. Я встречался с одной из них при посвящении в свой нынешний сан. Ее магический потенциал показался мне тогда почти невероятным. Чем был вызван визит служительницы Куу? Мы не нарушили законов перехода. Все слои вселенского веретена были сохранены в первоначальном виде. План Сета учитывал плотность каждого задействованного потока времени. Я обернулся и взглянул на Валеру. Он тоже изменил былую внешность. Позади меня стоял стражник вечности - один из судей в делах человеческих. С усмешкой разведя руками, он жестом велел мне продолжать движение.

Вместо Машки была Маат. Перо в прическе служило знаком ее официальной божественной формы. Я не стал воплощаться в истинном виде. В каждом правиле должны быть исключения. Похоже, женщины уже обо всем договорились. Когда мы подошли, моя богиня приподняла брови. Я утвердительно кивнул. На ее губах появилась легкая улыбка.

- Приветствую тебя, Открыватель путей,- произнесла служительница Куу.-Я Итца, средняя из трех прях, сплетающих узоры времени. Меня и судью Аменты привело сюда безотлагательное дело. Мы не имеем претензий к тому, что вы пытаетесь нарисовать на ткани мира. Ваши усилия понятны и оправданы. Так же как понятны и оправданы действия другой стороны. В столкновениях старой и новой веры мы всегда соблюдали нейтралитет. Но сейчас нам приходится просить об одолжении. На сцене планетарной истории появился еще один игрок - непонятный и непредсказуемый. Я имею в виду Сеть. Ее древовидная структура искажает потоки времени. Нам всем грозит опасность.

Страж вечности склонился над импровизированным столом, взял кусочек сыра и с опаской попробовал его на вкус. Судя по выражению лица, продукт ему не понравился. Он бросил его на стол и потянулся к бутылке с ромом. Сделав несколько глотков, страж почмокал губами и одобрительно кивнул головой.

- Мы неоднократно пытались наладить контакты с Сетью,- повернувшись ко мне, добавил он.-Приходилось взаимодействовать с ее рабами и помощниками. К сожалению, уровень посредников оставлял желать лучшего. Это были обычные медиумы, с недопустимыми погрешностями в интерпретации сообщений. Но недавно Сеть создала новый инструмент. Ее аватаром стал юноша, пребывающий в странном измененном состоянии сознания. Она назвала его Ноде. Узел!

- Мне знакомо это имя,- ответил я.-Он из хакеров сновидений. Недавно он и его хранитель Лот размещали в Интернете свои откровения.

- Наверное, вы хотите знать, почему мы просим помощи у вас,- вмешалась Итца.- Отслеживая будущие ситуации, наши жрецы обнаружили, что в скором времени вы встретитесь с указанным юношей. Более того, вы вместе будете решать серьезную проблему, связанную с губителем душ.

- С губителем душ?-вмешалась Маат.-Гор узнал о плане Сета и послал сюда своих магов?

- Вы столкнетесь с одним из них,- ответил страж вечности.-Это опасный тип, предупреждаю вас. Тем не менее, богиня, вы должны понять нашу позицию. Мы соблюдаем нейтралитет и не желаем вовлекаться в ваши трения с воинами Гора. Возможно, скоро нам придется примирять вас для общего противостояния сетевой экспансии. Пока мы стараемся договориться по хорошему. Появление Ноде предоставляет нам прекрасную возможность. Вы должны рассказать ему о наших опасениях. Если Сеть продолжит трансформировать время, мы будем вынуждены объявить ей войну. Передайте юноше, что для нужд Сети мы готовы выделить некоторые области в любой из исторических эпох. Однако общая структура должна остаться прежней. От этого зависит само мироздание.

- Мне понятна ваша озабоченность,- ответил я.-Если мы встретимся с Ноде, он будет ознакомлен с желанием служителей Куу.

- Условность 'если' недопустима,- возразила Итца.-Когда возникнут проблемы с губителем душ, вы должны сделать этого юношу главным участником событий. Любой ценой. Я знаю, дело нелегкое, но мы верим в ваши силы. В случае успеха вас ждет щедрая награда.

- Должен признаться, меня впечатлила ваша самоотверженность,- с улыбкой заметил страж вечности.-Я имею в виду то рискованное падение в расщелину. Ведь вы могли погибнуть. Магия магией, но разбитый череп или грудь, пробитая осколком скалы, лишили бы вас сознания. Смерть от потери крови, остановка сердца, мозг, разлетевшийся на камни - не слишком ли много опасных вариантов для такой рискованной цепи событий?

- Что поделаешь?-скромно ответил я.-Такова специфика работы.

Маат с укором покачала головой. Мне оставалось лишь сконфужено пожать плечами.

- Скажите, а почему вы выбрали для общения с нами именно этот этап нашей миссии?-спросил я у Итцы.

- Вам удалось инициировать 'посев'. После выполнения таких сложных дел люди склонны пребывать в благодушном настроении. Плюс к тому, вас обеспокоило наше появление. Вы связали его с активацией точки входа.

Просьба о помощи развеяла ваши опасения, и вы с радостью согласились оказать нам содействие. Мы просчитали оптимальный вариант.

- Можно подумать, что вам кто-то отказывал,- с усмешкой сказала Маат.- Никто из бессмертных не рискнет перечить вам в чем-то. Лучше год вертеться в петле времени, выполняя ваше поручение, чем лишиться вечности и встретить на пути чудовищную Амму.

- Мы не часто обращаемся с просьбами, богиня,- возразила Итца.- Нейтралитет диктует свои правила. Нам приходится быть независимыми и самодостаточными. Когда мы просим о содействии, это означает, что миру грозит огромная беда. Вот почему нам никто еще не отказывал в помощи.

Она поднялась с ящика и указала мне на боковой проход, смутно черневший в отдалении.

- Вам нужно вернуться туда и еще раз войти в пещеру. Мы уступим место вашим спутникам и сделаем подмену незаметной.

- Вы взяли их под контроль еще на склоне холма?-поинтересовался я.

Итца молча кивнула.

- А зачем вам понадобилось уводить их из нашего поля зрения?

- Мы проводили настройку замещения. Обычная мера предосторожности. Главным качеством слугителей Куу является стопроцентное выполнение того, что они задумали совершить. Специфика работы.

Это она пародировала мой ответ. Приятная женщина. Причем, во всех отношениях.

Очевидно, я немного засмотрелся на нее, и Маат пришлось многозначительно покашлять. Страж вечности хмыкнул, направился к боковому проходу, и я последовал за ним. Через некоторое время мы вновь оказались в узком пространстве, зажатом каменными стенами.

- Удачи тебе, Открыватель пути,- сказал страж вечности.-Надеюсь, еще увидимся. Можешь разворачиваться.

Я повернулся и почти автоматически ответил:

- Тогда до встречи, о, великий стражник.

- Что ты сказал? Я не расслышал. Что-то про бумажник?

Это уже был голос Валерия. Какая тонкая подмена! Воистину творцы узоров времени! Одна секунда, и к уникальной цепи событий, с особой динамикой и развитием, они подсоединили другую цепочку.

- Твой бумажник остался в куртке? О, черт! Может, нам стоит еще раз спуститься в расщелину и поискать ее?

- Нет-нет, мой бумажник в надежном месте,- торопливо ответил я.- В гостиничном номере.

Когда мы вошли в пещеру и направились к дуге горящих огоньков, я испытал нечто схожее с моментом дежавю. Наши женщины готовили еду для пиршества. Вера распустила пышные волосы, и они походили на ритуальный капюшон жриц времени. Я обернулся и взглянул на Валерия. Он с усмешкой развел руками и жестом предложил мне продолжать движение. Машка колдовала над грилем. Воздух наполняли ароматы жареного мяса. Завидев нас, моя богиня вскочила на ноги и вопросительно приподняла брови. Я утвердительно кивнул. На ее губах появилась легкая улыбка.

- Лева, а где ваша куртка?-с тревогой в голосе спросила Вера.-Что с вами случилось? Я смотрю, у вас и брюки в крови!

- Он свалился в яму,- поспешно объяснил Валерий.-Не заметил в темноте. Разбил себе нос. Ты не волнуйся. Яма была маленькой. Мы нашли черный кристалл, который торчал из скалы, и я полез к нему, чтобы сбить топором. Вдруг слышу: ба-бах! И Лева кричит: 'Валера, выручай!'

Оставив их на освещенном пятачке, с кособоким праздничным столом, импровизированными стульями и грилем, от которого шел божественный запах, я направился к палатке, чтобы заменить рубашку и надеть теплый свитер. Машка побежала следом. Когда мы оказались под защитой брезентовых стен, она обвила мою шею руками и наградила меня жарким поцелуем.

- Я знала, что у нас получится! Но зачем ты так рисковал? Почему ты взял на себя его роль.

- Во-первых, он хороший парень. Во-вторых, все вышло само собой - почти без моего участия. Я свалился в расщелину, сломал пару ребер, затем восстановил физическую форму и настроил пилоны для активации точки входа.

- Это поле большое?

- Оно огромное, любовь моя.

- И сколько кристаллов в круге?

- Не меньше тысячи.

Она снова обняла меня. Я чувствовал ее гордость, ее удовлетворение от правильного выбора, совершенного нами в те далекие дни, когда мы стали возлюбленными.

За стенами палатки слышались крики Валерия:

- Маша! Лева! Успеете еще амурами заняться. Давайте к столу! Ведь день рождения празднуем!

Через пару минут мы собрались за нашим походным столом. Большой масляный фонарь, установленный на высоком ящике, окружал нас овалом света. Догоравшие таблетки сухого спирта казались дугой из звезд, паривших в темном небе. Время от времени в отдалении слышалось шуршание осыпей. Тихое журчание воды сменялось протяжными стонами ветра. Темнота то приближалась к нам, то отступала прочь на несколько метров. Все это создавало удивительное настроение - смесь нереальности происходящего и мистического ожидания какого-то чуда. Впрочем, чудо уже произошло.

Я поднял стаканчик, наполненный водкой, и торжественно сказал:

- Друзья, позвольте мне произнести первый тост. Сейчас я буду пить за ваше здоровье! За вашу прекрасную пару. Вы удивительные люди! И эти мгновения действительно останутся в моих самых лучших и счастливых воспоминаниях. Не потому что это мой день рождения. А оттого, что я провел его вместе с вами.

- Еще не провел,- уточнил Валерий.-Мы только начинаем.

Это было веселое пещерное застолье. Мы поднимали пластмассовые стаканчики за меня, за Машку, за прекрасных дам и смелых мужчин, за спелеологию и алтайские горы. Все говорили нарочито громко, стараясь отогнать тишину. Валера балагурил, Машка рассказывала пошлые анекдоты. В какой-то момент я заметил, что Вера складывает пустые бутылки обратно в картонную коробку. На мой вопрос она ответила:

- Мы заберем их с собой. Это священное место, и засорять его нельзя. Нам кажется, что мы находимся в пустой пещере, но здесь обитают духи и другие невидимые существа.

- Так уж и духи,- со смехом сказал я.

- Не верите? А вот вам доказательство!

Она показала мне бутылку рома.

- Была, между прочим, полная. А сейчас смотрите! Кто-то выпил почти четверть! Машуля говорит, что к бутылке не притрагивалась. Вас с Леркой

здесь не было. Кто же тогда угостился ромом? Духи! Говорят, они любители выпить.

- Что же ты раньше об этом молчала?-возмутился Валерий.-Мы бы взяли с собой больше водки! Лева, следи за стаканчиком, и если что, бей по невидимым лапам.

Он придвинулся ко мне и тихо прошептал:

- Я все не могу забыть тот черный кристалл. Нам нужно вернуться и забрать его во что бы то ни стало. В качестве напоминания о том, какой ты счастливчик. Короче, допиваем эту бутылку и в путь!

- Куда это вы собрались?-вмешалась в разговор его супруга.-Больше никаких приключений!

- Вера, ты не знаешь, какой кристалл мы нашли,- завелся Валерий.- Черный! Длинный! Вот такой!

Он напоминал мне пьяного рыбака, рассказывающего о пойманной рыбе.

- Завтра сходите за кристаллом,- успокоила его Машка.- А сейчас давайте выпьем за те силы, которые управляют нашими судьбами.

- Валерик, наливай!

2. Побег (лог Георгия Сергеевича Бережко)

Я ученик великого мага, пришедшего к нам из Восьмого мира. Ребята в камере прозвали меня Хорьком, но на самом деле мое имя Жорик. Я с детских лет увлекался компьютерными играми и, сам того не понимая, готовился к последующим миссиям. Однажды, забравшись в подвал школы, я начал искать бонусы, медпаки и оружие. Там было много ящиков, и я принялся крушить их ломом. В конце уровня меня отвезли в больницу, где я познакомился с другими ищущими. Естественно, нас считали шизиками и психбольными, однако тот шестимесячный коннект с настоящими людьми, обитающими в этом мире, научил меня многому. Некоторые парни находились почти в запредельных состояниях, и я, новичок в их среде, не мог контактировать с ними.

Под самый конец моего пребывания в больнице мне удалось наладить связь с великим планетарным учителем. Его Восьмой мир был настолько далек от нас, что мой гуру не мог до конца завершить материализацию своей человеческой формы. У него было плоское лицо, зачатки рук и ушей, речь отсутствовала, и мы с ним общались телепатическим образом. Санитары называли моего учителя олигофреном и заставляли нас по очереди подмывать его. Другие брезговали и отказывались. Но я сразу понял, как мне повезло. Мой гуру владел магией и умел кастовать различные чары. Он мог перемещать предметы взглядом и подчинять себе людей. Те выполняли все его приказы и даже не подозревали о том, что с ними происходило. Со мной учитель был строгим, но милосердным. Он не сразу принял меня, а когда согласился делиться знанием, у нас осталось очень мало времени. Он успел научить меня только двум чарам и еще показал, как манипулировать событиями мира.

Затем я вернулся к родителям и снова начал ходить в школу. Это испытание оказалось очень сложным. Неизлечимая зависимость заставляла меня пропускать уроки и тратить семейные деньги на салоны с компьютерными играми. Конечно, я мог бы проходить туда бесплатно, но мне

не хотелось рисковать. Учитель велел соблюдать максимальную осторожность - особенно, при кастовании чар.

Однажды я снова вошел в игру, попутал реальность с виртуальным миром, и через четыре дня меня поместили в другое медицинское учреждение. Там я стал объектом изучения какого-то профессора психиатрии. Ребята в палатах были рядовыми ищущими - поговорить, и то было не с кем. К тому времени я начал оттачивать технику с шариком, которой меня научил мой духовный наставник. На ранних этапах мне никак не удавалось 'цеплять' людей. С компьютерной 'мышкой' все просто - кликнул кнопкой на 'аватаре' или 'персе' и ведешь их, куда хочешь. Я думаю, каждый знает, что 'аватар' - это главный герой компьютерной игры, с которым ассоциирует себя геймер. А 'перс' - это просто персонаж - например, противник, с которым вы сражаетесь. С реальными людьми все по-другому. Мне приходилось 'цеплять' их особым нажимом. Шарик мягкий, тут же плющится. Выравнивать его нельзя, потому что любое вращательное движение приводит к перемещению 'перса' в пространстве. Я когда тренировался, у меня психиатр раз тридцать в стену бухался, гы-гы. Очнется позже, придет в себя немного и давай щупать лоб и скулы. Что это они болят у него? А я, знай себе, слюну пускаю и шарик кручу. Как бы ведать ничего не ведаю.

Как-то под Новый год я поспорил с парнями из палаты, что раздобуду к праздникам шампанское и водку. Сказал им, что научился гипнозу у нашего профессора. Естественно, мне никто не поверил, а я кастанул чару вызова на санитаре, дал ему установку, и тот притащил на дежурство две бутылки водки. Мне было известно, что он спрятал их в шкафчик в служебном помещении. Поэтому я кликнул шариком на парне с травмой головы и отправил его за бутылками. Сам я сходить за ними не мог. Меня после ухода докторов всегда цепляли наручниками к какой-нибудь настенной скобе. Я ведь, если был без присмотра, сразу шел искать бонусы, медпаки и оружие. Зазевался санитар, а у меня в руке уже или скальпель, или какая-нибудь склянка с эликсиром жизни. Понятно, что большую часть времени я стоял у стены и крутил свой шарик.

Короче, послал я 'перса' за бутылками, а ребята в палате увидели это, и вместо того, чтобы дождаться шампанского и наступления праздников, тут же выпили водку и пошли лупить санитаров. Я бы им не позволил, но меня приковали к стене, и я не видел, что происходило поначалу в туалете и чуть позже в коридоре. Одним словом, на следующий день в больницу приехала целая комиссия, и началось служебное расследование. Среди прочих чиновников к нам заявила молодая докторша. Естественно, вся палата запала на нее. Тут я снова погорячился и пообещал ребятам стриптиз с этой женщиной. Не подумал впопыхах о последствиях.

Я кастанул чару вызова и заставил докторшу прийти в палату. Их комиссия проводила совещание, но она не могла сопротивляться моей магии. Я быстро скатал шарик и начал управлять ей, как обычным 'персом'. Шоу было принято на 'ура'. Ребята пялились с коек - рты открыты, глаза горят. Я, как обычно, стоял у стены и покручивал шарик. Докторша сбросила с себя халат и начала снимать одежду в той манере, которую я заимствовал из игры про 'Мокрую империю Лулу'. Когда она сняла бюстгальтер и стала демонстрировать нам пышную грудь, в палату вбежали санитары и другие члены комиссии. Позже мне объяснили, что в подобных медицинских учреждениях часто устанавливаются потайные видеокамеры.

Я сбросил шарик на пол. Докторша плюхнулась в руки коллег, затем пришла в себя и подняла крик. Один тип из комиссии заподозрил неладное, принялся расспрашивать парней, и кто-то из них раскололся, сказав, что это я устроил им показ стриптиза. Позже на допросе я и слюну пускал и глаза закатывал, однако тщетно. Санитары выбили из меня частичное признание. Мне выдали 'волчий билет', и я попал в закрытый исследовательский центр, затем в институт парапсихологии и далее в какую-то секретную лабораторию. Ученые мужи в зеленых и белых халатах пытались выведать у меня секреты Восьмого мира. Халявщики ничтожные! В конце концов, я попал в институт биохимических исследований, где над людьми проводили жуткие опыты.

Здесь ищущие жили не в палатах, с койками и цветочными горшками, а в больших камерах, с двухъярусными нарами. В моей камере содержалось сорок восемь человек. 'Подопытный материал' комплектовался бессистемно. Просто в одну камеру загоняли мужчин, в другую - женщин, и никто не интересовался статусом людей и их квалификацией. Поначалу меня приняли очень плохо: подвергли оскорблениям и избили. Я их сразу предупредил, что по рангу мне здесь не было равных, однако они повалили меня на пол, разбили в кровь лицо и едва не сломали все ребра. Я просто не имел времени сделать шарик - не ожидал, что так получится. Зато потом я им показал, где раки зимуют. На первой же прогулке показал. Когда нас выпустили на небольшую площадку 'подышать открытым небом', я им такое устроил, что просто ой-ой-ой!

Пока меня таскали по разным лабораториям, я освоил технику манипуляции двумя шариками. Это было очень рискованно, потому что доступного материала обычно хватало только на пару шаров. Когда я пользовался одним, второй был в резерве. А при работе с двумя я в какие-то моменты рисковал остаться без средств управления. Плюс к тому, двухшариковая техника в разы усложняла систему захватов и сбросов задействованных 'персов'. Тем не менее, она предоставляла множество возможностей, и я, будучи геймером по жизни, часто шел до края, выставляя на кон и свободу и здоровье.

Так вот, когда нас вывели на прогулку, я устроил массовую драку. Конечно, сам я в ней не участвовал, а стоял в стороне и крутил два шарика. Цеплял то одного обидчика, то другого, сталкивал их лбами, бросал на землю, заставлял прыгать друг у друга на животах. От возбуждения меня начало трясти, и в какой-то момент я потерял контроль - то есть, стал манипулировать людьми слишком явно и заметно. Даже не знаю, чем бы это закончилось, если бы один хороший дядька ни дал мне подзатыльник. Шарик выпали. Я ошеломленно оглянулся и увидел перед собой Свояка. Он считался в камере авторитетом. Люди даже 'за глаза' называли его Василием Алексеевичем. В принципе, здесь не было обычных ищущих. Каждый из нас обладал какой-то уникальной чертой: барды контактировали с духами и инопланетянами; скрайеры обладали дальним видением; друиды и клирики лечили людей и меняли условия жизни. Я, как визард, чародействовал. А Свояк, по моей классификации, принадлежал к подвиду паладинов.

Как я позже узнал, он по молодости служил в ракетных войсках. В те дни там обучали особые группы солдат, которые могли отражать нападение десантных подразделений. Это были как бы десантники в квадрате. Синие береты были им на один зубок, а красные - на два. Затем Василий Алексеевич остался на сверхсрочную - какое время работал инструктором рукопашного боя. Позже, связавшись с бандитами, он обучал 'братков' и

пытался создать свою школу. Накатанный путь российского мастера единоборств. Но так случилось, что он влип в историю. На него завели уголовное дело, и сидеть бы мужику лет пятнадцать, если бы он ни вырвался из автозака и ни 'подмыл' к своим ученикам. По нелепой случайности его побег оказался записанным на видеопленку, и кто-то из военных парапсихологов заинтересовался тем, как Свояк рвал цепь наручников и выгибал стальные прутья. Он сделал это играючи, чем выдал себя, как боевого мага высокого уровня. Его выследили. В институте имелись сканеры, натасканные на поиск людей. Чтобы мужик не артачился и шел на сотрудничество, в подвал усадили не только его, но и дочь. Он называл ее Настюхой.

После той прогулки он загнал меня в угол и рассказал о своей проблеме.

- Ты, Хорек, помоги мне вывести ее отсюда. Я смотрю, у тебя есть талант. Если свалим из зоны втроем, я тебя золотом осыплю с ног до головы. Сделаю для тебя все, что захочешь.

- В общем-то меня Жориком звать.

Я понимал, что 'перс' дал мне новую миссию. Отказ от такого задания был бы ошибкой. В подобных случаях мудрецы говорят, что от судьбы надолго не спрячешься. Мы, геймеры знаем, что игровой сюжет изменить невозможно, даже если сценарий имеет несколько ветвлений. В жизни каждого из нас встречается множество второстепенных миссий, по ходу которых мы накапливаем опыт и улучшаем базовые характеристики. Но моменты чекпоинтов подводят нас к истинным путям - туда и только туда. Или просто время потеряешь. Поэтому я обещал Свояку поддержку и помощь. В эрпэгэшках мы часто сталкиваемся с формированием команды или отряда. Я исполнял роль мага-манипулятора. Мой напарник был воином, с чарами паладина. И меня не удивило, когда он сказал, что его дочурка училась на медика. Клирик-женщина! Обычное дело для реально-пошаговой игры.

Вечером он изложил мне свой план.

- Сначала ты должен понять, что представляет собой институтский подвал. Недели две назад в нашей камере сидел бывший лаборант одного из научных отделов. Парень провинился по какой-то мелочи, и его для острастки поместили к нам. Он мало тут пробыл, но успел рассказать о многом. Если верить его словам, то наши хозяева являются слугами Бафомета. Их привлекает темная сила, которую с древних пор воплощает Мендес - тотем египетского бога Нетер Амона, 'того скрытого, что пребывает во всех вещах, как суть явлений'. Мендес изображается в виде головы козла, вписанной в перевернутую пентаграмму. Ты знаешь, за что был сожжен Жак де Молей, великий мастер тамплиеров?

Я отрицательно покачал головой.

- За поклонение этому древнему символу. Лоховатые люди считают знак Мендеса сатанинским символом. Они ошибаются. Чтобы вникнуть в его суть, нужно вспомнить о каббалистическом Древе жизни. Я уверен, ты видел эту схему расположения сфир и путей между ними. Каждая сфера является уникальным миром, со своими законами и пространствами. Обычно люди находят в оккультных книгах стандартную схему Древа, с десятью сферами и двадцатью двумя путями. Однако среди магов популярны другие схемы - усеченные или измененные. Смотри!

Он нарисовал на пыльном полу знакомую мне схему Древа жизни.

- Давай уберем пути, идущие от пятой сферы к восьмой, от четвертой - к седьмой, от пятой - к четвертой. И отсоединим девятую сферу от восьмой и седьмой. Вместо них создадим пути от пятой сферы и четвертой к девятой.

Вот он! Генератор темной силы! В этом институте попытались воссоздать такую схему. Мы находимся на уровне искусственной девятой сферы - мира обреченных жертв. Под нами - где-то на нижних этажах располагаются уровни изолятора, где содержатся провинившиеся служащие и такие заложники, как моя дочь. Фактически, эти два отделения изолятора воплощают в себе искусственные миры под номерами семь и восемь. Мы можем проникнуть туда либо через служебные входы, либо через лабиринты, ведущие к четвертому и пятому миру - на схеме они реализуются самыми нижними уровнями институтского подвала. Говорят, что в тех местах содержатся жуткие создания, и многие из них приучены к каннибализму. Обычные люди по собственной воле туда не заходят. Существ, обитающих там, кормят трупами или живым подопытным материалом, который по каким-то причинам оказался ненужным. Фактически, обреченные жертвы загоняются на нижние уровни, где их оставляют на съедение голодным человекоподобным тварям.

- А зачем институту понадобилось воспроизводить схему Бафомета?

- Вот тут, в искусственной сфере под номером шесть, располагается какой-то накопитель,- ответил Василий Алексеевич.- Не знаю, что там за система, но она позволяет им собирать и использовать темную силу.

- Ага! Подпитка маной?

- Что-то вроде того. Только это не мана, Хорек.

- Я не Хорек, а Жорик.

- Жориком ты станешь после проверки на вшивость. После первого боя и нашей победы.

О как! Ладно, пусть куражится. Я уже привык не обращать внимания на комменты персов. Реплики в играх несут функциональную нагрузку: они либо снабжают геймеров полезной информацией, либо с помощью обидных замечаний и приколов подталкивают нас к необдуманным и рискованным действиям.

- Выходит, что мы можем добраться до самых рогов Бафомета?-спросил я Свояка.-Неужели на этом этаже есть вход в лабиринт, ведущий на нижние уровни подвала?

- Наш отсек подвала занимает три этажа. На каждом из них имеется так называемый 'морг'. Это небольшое помещение, в котором есть люк, ведущий в наклонную служебную шахту. Когда какой-нибудь бедолага отдаст концы, его сбрасывают в шахту, и он скатывается в широкий канализационный коллектор. Коллектор представляет собой ось институтских подвалов - огромную трубу, которая упирается в заостренный цилиндрический купол гигантского сооружения. Говорят, что там находится искусственный разум института - неимоверно большой клон человеческого мозга. Его называют гомункулусом. Я думаю, что он как раз и является накопителем темной силы. Труба коллектора имеет внизу два наклонных стока, которые выходят на нижние уровни - в мир жутких чудовищ!

- Где морг на нашем этаже?

- За душевыми. Только нам этот путь не годится. Я не дурень и не хочу усложнять себе жизнь. Мы все сделаем по легкому. В изолятор можно попасть через медицинский корпус. Там есть лифты, понимаешь? Мой план таков. Завтра будут набирать группы для уборки территории и для научных исследований. Мы напросимся к медикам на опыты. По пути ты включишь свою магию и заставишь охранников провести нас к лифтам. Если возникнут осложнения, и понадобится грубая сила, я разберусь самостоятельно. Короче, попробемся в изолятор, найдем мою дочку и свалим отсюда.

Я с усмешкой покачал головой.

- Мы можем взять ваш план для затравки, но мой опыт говорит, что игра будет развиваться иначе. Если в сюжете упомянуты какие-то элементы - а в данном случае это и накопитель маны и нижние этажи - нам придется пройти через них. Таков закон жанра.

- Запомни, придурок! Это не игра, а боевая операция. Если ты окажешься бесполезной ношей, я брошу тебя на съедение каннибалам. Там внизу моя дочь. Возможно, каждый день какая-то сволочь лапает ее и принуждает к подчинению. Не дай Бог, еще пустят по кругу... Знаешь, какая она у меня красивая. Эх, парень! Все бы отдал, чтобы вытащить ее отсюда. А насчет стратегии ты лучше не заикайся. Я жизнь повидал и воевать умею.

- Как скажете,- ответил я.-Только сейчас мы оба на одной позиции. Какими бы ни были наши пути, они привели нас сюда. На один и тот же уровень! Так что не нужно мериться понтами.

На том мы и порешили. Утром, по заведенному обычаю, дежурный охранник огласил заявки: пять человек на подстанцию, восемь - на уборку территории, шесть - в медицинский корпус, десять - к химикам. Я кастанул на парне чару, и он взял меня и Свояка сверх лимита. По пути ребята рассказали нам, что опыты медиков были нестрашными. Институт тестировал новый томограф. Ученые кололи подопытным психоделики и, комбинируя мощные электромагнитные импульсы, старались наложить какую-то бета-фазу на инвертированное поле.

Когда нас вывели из бетонного куба казарм, где находились служебные входы в наш сектор подвала, я ошалел от запахов свободы. Степь цвела. Аллеи, омытые ночным дождем, благоухали ароматами песка, декоративных красных кирпичей и синих цветов, посаженных по краям дорожек. Высокое небо над головой тянуло к себе. Были бы крылья, улетел бы я к той белой тучке, а потом домой, к мамане и отчиму...

- Хорек, гляди под ноги,- проворчал Свояк.-И приготовься к действиям.

Мы подошли к трехэтажному медицинскому корпусу. С виду мирное строение, но если бы стены могли говорить, они рассказали бы о тысячах сломанных судеб. Здесь разрабатывались и опробовались препараты военной медицины. Сыворотки правды. Эликсиры памяти, выпив которые, разведчики могли запоминать десятки страниц технического текста. А были и лекарства, стиравшие все воспоминания. Каких только баек у нас в камере не рассказывали об этом страшном месте.

Вход, широкий вестибюль, два крепких парня у лифтов. Я сделал шарик и, пока мы подходили к стойке администратора, мне удалось 'подцепить' одного охранника. Он быстро направился к нам, указал на меня и Свояка и велел шагать за ним. Василий Алексеевич скосил на меня вопросительный взгляд. Я с усмешкой подмигнул ему: пусть знает, с кем связался. Второй охранник хотел задать вопрос - наверное, 'Куда ты их тащишь?' Я кликнул по нему шариком, и он лениво побрел к окну. Вот и ладненько. Полюбуйся природой.

У лифта я дал сопровождающему установку. Он отвел нас в служебную комнату, где мы переоделись в зеленые халаты, шапочки, перчатки и лицевые повязки. Затем я приказал охраннику вернуться к несению службы и не обращать на нас внимание. После этого мы спустились на второй нижний уровень.

- Нам туда,- сказал Свояк, указывая на коридор, перегороженный решеткой.

- А почему не туда?-спросил я, посмотрев на такой же проход, расположенный слева.

- У нас в камере есть дед, наделенный дальним видением. Он описал мне весь путь.

- А если он ошибся?

- Такие люди не ошибаются.

Он подошел к решетке и нажал на кнопку вызова. Окуляр видеокамеры над дверью развернулся в нашу сторону. Из встроенного в стену динамика послышался голос:

- Слушаю.

- Мы пришли забрать человека,- сказал Свояк.-Открывай.

- Что значит 'открывай'?-поинтересовался голос.-Вы откуда, клоуны? Конвоирование задержанных производится в особые часы и только силами охраны. Предъявите ваши служебные удостоверения.

- Бегом к лифту,- прошептал я Василию Алексеевичу.

Но он ухватился за прутья решетчатой двери, немного встряхнул механизм запора, и я услышал звонкий щелчок.

- Сейчас посмотрим, кто тут клоуны,- проворчал Свояк.

Его верхняя губа приподнялась. Рот напоминал пасть хищника. Как ловко он разобрался с замком! Теперь мне было понятно, почему парасихологи проявляли к нему такой интерес.

Из служебной комнаты выбежали два охранника. Я тут же 'подцепил' первого парня и заставил его сделать подсечку второму. Выпавший из рук автомат заскользил к ногам моего спутника. Свояк в акробатическом прыжке подхватил оружие и, опускаясь на ноги, нанес удар локтем упавшему охраннику. Тот отключился или умер. Его напарник спокойно стоял, опустив автомат.

- Сколько еще ваших на этаже?-спросил его Василий Алексеевич.

Парень молчал, как будто не слышал вопроса.

- Он под моим контролем,- пояснил я Свояку.

- Тогда выясни, сколько охранников на этаже и где они в данное время. Затем прикажи ему открыть двадцать седьмую камеру. Пусть затащит в каптерку второго пацана и, как следует, свяжет его. Кляп, руки-ноги - чтобы все было с гарантией. Когда он все сделает, погрузи его в сон.

На мой вопрос охранник ответил, что на этом этаже располагался еще один пост - у других решетчатых ворот. Василий Алексеевич кивнул и зашагал по коридору. Я остался выполнять его указания.

Зона изолятора представляла собой большой тор, разделенный на две половины. Точкой соединения был зал с лифтами. Двери камер открывались автоматически - с помощью тумблеров на особом пульте. Две стены дежурного помещения были заставлены экранами. Я видел, как Свояк вошел в двадцать седьмую камеру. В ней находилось восемь женщин - три молоденькие и пять пожилых. Я хотел включить звук, но регуляторы на мониторе не действовали. Прежде чем разбираться с пультом, мне предстояло выполнить другие задания.

Когда один охранник (все-таки живой) был крепко связан, а второй - заснул на небольшой софе, я снова повернулся к экранам. По спине пробежал холодок. Видеокамера в зале с лифтами показывала группу людей, готовившихся к штурму. Респираторы на их лицах свидетельствовали о том, что намечалось применение газов. Я подбежал к аптечке, взял медпак, два стимулятора и склянку противоядия. Свояк по-прежнему торчал в камере. Стратег стоеросовый! Чему их только в армии учат? Готовя шарик, я

помчался по коридору мимо одинаковых дверей. Неужели придется уходить через морг и канализационные стоки?

Услышав мой топот, Свояк вышел из камеры.

- Что случилось, Жора?

Жора? То-то же!

- Сейчас нас будут выкуривать газом. Там их не меньше двадцати. Все в респираторах.

- Черт! Доча, живо за мной! Жора, прикрывай отход. В конце коридора есть грузовой лифт. Перед ним решетчатая дверь. Мне понадобится время, чтобы открыть замок. Продержись немного. Когда я свистну, дуй к нам.

Из камеры выбежали три женщины - две девушки и одна лет под сорок.

- Я же сказал, что возьму только Настю!-закричал Свояк.

Однако времени на споры уже не было. Мы услышали топот ног. К нам приближалась группа захвата. Я выпил противоядие. Женщины и Свояк направились к концу коридора. Интересно, куда вел лифт? Сюжет по фактуре был чистой подставой. Лично я на такие варианты не стал бы подписываться.

На изгибе коридора появились первых охранники. Я 'подцепил' одного из них и швырнул под ноги остальным... второго повалил в тот самый момент, когда он выстрелил из короткоствольной базуки. Газовая граната разорвалась прямо перед ними, но облако зеленоватого дыма быстро достигло меня. Противоядие оказалось вполне эффективным, но я все равно перепачкался в рвоте. Мне пришлось отступить немного, чтобы прийти в себя. Я свалил на пол еще двух охранников, а затем раздался свист.

В ушах гремели огромные колокола. Я почти не помнил, как добрался до лифта. Тело трясло в лихорадочном ознобе. Голова кружилась, и глаза расходились в стороны, создавая два отдельных поля зрения. Вряд ли это было вызвано газом. Скорее, препарат, который я глотнул, производил побочные эффекты. У меня же не было особого образования. Я не знал, что именно находилось в медицинских склянках и пузырьках. Просто если жидкость имела фиолетовый или синий цвет, то она усиливала магические способности. Если микстура была желтой или зеленой, я считал ее противоядием. Красные и оранжевые составы восстанавливали здоровье. Хотя иногда химикалии вызывали у меня отторжение. К некоторым из них я был не подготовлен. Наверное, не хватало суммы набранных очков. Около створки изогнутой решетки я упал на колени. Василий Алексеевич схватил меня за воротник и втащил в кабину лифта.

- Папа, что с ним?-завизжала девушка с веснушками.

Тоже мне красавица! Таких в любой деревне на каждой лавке по выводу...

- Они траванули его газом,- ответил мой спутник.

Когда двери лифта закрылись, я потерял сознание. Очнулся уже в большом помещении, которое походило на церковный зал. Из центра купола над головой свисала массивная металлическая конструкция. Свояк сбросил меня со своего плеча и настороженно осмотрелся. Его дочь заклинила двери лифта пластиковым стулом. Я кое-как поднялся на ноги. Рядом у стены находился стол с компьютером. На экране застыла какая-то техническая таблица. Меня инстинктивно потянуло к клавиатуре. Неизлечимая зависимость!

На другой стороне зала виднелась еще одна дверь. Когда Василий Алексеевич направился к ней, она открылась, и в помещение ворвались два чудовища. Первое из них было самкой с большой отвисшей грудью. Лысый

удлиненный череп, тонкие маленькие руки, которые, казалось, росли прямо из толстой шеи, ребра, впалый живот и дальше тело, как у змеи. Длинный хвост, свитый в пару мощных колец. Ее компаньон походил на ожившего скелета, с костями, прикрытыми полупрозрачной пленкой. Он весь сочился отвратительной слизью. Мерзкое создание. Я таких даже в компьютерных играх не видел.

При виде нас два монстра застыли на месте. Женщины отпрянули за спину Василия Алексеевича. Они находились в центре зала, как раз под металлической штуковиной. Это была опасная позиция, но я ничем не мог помочь им, потому что от парализующего газа у меня пересохло в носу. Материала для шарика не было. Свояк направил автомат на вбежавших чудиков. Вот тебе и кунг-фу-файтинг!

Пробежав пальцами по кейборду, я закрыл техническое приложение и вышел на экран рабочего стола. Уровень доступа был никчемным. Обычная консоль для управления каким-то процессом. Когда я снова глянул на Свояка, из свисавшей с купола железки полыхнула молния. Она с жужжанием заплескала по залу. Жаркая волна воздуха отбросила меня к лифту. Ботинки, штаны и рубашка задымилась. Монстры повалились на пол. Свояк и женщины продолжали стоять, но под ногами сорокалетней дамы собиралась лужа крови. Она просунула руку под юбку, ощупала себя и вдруг зашлась безумным смехом. Две девушки сжимали друг друга в объятиях. Я снова начал терять сознание. Из рук Василия Алексеевича выпал автомат. Он покачнулся, но все же удержал равновесие.

- Корки на раз,- завопила раненая женщина.- Раньше надо! Норы бейте!

Она зажмурилась и прохрипела:

- Боже, как больно.

И затем снова перешла на бред:

- Резче! Жмурьтесь тут! Маркампафаротарба!

Меня осенила шальная мысль. Мы находились в зале накопителя! Все было подстроено заранее. Нас, узников с разных уровней, свели сюда, чтобы создать особые условия. Затем накопитель темной силы разрядился. Интересно, в кого? Я, к примеру, не чувствовал никаких изменений. Меня тошнило так же, как и раньше. И голова болела, словно садист-кузнец лупил по ней своим огромным молотом.

- Дай фасад!-кричала женщина.-Оп! Разрешаю! Общий час! Дети первые! Навалом! Шлаки кон!

По ее ногам стекала кровь. Я хотел закрыть глаза, но вдруг увидел в дверях пятнистые фигуры охранников. Все плыло, как в тумане. Я отмечал лишь фрагменты того, что происходило в зале. Взгляд Василия Алексеевича в мою сторону; отчаяние в его глазах. Одежда на мне дымилась. В прожженных дырах рубашки чернела обуглившаяся кожа. Наверное, со стороны я выглядел, как обгорелый труп, гы-гы. 'Скелет', как мог, защищал свою спутницу. Он был хорошим бойцом - не хуже Свояка. Они дрались бок о бок, затем спина к спине. Даже когда их накрыло облако парализующего газа, они тянулись к охране скорченными судорогой пальцами. Женщина-змея, похоже, умирала. Она лежала у дверей, прикрыв хвостом отвисшую грудь и лысую голову. Из открытого рта струилась розовая жидкость. Девушки рухнули на пол и, разорвав объятия, изогнулись дугами мучительного паралича. Сорокалетняя женщина ползла на четвереньках к стене, оставляя за собой красный след.

Я кастанул чару вызова. Ко мне подошел охранник в респираторе. По моей телепатической установке он склонился надо мной, пощупал шею и дал

знак, что я мертв. Свояка, 'скелета' и девушек утащили за дверь. Обезумевшую женщину схватили за руки и поволокли к лифту. Пара парней открыли фальш-панель на стене. Увидев люк, я испугался, что меня швырнут в печь или в чан с кислотой для утилизации трупов. Но в институте от трупов избавлялись иначе. Охранники подняли 'змею' и втиснули ее в зев патрубка. Затем настала моя очередь. Я хотел было использовать магию, но сознание все время уходило в темное марево. Они бросили меня в люк, и я покатился вниз - в черноту, наполненную шумом воды и запахом гниения. Исход ситуации зависел от высоты падения на дно утилизационной камеры. Как я понял из слов Свояка, здесь, что упало, то пропало. Но игровой сюжет предполагал какой-то шанс спасения.

Внезапно я налетел на преграду. Нечто мягкое и упругое, преградив трубу, по которой я катился, не позволило мне свалиться с довольно большой высоты на решетку. Самка с отвисшей грудью оказалась не такой простушкой. Она, как и я, лишь прикидывалась мертвой. Я услышал едва понятное шипение:

- Ш-ш-щбоку леш-ш-шница. Ш-шправа. Упирайся в мой хвош-ш-шт.

При ее поддержке я перебраться на техническую лестницу. Затем с моей помощью она тоже оказалась на проржавевших прутьях ступеней. Обычный симбиоз различных видов. Я сразу понял, что это промежуточная миссия. Обычно отряды людей, гномов и эльфов воюют с орками, гидрами и гоблинами. Но иногда возможны временные союзы, как, например, в моей ситуации.

- Ш-што будеш-шь делать дальш-ше?-спросила 'змея'.-Здещь ты в опаш-шности.

- Мне бы выбраться на какой-нибудь верхний уровень,- ответил я.- Безразлично на какой.

- Отш-шюда дороги наверх нет, ш-ш-ш. Леш-ш-шница ведет в техничеш-ский колодец. Крыш-ш-шка на замке. Замок ш-шнаруш-ши.

- И как мне тогда быть?

- Я проведу тебя в другое меш-ш-што,- прошипела самка.-Иди за мной. Ш-што бы ни ш-шлучилошь, доверься мне.

Ее удлиненная голова кровоточила розовой жижей. Одна маленькая рука, растущая из шеи, обуглились от удара молнии. Впрочем, я выглядел не лучше. Но так часто бывает в играх. Я вытащил из кармана медпак и перевязал свою спутницу.

- Как твое имя?-спросила она.

- Жорик,- ответил я.-А твое?

- Ш-шапанибал. Я живу на ш-швете уже тридцать веков. Люди наш-ш-шли меня в пеш-ш-щере, где я пребывала в ш-шпячке. Они привезли меня ш-шюда. На этом уровне ш-ш-шобраны ш-шштранные ш-шущештва. Некоторые разумные, другие - хуш-ше зверей. Будь о-ш-шторош-шен.

Мы шли - точнее, я шагал, а она ползла - по решетчатому полу. Внизу под нами струилась мутная вода, с зелеными и коричневыми разводами. Изредка в ней что-то плескалось - какая-то живность. Над головами простирался свод пещеры. Вдоль стены тянулись жгуты световых волокон. Они озаряли проход необычным загадочным светом.

- Эти катакомбы тянутца на неш-школько километров,- пояснила 'змея'.- Бывш-ш-ший шоляной рудник. Щейчаш-ш начнутца мшиш-штые поля. Ш-шмотри там под ноги. Никого не трогай. Затем мы войдем в пределы некрош-ш-шизни. Еш-шли повезет, и нам никто не вш-штретца, ты доберешьца до ш-шахты, которая ведет наверх.

Чуть позже мы оказались в огромной пещере, заваленной большими шершавыми валунами. Их покрывал густой коричневый мох. Он слегка светился, и благодаря этому я мог видеть причудливые силуэты существ, которые собирали с камней жуков и червей. Под ногами то и дело юркали какие-то змейки и зверьки, похожие на крыс. Присмотревшись, я едва не закричал от ужаса. У 'крыс' были человеческие лица. Я даже услышал, как одна из них пропищала:

- Что уставился? Дорогу, ротозей!

Внезапно я увидел на одном из валунов большого пса. Он настороженно смотрел на нас, оценивая шансы на атаку. По моим прикидкам, эти шансы были достаточно большими. Его клыки и глаза сверкали одним и тем же желтым цветом. Шерсть на затылке топорщилась дыбом. Плохая примета, насколько я знал.

- Про-ш-ш-што иди,- посоветовала 'змея'.-Не тревош-шь его взглядом.

Собака с рычанием бросилась к нам. Я попытался наскрести материал для шарика. 'Змея' угрожающе зашипела. 'Крысы', предвкушая пиршество, засуетились у ближних камней.

- Ш-штой ш-штраш-ш!-закричала моя спутница.-Он не из тех, кто наверху! Я дала ему ш-шлово защиты.

Собака остановилась в пяти метрах от нас и, приподняв тупой нос, принялась. На всякий случай я скатал малюсенький шарик.

- Иди и не оглядывайща,- велела 'змея'.

Она считала меня обычным человеком - слабым, беззащитным, свалившимся на ее плечи в трубе для сброса трупов. Я не стал опровергать ее мнение. Пусть думает, что хочет. Главное, чтобы она оставалась моей союзницей и проводницей в этом зловонном пространстве. Пес шел за нами, отрезая путь отхода. Жуткая зверюга. Страж! Наверное, охраняет это поле и мох. С едой тут явно напряженка.

- Скажите, пожалуйста...

Я старался быть вежливым и ненавязчивым.

- Отсюда можно попасть на открытую территорию института? Или еще лучше за стены этого учреждения?

- Такой проход еш-штъ,- ответила Сапанибал.-В опаш-ш-шном меште. Там.

Она указала здоровой маленькой рукой на темный вход в тоннель, зиявший слева.

- Это территория некро-ш-шизни. Туда тебе нельзя. Обглодают до коштей. Иди за мной!

Свернув направо, мы оказались на краю подземного озера. Воздух мерцал и светился зеленоватым сиянием. Я мог видеть детали окружения. За озером виднелся еще один проход, за которым, по словам моей спутницы, находилась шахта с подъемником и аварийной лестницей. Поднявшись по этой лестнице, я мог попасть в блок гарнизона институтской охраны. Нормальный вариант. Пока мы осторожно перемещались по узкому пандусу, окружавшему озеро, 'змея' с шипением отвечала на мои вопросы. Первым делом, я поинтересовался тем, как часто их тревожат 'люди сверху'. Оказалось, что институтские ученые регулярно проводили здесь рейды, во время которых они собирали 'подопытный материал' и изучали искусственную флору. С некроидами у них была договоренность о мирном сосуществовании. Люди сверху поставляли им трупы, а некроиды обеспечивали внизу относительно подобие порядка.

- Никто не заходит в ш-шектор некрош-шизни,- сказала Сапанибал.-Мы не знаем, что там происходит.

- Скажите, тот мужчина, который наверху был вместе с вами... он некроид?

- Нет, он ш-шертва опытов и мутагенов, как многие обитатели этого мешта.

- А как вы с ним оказались в том зале?-допытывался я.

По словам моей спутницы, ученые, отобрав группу местных обитателей, заставили их пройти через серию медицинских проверок. Затем, по недосмотру надзирателей, 'змее' и 'скелету' удалось бежать. Какое-то время они успешно уходили от погони, но, в конечном счете, пару беглецов загнали в коридор, ведущий в зал с накопителем. Она согласилась с моим предположением, что наши ситуации с побегами были специально подстроены. Нас собрали в зале для конкретной цели. Накопитель разрядился в каждую персону, находившуюся в помещении, но кто-то получил физические увечья (например, Сапанибал и я), кто-то спятил, как та пожилая женщина, а кто-то, судя по сюжету, стал носителем темной силы.

- Меня это очень тревош-шит,- прошипела 'змея'.-Люди сверху не понимают, какое зло они впуш-стили в швой мир. Я ош-шидаю больш-ш-шие перемены.

Наш разговор прервало громкое бульканье. Из мутно-зеленой воды поднялось белое длинное щупальце. Оно метнулось ко мне с невероятной скоростью, но Сапанибал отбила его в сторону своим могучим хвостом. Я увидел, как под водой промелькнуло массивное тело. По моей спине побежали 'мурашки'. Мне пришлось встряхнуться, чтобы восстановить душевное равновесие.

- Что это было?-спросил я.

- Мутант,- ответила 'змея'.-Некоторые из них умеют гипнотизировать ш-швои ш-шертвы. Имей это в виду.

Мы подошли к проходу, освещенному электрическим светом. Под ногами снова зазвенела решетка. В конце тоннеля у входа в шахту стояли два существа. Их фигуры походили на человеческие, но как бы состояли из клубящейся темноты. Под черными капюшонами мантий горели красные глаза. Я видел таких чудовищ в какой-то игре. Их можно было убивать только осколочными гранатами. Спасти меня мог только шарик - маленький и почти потерявший упругость. Я 'подцепил' им первого монстра, однако он тут же сорвался с контакта. Проклятие! Я совсем забыл, что такие существа имели иммунитет от магии. Мой шарик лишь временно вводил их в смущение.

- Пропуш-ш-стите его!-зашипела Сапанибал.-Пусть он уходит.

- Еда!-ответил один из некросов.-Нам нужно. Отдай и иди!

У него был грубый рокочущий голос. Монстр сделал шаг в моем направлении, но 'змея' угрожающе приподнялась на утолщении хвоста и извергла изо рта струю ядовитой жидкости. Во всяком случае, по логике игр ей следовало быть ядовитой. Однако некросы тут же бросили слизывать капли, упавшие на решетчатый пол. Мы молча смотрели на их комковатые тела. Затем один монстр поднялся на ноги и кивнул головой.

- Хорошо, принцесса. Он может пройти. А ты еще раз напоишь нас своим нектаром.

Я посмотрел в глаза Сапанибал. Ей можно было доверять. Она протянула ко мне маленькую руку и провела ладонью по моим взъерошенным волосам.

- Беги! Вторая леш-штница ш-шлева от входа. Ш-шорик... Я верю, тебе повезет. Найти того, кто ш-штал вратами зла.

Я стремглав пробежал мимо некросов и оказался в широкой цилиндрической шахте. Вторая лестница слева. Быстрее! Быстрее! Пока твари пьют нектар. Во рту пересохло от страха. Мне вспомнилось шутка, прочитанная на одном из интернетовских форумов. В минуты сильного ужаса немец говорит, что его сердце падает в брюки. Японцы утверждают, что их яйца подсакивают под галстук. Наверное, во мне было много и от тех, и от других, потому что, пока я поднимался по лестнице на высоту пятнадцати метров, у меня и сердце падало в штаны, и яйца подсакивали к горлу. Внезапного из широкого сливного отверстия чуть ниже меня выплеснулась струя зловонной жидкости, а чуть позже из жерла трубы выпал труп человека. Я видел, как он плюхнулся в зловонную жижу, и через пару мгновений рядом с ним появились фигуры некросов. Взглянув на меня, она захохотали. Затем чудовища схватили труп за ноги и поволокли его в проход.

Я поднялся на небольшую площадку. Решетчатый мостик вывел меня в темный коридор с двумя дверьми. Каждый геймер имеет свое привычное направление для обхода пространства, поэтому я выбрал правую сторону. И точно! Дверь оказалась незапертой. 'Туман войны' приоткрылся. Второстепенная миссия начиналась в секторе обслуживания - на это указывали надписи. Обычно в научных центрах каждый кабинет горделиво заявлял о себе табличкой с полным описанием специфики: такая-то и такая лаборатория такого-то и такого отделения. Даже подсобка для швабр имела бы свое особое название: комната хранения санитарно-технического инвентаря. Но в секторах обслуживания все надписи сокращались до трех букв: НОП, ДДР, СПЗ и так далее. О том, что означали эти сокращения, знал только узкий круг специалистов.

Я осторожно заглянул в несколько комнат. В одном из помещений располагался склад громоздкого оборудования - моторы, помпы, узловые элементы для соединения труб. То, что нужно. Пробравшись на склад, я отыскал в углу штабель ящиков с фурнитурой. Втиснувшись в узкую щель и бросив на пол несколько широких пластин пенопласта, я лег на них, накрылся ветошью и закрыл глаза. Голова гудела, как паровой котел на старом корабле. В горле першило. В животе происходили какие-то активные и тревожные процессы. Мне нужно было выспаться. Геймеры ведь тоже люди. Иногда им требовался крепкий сон.

Меня разбудил громкий звук. Очевидно, в помещении производили перестановку стеллажей. Скрип металла по бетонному полу разогнал остатки сна. Я осторожно приподнялся и встал на четвереньки. Голова слегка кружилась. Тело болело и пахло горелым мясом. Ткань рубашки, прилипшая к ранам, превращала любые движения в пытку. Но это был только фон. Настоящий знаток стратегии умеет отличать сюжет от антуража. Скрип и чье-то пыхтение предполагали наличие 'перса', с которым мне следовало пообщаться. Скорее всего, он прояснит мне цель промежуточной миссии или ознакомит с каким-то важным условием: 'Налево пойдешь, принцессу найдешь. Направо свернешь, коня потеряешь.'

Я встал на ноги и стиснул зубы от резкой боли. Сейчас не помешал бы мощный стимулятор. Мне вспомнилось, как однажды я погрузил в транс профессора, который изучал меня. Его сейф оказался настоящей сокровищницей. Он не держал там привычных склянок и пузырьков, но я нашел у него несколько пачек таблеток и методом проб и ошибок поделил их

на яды, восстановители силы, здоровья и маны. Вот это был запасец. Сейчас бы его сюда. Особенно те синие капсулы с зеленым ободком.

Выглянув из-за ящика, я увидел двух мужчин. Они толкали к двери склада высокий металлический стеллаж. Я не сразу понял их маневр, но мне показалось, что они хотели забаррикадировать входной проем. Еще я заметил кровь на лице у первого мужчины, а второй... был без руки. Огрызок культи ниже локтя выглядел рваным и смятым, словно его только что вытащили из мясорубки. Несмотря на рану и сильную потерю крови, мужчина яростно толкал стеллаж к двери. Судя по его виду, он был напуган до безумия. Я даже подумал, что некросы поднялась за мной на этот уровень и изрядно потрепали бедолагу.

Внезапно дверь распахнулась, и в помещение ворвалось несколько человек. Тут были и охранники в серой форме, и технари в синих халатах, и заключенные в однотипных рубашках и штанах. Мужчина с культей дико закричал и накренил стеллаж, пытаясь свалить его на вбежавших людей. Но ему не хватило сил. Он обречено упал на колени. Его товарищ побежал по проходу вглубь склада. За ним в погоню бросилось пять или шесть человек. Остальные окружили раненого мужчину. Я думал, они начнут бить его или поволокнут к двери, но группа людей обступила парня со всех сторон. Затем один из них быстро закивал головой, и другие стали повторять эти ритмичные движения. Через полминуты они разошлись в стороны, будто потеряли интерес к человеку, а тот спокойно поднялся и зашагал по проходу в ту часть склада, откуда доносились визгливые крики его товарища. Кровь хлестала из оторванной руки, но он не обращал на нее никакого внимания.

Мне не понравилась такая ситуация. Люди, бродившие по складу, вели себя странно. Казалось, что они искали источник какого-то запаха. Они приподнимали подбородки и расширяли ноздри, как хищники. Алчущие взгляды сканировали пространство, словно лучи прожекторов. Из дальнего прохода начали возвращаться их коллеги, с окровавленными ртами и руками. Ничего себе! Они походили на вампиров или вурдалаков и тоже принюхивались к воздуху. Черт! А если эти парни ищут меня?

Я скатал два шарика и попытался 'подцепить' ближайшего мужчину. Он несколько раз прерывал контакт, сопротивлялся с неистовым упорством, шарахался в стороны, ударяясь о полки и металлические трубы. В конце концов, я догадался подключить чару вызова к манипуляциям с шарами, и мужчина стал послушным, словно манекен. Я заставил его направиться к лифту и найти проход к наземным зданиям института. Интересно отметить, что на эту установку отозвались и другие люди. Казалось, я управлял не одним человеком, а целой стаей или роем. Они выбежали из помещения. Последним был парень с оторванной рукой. Он едва держался на ногах от слабости, но отчаянно старался следовать за остальными.

Чуть позже я медленно прокрался по боковому проходу в ту сторону, куда убегал второй мужчина. Сердце гулко стучало в груди. Ничего себя поворот событий! Увидев разбросанные на полу кишки и остатки одежды, я быстро отвернулся и направился к двери. Мои догадки оказались верными. Сюжет определился. Жанр: 'хоррор'. Враги: некросы, вурдалаки и служащие института. Основная цель: вырваться на свободу. Второстепенные задания: найти Свояка и его дочь. Стандартная тема. Для прохождения миссии требовались медпаки и эликсиры. Поскольку я был визардом, оружие мне не полагалось. Хотя можно было выйти на мультикласс и приписать себе несколько дополнительных опции. Скажем, пистолеты, автоматы и снайперскую винтовку. Гранаты и мины я не уважал.

Коридор был пустым. Эти твари выломали напроць все двери. Я привычно заходил в каждую комнату и производил осмотр. В некоторых местах встречались остатки кровавого пира вурдалаков. Судя по всему, этот сектор подвальных помещений отводился для технических складов. Я не находил здесь ничего толкового - только фурнитуру, электроприборы, части станков и какое-то громоздкое электронное оборудование. В одном из служебных кабинетов, со сломанной кодовой панелью и открытой стальной дверью, мне удалось найти схему этажа. В комнате охранников прямо перед залом с грузовыми и обычными лифтами я осмотрел все мониторы, запомнил места, где слонялись вурдалаки, и поднял с пола два автомата. Подарочек для Свояка.

У решетчатых ворот, отделявших коридор от помещения с лифтами, лежало два десятка обглоданных трупов. Похоже, тут была бойня. Подошвы ботинок липли к застывшей крови. Стена пестрела от красных разводов и пунктирных следов, оставленных пулями. Из четырех лифтов работал только один грузовой. Три остальных застряли на верхних уровнях. В просторной кабине я увидел ту же картину: обрывки одежды, осколки черепов, переломанные кости с остатками плоти. Все стены и пол были залиты кровью.

По идее, мне требовалось попасть в изолятор. Вряд ли Свояка отправили обратно в общую камеру. Вне всяких сомнений, Василий Алексеевич томился сейчас в какой-нибудь камере, прикованный цепями к настенным скобам или к крюкам на потолке. Из сектора технических складов я мог подняться на поверхность, затем вернуться в медицинский корпус и оттуда спуститься на один из уровней институтских застенков. Или можно было добраться до второй точки входа на территории гарнизона. Мне больше нравился первый маршрут.

Направив лифт вверх, я задумался о странном обстоятельстве: в вурдалаков превратились не только заключенные (так называемый 'подопытный материал'), но и техники, врачи и охранники. Очевидно, процесс мутации не контролировался учеными и напоминал сюжеты 'Дума-3' и 'Систем шок-2'. Но здесь зло входило в людей не через укусы, а посредством некоего наведенного состояния. Не зря на складе эти твари кивали в такт головами.

Анализируя фантастические фильмы, чьи сюжеты были основаны на мутациях людей, я всегда находил неестественным тот факт, что перенос состояния осуществлялся через укусы. В психических клиниках мне доводилось наблюдать, как люди превращались в животных и чудовищ. Их никто не кусал. Изменялось состояние сознания, и только. Эти сдвиги создавались фармакологическими средствами или суггестивными установками. В данном случае вурдалаки окружали человека и, генерируя общее поле, копировали жертве свое специфическое состояние сознания. Однако их воздействие не затронуло меня. И были другие люди, которых они не могли превратить в свои клоны. Таких поедали заживо. Значит, не каждый человек был подвержен насильственной трансформации.

Двери лифта открылись, и я увидел перед собой небольшую площадку, заваленную трупами людей. Пологий пандус, спускавшийся между двух зданий, исчезал во мраке за желтыми пятнами света у подножья фонарных столбов. На небе сияли звезды. Ночь пахла полынью и пылью. Где-то рядом тишину вспугнула пулеметная очередь. Чуть дальше начался и оборвался женский крик. Я быстро нырнул в темноту. Приклады автоматов ударялись о

мои ягоды и косточки на запястьях. Боль в теле утихла. Я уже почти не замечал ее.

Остекление в фойе медицинского корпуса было частично разрушено. Разбитые широкие окна демонстрировали освещенный зал с полудюжиной неподвижных и лежавших на полу фигур. Прямо надо мной - на четвертом или пятом этаже - разбилось стекло, и темный силуэт с коротким криком отчаяния упал на бетонную дорожку всего в нескольких шагах от меня. Кровь и мозги запачкали мне левую штанину. Я задрал голову и посмотрел вверх. В пустом оконном проеме появились две женщины в белых халатах. В свете луны их губы и подбородки поблескивали от темной жидкости. Я знал, что это кровь. Наверное, вурдалаки захватили здание.

Ближайшая дверь медицинского корпуса располагалась в метрах тридцати, но она наверняка находилась под наблюдением одной из сторон конфликта. Каждый геймер знает, что вражескую крепость нужно брать не напрямую, а через боковые ворота или тайные проходы. Я подпрыгнул, ухватился за выступ кирпичной кладки и подтянулся на руках. Взгляд скользнул по прожженной рубашке и почерневшим пятнам кожи. Я даже глазам своим не поверил. Ран не было! Просто копоть на тех местах, где еще недавно лопались волдыри и сочилась розовая лимфа. Я перебрался через раму разбитого окна и спрыгнул на пол. Из темного коридора ко мне метнулись две фигуры - мужчина и женщина. Руки вытянуты вперед, пальцы согнуты, рты раскрыты для беспощадных укусов. Их появление оказалось таким неожиданным, что я замер на месте. У меня не было ни шариков, ни плана действий. Два автомата висели за спиной. Возможно, в магазинах даже не осталось патронов. Геймеры часто переживают подобные моменты уязвимости. Зазеваешься, сунешься не туда, а враги только того и ждут. Глазом не моргнешь, как уже нужно жать на 'квит' и загружать последнее сохранение.

Внезапно вурдалаки остановились. Точнее, в какое-то мгновение они бежали в мою сторону, а в следующую секунду уже возвращались обратно в коридор, почему-то охладев к моему запаху и виду. Их головы постоянно находились в движении. Они вынюхивали и высматривали добычу. Их уши ловили каждый звук. Но я был виден со всех сторон, и по какой-то причине не привлекал их внимания. Непонятная ситуация! Такая же странная, как заживление ран. Я быстро скрутил шарик и направился за ними. Маршрут был знакомым - фойе, коридор и лифт, ведущий на уровень изолятора. Перед спуском мне хотелось прихватить медпаков. Хотя зачем они, если ожоги зажили? Нет, пусть будут на всякий случай. Для Свояка... Короче, по привычке.

На втором этаже я встретил еще одну группу вурдалаков. Трое из них помчались ко мне с явным желанием закусать меня до смерти. Однако странность повторилось. Не добежав десяти шагов, они развернулись и трусцой вернулись за стойку администратора. Я приободрился и начал осмотр помещений. Тут было чем поживиться. Во-первых, мне попались на глаза таблетки такого же цвета, как в 'Фаллауте', светло-зеленые, от радиации. Во-вторых, я запасся горстью ярко-красных капсул - для пополнения утраченной жизни. При таком количестве вурдалаков в непосредственной близости от меня медпаки карман не тянули.

В одном из кабинетов я увидел металлическую дверь с кодовым замком. За ней находилось явно что-то интересное. Я использовал чит-код из игры 'Дьюс экс-2', и тяжелая створка открылась, предоставляя доступ в небольшую комнату. Стены, пол и потолок были обклеены

звукоизолирующими плитами. В углу находился низкий топчан, на котором сидело крохотное существо. Я присмотрелся и замер от восхищения. Мне посчастливилось найти дочь учителя! Вот это бонус! Такой же лысый череп и выпученные глаза, плоское лицо и зачатки ушей. Увидев меня, она хотела закричать, но что-то в моем взгляде остановило ее, и девочка просто захныкала. Я знал, что ей было страшно. Вдали от отца, вдали от Восьмого мира. Наверное, она отправилась на поиски папы и, телесно воплотившись в нашей грубой реальности, попала в руки жестоким медикам. Я сказал, что позабочусь о ней. Я сказал, что знаю, где находится ее отец.

Она протянула ко мне маленькие руки. От нее плохо пахло. Возможно, люди, поместившие малышку в звуконепроницаемую камеру, не мыли ее месяцами. Я завернул девочку в желтую от мочи простыню и понес ее в тот кабинет, где видел кабину душа. Она тихо и хрипло рычала мне в ухо. Эта крошка не могла общаться телепатически, как ее отец, но мы все равно понимали друг друга. На своем невразумительном языке она жаловалась мне на плохое обращение с ней. Еще бы! Я на своей прожженной шкуре знал, как здесь обходились с людьми. Малышка освоилась и ласково била меня ладошкой по щеке.

Когда я подставил ее под струю воды, она завизжала. О, небеса! Это был ультразвук на грани воспринимаемого диапазона. От крика, насыщенного сложными вибрациями, в душевой полопался кафель. У меня из носа закапала кровь. Через некоторое время мои мягкие движения успокоили ее. Я обмыл малышку, вытер ее полотенцем и укутал в лабораторный халат. С помощью рукавов и эластичных бинтов мне удалось закрепить сверток с девочкой у себя на груди. Затем я закинул автоматы за спину и начал возвращаться к лестничной клетке.

От дочери учителя пахло мылом и давними пролежнями. Чтобы она не боялась, я расположил ее лицом вперед, и девочка с явным интересом разглядывала залитый кровью коридор и выломанные двери. Из-за стойки администратора выглянули трое вурдалаков. Между их ног выползла женщина в белом халате. У нее не было ног и части таза. Она тянула к нам руки в безмолвной просьбе о помощи. Один из мутантов схватил ее за волосы и поднял над полом. Это было жуткое зрелище. Малышка испугалась и снова закричала. Вурдалаки схватились руками за головы. Двое из них упали на пол. Череп третьего лопнул как воздушный шар. Мутант выпустил свою жертву и рухнул на стойку. Я приподнял автомат, нацелил ствол в лицо изувеченной женщины и, когда она благодарно кивнула, нажал на курок. Раздался громкий выстрел. Кровь и мозги испачкали мне правую штанину. Мы с девочкой, не оглядываясь, побежали к лестничной клетке.

В коридоре, который вел из фойе, собралось с десятков вурдалаков. Они испуганно косились на нас, но боялись приблизиться. Очевидно, коллективный разум их стаи или роя понимал, что против нас у них не было шансов. Я вспомнил фильм 'Обитель зла', где Красная королева выполняла функции подобного разума. Такая же малышка, как моя подопечная, только нормальная и в два раза крупнее по размерам. Я нежно погладил голову девочки. Она поежилась, подняла подбородок вверх и, взглянув на меня, хрипло замурлыкала. Мурка!

Я смахнул густую слюну с ее губ и предложил:

- Давай назовем тебя Муркой. Что скажешь?

Она сердито зарычала.

- Тогда Уркой. Нравится?

Девочка издала громкое 'Ии-уу!', от которого у меня зачесалась кожа.

- Ладно, путь будет Иу,- согласился я, нажимая кнопку вызова.

На наше везение лифт работал. Дверь открылось. Мы вошли в кабину. В углу на полу в луже крове лежала оторванная кисть руки. Я старался не смотреть на нее. Мне вдруг стало стыдно перед малышкой за наш грубый и варварский быт. Конечно, в их Восьмом мире не было оторванных рук и наполовину обглоданных женщин. Мой учитель и его дочь жили в полной гармонии, в духовно развитом обществе. Из сострадания они спустились в наш мир и попытались донести до людей свое невообразимое знание. А их за это посадили в камеры со звуконепроницаемыми стенами, чтобы никто из ищущих не услышал запретных и магических истин.

Спустившись на уровень изолятора, мы с Иу направились к решетчатой двери. Она была открытой. В служебном помещении охраны стояли два вурдалака. Их головы покачивались в стороны; носы приподнимались вверх, вынюхивая жертву. Я поднял автомат и нажал на курок. Сухой щелчок. Осечка? Или кончились патроны? Один из мутантов заметил нас и, испуганно сгорбившись, встал лицом к стене. Второй вурдалак последовал его примеру. Похоже, мое присутствие вызвало панику у этих недоносков. Я отбросил бесполезный автомат в сторону и подошел к панели мониторов.

Свояк, его дочь и еще три десятка человек находились в большой камере, поделенной надвое перегородкой. Полдюжины мужчин на одной половине отгоняли атаковавших мутантов, которые собрались во второй части помещения. Василий Алексеевич использовал боевые навыки. Его руки и ноги наносили точные удары. Вурдалаки отлетали к стене смежной комнаты, затем поднимались и вновь шли вперед, нацеливая на него согнутые пальцы и оскаленные рты. Сокамерники помогали Свояку, как могли. Один мужчина тыкал в мутантов рукояткой швабры, к которой был привязан перочинный нож. Второй лупил чудовищ ножкой стула. Женщины жались к стене, визжали от страха или подбадривали своих защитников. Две пожилые дамы склонились над телом парня, который получил серьезное ранение.

Я вовремя заметил, что дверь, ведущая в эти две смежные камеры, была закрыта на замок. Еще одна загадка! Как же тогда произошла мутация большинства заключенных? Неужели состояние могло наводиться через стены камер? Серьезный вопрос, между прочим! Я уже знал, что замок открывался с пульта охраны. Щелкнув нужным тумблером, мы с Иу выбежали в коридор. Бродившая поблизости женщина-вурдалак, приподняла полы медицинского халата и торопливо отпрыгнула от нас. Я снял с плеча второй автомат, распахнул дверь общей камеры и закричал:

- Василий Алексеевич! Это Жорик! Я пришел к вам на помощь!

Свояк отбивал очередную атаку. Он мельком взглянул на меня и что-то проворчал. Едва мы с Иу переступили порог, мутанты отступили в дальний угол. Я положил автомат на бетонный пол и подтолкнул его к проему смежной комнаты. Василий Алексеевич ловко подхватил оружие и лишь тогда узнал меня.

- Ты? Жора! Гад! А я ведь думал, что ты умер!

Он щелкнул затвором и хладнокровно выпустил очередь по толпе вурдалаков. Пустые гильзы отлетали от косяка и отскакивали к моим ногам. Мутанты, с тоскливыми протяжными стонами, валились на пол. Иу задрала голову вверх, посмотрела на меня и что-то хрипло прохрюкала. Я подмигнул ей, намекая на счастливый конец. Хорошие парни разбирались с плохими. Смерть за смерть. Разящие выстрелы за смертельные укусы.

Василий Алексеевич повернулся ко мне и спросил:

- Как тебе удалось прорваться к нам? По нашим сведениям, весь институт захвачен кадаврами. Что это за девчонка?

Когда я подошел поближе, он сам ее увидел. Судя по его лицу, он был ошеломлен.

- Зачем она тебе?

- Это дочь моего учителя,- ответил я.-Того парня из Восьмого мира, о котором я рассказывал.

- Мать твою так!- выругался он.-Как же нам выбраться отсюда? Конечно, хорошо, что ты приволок оружие, но с такой обузой толку от тебя не будет.

- Это дочь моего учителя,- повторил ему я.-Вы же спасаете вашу Настену...

- Черт с тобой! Делай, что хочешь. Скажи, ты разведал путь наверх?

- И наверх, и дальше. Я знаю, как пробраться к гаражам у внешних ворот. Мы захватим машину и под шумок уедем отсюда. До ближайшего города пятьдесят семь километров...

- А как мы пройдем через кадавров? Перед тем, как люди стали превращаться в тварей, охранники предупредили нас, что эпидемия охватила весь институт - и подвалы, и верхнюю территорию. Позже мы слышали стрельбу за закрытой дверью. Чуть позже сразу четверо парней принялись кусать остальных. Мутация длилась минуту - не больше. Сначала они кивали головами, несли какой-то бред... потом набросились на соседей. Их становилось все больше и больше. Одну женщину съели на наших глазах. Я ничего не мог поделать...

- Давайте уходить, Василий Алексеевич. Собирайте вашу группу и идите за мной. Мы должны воспользоваться суматохой. Даже если мы угоним машину, за нами не будет погони, потому что все нормальные люди в институте сейчас сражаются за собственные жизни. Наше бегство никто не заметит. Нас просто приплюсуют к списку жертв.

Иу захныкала. Я почувствовал влагу на груди. Похоже, малышку следовало перепеленать. Одна из женщин вызвалась помочь мне. Она даже предложила свою теплую шаль вместо испачканного халата. Пока мы снова закрепляли Иу на моей груди, другая женщина, стоявшая рядом, вдруг закивала головой и закричала:

- Поры навалом грыжу! Липкий дан бум!

Я понял, что она превращалась в вурдалака. Человечность слетела с нее легким облаком, оставив вместо себя голодную тварь. Мы отступили на шаг. Мужчина справа от меня поднял свое копье. Но радикальных мер не потребовалось. Мутантка нахохлилась и смиренно отошла в дальний угол, где лежали трупы ее предшественников. Свояк повел людей в коридор. Всем хотелось покинуть изолятор, как можно быстрее. Когда впереди появлялись вурдалаки, мы с Иу выходили им навстречу, и твари понуро расходились в стороны. Если мутанты начинали преследовать группу, мы с Иу отставали немного и отгоняли их прочь.

- Почему они боятся тебя?-спросил Свояк.

- Я каким-то образом напугал их коллективный разум. Их Красную королеву.

- Кого?

Он явно был не в теме. Вообще-то я давно заметил, что воины - особенно из класса паладинов - отличались некоторой тупостью. И шуток они тоже не понимали.

- Роем пчел командует матка. Роем муравьев - королева. Я заимствовал имя для общего разума мутантов из ужасника 'Обитель зла'.

- Не видел такого фильма,- проворчал Василий Алексеевич.-Там в фойе кадавров будет больше. Отправляйся наверх с первой партией людей. Я пока тут прикрою остальных. Только без всяких задержек. Запасного магазина нет?

Я отрицательно покачал головой и молча протянул ему несколько красных капсул. Свояк взглянул на дочь. Та осмотрела одну капсулу и с удивлением спросила:

- Зачем это нам нужно? Они от поноса.

Василий Алексеевич фыркнул. Смешно ему стало. Я пожал плечами. Кроме нас с Иу, в кабину лифта вместились пять женщин и один мужчина. Со Свояком остались его дочь и трое мужчин. Вот он, реальный расклад. Я первым шел в опасное место. Под мою опеку отдавали женщин. И в то же время Свояк смеялся надо мной. Он находил мою помощь не вполне адекватной. Вопиющая несправедливость! Не будь меня, он, возможно, уже слонялся бы по коридорам и, качая головой, выискивал жертву. Ладно, пусть себе фыркает. Я доберусь с ним до города и распрощаюсь навеки веков. Мне такой боец не нужен.

В фойе медицинского корпуса стало светлее. Серое небо за окнами обещало скорый рассвет. В полумраке зала виднелись несколько скитавшихся фигур. Основная масса вурдалаков покинула здание и разбрелась по другим корпусам института. Едва мы вышли, кабина лифта помчалась вниз. Наверное, дочь Свояка заранее нажала кнопку вызова. Мутанты, один за другим, начинали движение к нам, но, встретив невидимый барьер, возвращались в темные углы и переставали обращать на нас внимание.

Иу заснула. Женщина, пеленавшая ее, оставила руки малышки на свободе, и она теперь цеплялась ими за мою одежду. Даже во сне! Она считала меня своим защитником. Я почувствовал приятную гордость. Не все воспринимали мою помощь так легкомысленно и по-жлобски, как Василий Алексеевич. И Иу знала, кто здесь был настоящим героем!

Когда двери лифта снова открылись, к нам вышли только Свояк и его дочь. В кабине пахло порохом. На полу рядом с оторванной рукой валялось пять-шесть гильз. Кто-то из женщин спросил о трех мужчинах.

- Один погиб,- ответил паладин.-Двое превратились в кадавров.

На щеке его дочери змеилась красная царапина. Одежда была испачкана кровью. Похоже, ее отец стрелял в мутантов почти в упор. Интересно, почему они стали вурдалаками именно в этот короткий отрезок времени? Еще одна дыра в канве событий. Я указал рукой на широкий оконный проем, ощерившийся осколками разбитого стекла.

- Может, через дверь?-спросил Свояк.

- Как хотите,- ответил я.-Мы с Иу спустимся здесь.

Василий Алексеевич похлопал меня рукой по плечу и начал помогать одной из женщин подниматься на подоконник. Я тоже взобрался туда, готовый прыгнуть в любую сторону, если кто-то из наших подопечных подвергнется атаке мутантов. Воздух наполняли разрывы гранат, треск автоматов и пулеметов - фон, знакомый мне по любимым играм 'Зов долга' и 'Фаркрай'. Я повел нашу группу вдоль корпуса, затем по цветочным клумбам к пологому пандусу, который вел к площадке грузового лифта. Пару раз на нас нападали вурдалаки - один выпрыгнул из окна продовольственного склада; второй появился из густой темноты между двух больших контейнеров. Я отпугнул их одним своим видом. Свояк еще раз покосился на меня с каким-то изумленным недоверием.

Когда мы вошли в кабину грузового лифта, одну из женщин стошнило от вида растерзанных останков. Я начал объяснять наш дальнейший маршрут. Услышав мой рассказ о лестнице, о некросах и о подземном озере, Василий Алексеевич усомнился в правильности выбора такого опасного и нелегкого пути. Но он сам понимал, что нам не пройти по открытой территории к гаражам института. Оттуда доносилась массированная стрельба. Очевидно, охрана у ворот и у главных корпусов стреляла во всех людей, которых видела. Мы не прорвались бы через перекрестный огонь. Моя магия визарда и навыки паладина Свояка не защитили бы группу от пуль.

Спустившись на уровень технического склада, я провел отряд к огромному коллектору. Осмотрев дно бетонного колодца и ненадежную лестницу, Василий Алексеевич устроил краткий брифинг. Я сказал, что теперь вся надежда была на него, поскольку мои чары не действовали на некросов.

- А как насчет пуль?-спросил мужчина, которого звали Евгением.

Взглянув на него, я подумал, что он везучий человек. Если бы парень остался со Свояком, а не поехал со мной в переполненной кабине лифта, его постигла бы участь остальных трех мужчин. Не знаю, почему, но мне казалось, что их гибель была не такой однозначной, как описал ее нам Свояк. Хотя откуда такая подозрительность?

- Это мы выясним на практике,- ответил Василий Алексеевич.-При первом боевом столкновении.

Он разрядил магазин, пересчитал оставшиеся патроны и снова вставил их на прежние места.

- Восемь штук. Не густо.

Мы договорились, что он спустится первым. За ним - женщины, потом Евгений, а последними пойдем мы с Иу. Свояк еще раз тихо спросил меня, зачем мне нужна эта девочка. Он намекнул, что если я оставляю ее на решетчатом мостике, всем будет только легче и спокойнее. Однако у меня имелись свои соображения. Я прижал малышку к себе и на всякий случай приготовил шарик.

- Ладно, Жора. Пора действовать.

Женщины спускались очень долго. Им было страшно погружаться в зловонный полумрак. Похоже, мое предупреждение о жутких существах лишило их сил. Они замирали на скользких ступенях и прижимались к лестнице. Свояк и я подбадривали их снизу и сверху. Дело продвигалось медленно. Я устал повторять, что каждая секунда промедления уменьшала наши шансы на успех. Ужас делал женщин глухими. Наконец, наступила моя очередь. Спускаться вниз с Иу, висевшей на моей груди, было очень трудно. Пару раз я едва не упал, но все обошлось благополучно. Я даже не испытывал страха.

Когда мы подошли к подземному озеру, в моем уме мелькнула мысль, что по развитию сюжета кто-то из нас должен был погибнуть. Если в сценарии имелась тварь, поджидавшая нас в мутной жиже, то она, в конечном счете, должна была получить свою добычу. Я предложил разделить на две группы и максимально быстро пробежать по узким берегам. Расчет заключался в том, чтобы ограничить возможное количество атак. Это минимизировало количество жертв. На женщин было жалко смотреть, но когда мы поделились и с небольшими интервалами помчались бегом друг за другом, они дали нам сто очков вперед. Несмотря на все мои предчувствия, поверхность озера оставалась неподвижной. Когда мы оказались на другой стороне, Евгений с усмешкой спросил меня, куда подевалась мое ужасное чудовище. Я этого не

знал. И мне даже стало обидно, потому что в вопросе Евгения я почувствовал иронию. Похоже, он больше не верил моим словам.

Я повел их в некрозону. Мы шли по темным коридорам, проходя пещеру за пещерой. Флуоресцентный мох почти не давал освещения. Свояк напряженно сжимал автомат и при каждом постороннем звуке вскидывал руку вверх, приказывая нам остановиться. Я начинал раздражаться. Некросов не было. Мы без помех дошли до следующего технического коллектора и не встретили ни одной живой и мертвой души. А ведь я расписывал этот переход, как самую трудную и жуткую часть нашего пути.

- Хорек, ты ничего не напутал?-спросил меня Василий Алексеевич.-Что-то я не вижу монстров, о которых ты говорил.

Ну да, конечно, он снова называл меня Хорьком. Где же эти чертовы некроты? Даже одного из них хватило бы для полного восстановления моего пошатнувшегося статуса. Если бы Свояк их увидел, то он просто наложил бы в штаны. Но мы так никого и не встретили.

- Я не Хорек. Я тот, кто вытащил вас из дерьма.

- Еще не вытащил,- сквозь зубы проворчал Свояк.

Я поднялся по лестнице первым. Люк над головой, приваренный к стальной конструкции технического колодца, был выломан и разорван на куски какой-то невероятной силой. Посмотрев вниз, я увидел Настю и еще трех женщин, которые поднимались по лестнице следом за мной. Евгений, Василий Алексеевич и две девушки стояли на решетчатом дне коллектора. Внезапно они обернулись и отпрыгнули в сторону. Я мельком заметил пять темных фигур, приближавшихся к ним. Это были некроты! Под их темными капюшонами сияли красные глаза. Свояк толкнул к ним двух женщин и начал быстро поднимать по ступеням лестницы. Евгений поднял копье наперевес. Он хотел отогнать страшных тварей от девушек, но те порвали его, как тряпичную куклу. Один из монстров ухватился за ступени лестницы. Увидев это, Свояк ухватился за ногу женщины, которая поднималась перед ним. Он сдернул ее вниз, фактически, швырнув бедняжку на голову некрота. От изумления я отпрянул назад. Поступок моего компаньона не вязался с кодексом паладинов. Ужасно постыдный поступок!

Чуть позже мы оказались на территории гаража. Слева и справа от нас трещали пулеметы. Охрана на вышках у ворот расстреливала слонявшихся вурдалаков. С крыш зданий центральных корпусов, с энергоблока и с козырька над входом гостиницы вели обстрел автоматчики. От грохота выстрелов звенело в ушах. Василий Алексеевич открыл дверь грузовой машины. Он сел за руль и велел дочери занять место рядом. Я торопливо помог двум женщинам подняться в кузов.

- Хорек, дуй в помещение охраны,- закричал Свояк.-Заставь их открыть ворота!

Опять Хорек? Ну, погоди, трусливое ничтожество. Как только мы доберемся до города, я и Иу покинем тебя. Нам не нужна компания предателей.

Хмурый рассвет превратил лучи прожекторов в светлые тени, скользившие по серой земле. Однако ночь ушла еще не полностью. Она оставила множество теней, в которых я чувствовал себя вполне комфортно. Увидев охранника, прильнувшего глазом к окуляру снайперской винтовки, я кастанул чару вызова и заставил его подойти ко мне. Выслушав мою установку, он вяло побрел в помещение охраны. Как я понял, ворота приводились в движение с помощью автоматического управления. Пульт

находился в их сторожке. Я бегом вернулся к грузовику, забирался в кузов и прокричал Свояку:

- Заводи! Ворота сейчас откроются!

Мне больше не хотелось обращаться к нему на 'вы'. Он стал для меня отрицательным 'персом' - предателем, трусом, человеком, который в любое мгновение мог подставить тебя или сдать врагам. Сквозь дыры в тенте я увидел, как створка ворот поехала в сторону. Свояк рванул вперед, лихо выполнил разворот и сбил по ходу движения часть ограждения из проволочной сетки. Машина выехала на бетонную дорогу. Откуда-то сверху по нам застрочил пулемет. Две женщины пригнулись. Их руки цеплялись за скамью и борт кузова. Тент над нами прочертила полоса черных дыр. Затем нас сильно встряхнуло. Оглянувшись, я понял, что мы проскочили ворота. Последняя очередь вылушила несколько щербатых отверстий в деревянном настиле кузова. Иу испуганно цеплялась за меня маленькими ручками. Ее глаза смотрели на меня, задавая безмолвный вопрос. Мы будем жить, вопрошали они. Конечно, будем!

Одна из пуль попала в голову женщины, сидевшей рядом со мной. Кровь и мозги испачкали мне лицо...

3. Танец демона (лог Влады Васильевны Мелиной)

Все прошло удачно. Я даже не ожидала, что наше бегство окажется таким легким. Отец Насти предъявил документы, отнятые в гараже у экспедитора, и конопатый охранник лениво махнул рукой. Массивные ворота открылись. Мы даже не стали прятаться под брезентом. Мотор взревел, машину встряхнуло, и территория института осталась позади. Я брезгливо отодвинулась от чокнутого парня, который сидел рядом со мной, прижимая к груди ребенка-олигофрена. Василий Алексеевич называл его Хорьком. Действительно хорек! Впрочем, без него мы не покинули бы изолятор. Я так и не поняла, как ему удавалось отводить глаза охране. Василий Алексеевич говорил, что это дар свыше. Конечно, самым страшным был спуск на нижние уровни. Хорек нам все уши прожужжал рассказами о жутких чудовищах. Но Василий Алексеевич с самого начала дал нам понять, что у парня серьезные психические отклонения. Внизу мы никого не встретили.

Я искоса взглянула на перепачканное лицо Хорька. Таких людей нужно держать в домах для сумасшедших. Большую часть времени он или ковырял в носу, или катал в пальцах то, что доставал из ноздрей, похожих на две пещеры. И еще он облевал меня! Когда Василий Алексеевич выпустил нас из камеры, этот тупица находился в комнате охраны. Он нажал на какую-то кнопку и, наверное, включил сигнал тревоги. За нами началась погоня. Хорек с перепугу наглотался каких-то таблеток. Ему стало дурно, и в кабине лифта он испачкал мое платье. Когда мы спустились в большую лабораторию, парень упал в обморок, а нас элементарно повязали набежавшие охранники. Что интересно, Хорек наводил на людей морок даже в бессознательном состоянии. Его никто не замечал. Люди едва не спотыкались о распростертое тело, но будто ничего не видели. Мог бы и нас закрыть своим маскировочным полем. Зараза бестолковая!

Меня, Настю и Василия Алексеевича посадили в 'отстойник' - большую, поделенную на две части камеру, где содержались женщины и мужчины. По моим подсчетам, там было человек тридцать, если не больше. Некоторые из

них провели день в медицинском корпусе и вернулись оттуда, накаченные стимуляторами и наркотиками. Вечер прошел в драках и ссорах. Ночью начался свальный грех. Я проснулась от криков и стонов. Сначала мне показалось, что в смежной комнате мужчины насиловали женщин. Я часто слышала о подобных случаях. Не даром пребывание в 'отстойнике' называлось в изоляторе 'случкой'. Василий Алексеевич стоял в открытом дверном проеме и не впускал никого на нашу половину. Даже не знаю, что бы мы делали без него. Точнее, знаю, и мне страшно думать об этом. Он мастерски владел рукопашным боем. В какой-то момент обезумевшие от секса и наркотиков люди - даже несколько женщин - попытались прорваться к нам. Обнаженные, возбужденные, с горящими глазами и оскаленными ртами...

Мы с Настей кричали от ужаса. На нашей стороне было еще пять или шесть нормальных заключенных. Кое-кто из них помогал Василию Алексеевичу, однако силы были на исходе. Затем дверь открылась, и в 'отстойник' вошел Хорек. Я не знаю, где он шлся и что творил, но на его груди висело импровизированное 'кенгуру', в котором находился маленький ребенок. За спиной болтался автомат. Вид оружия утихомирил нападавших маньяков. Они отступили в дальний угол камеры. Или, возможно, Хорек 'включил' свою магию и отогнал от нас извращенцев. Короче, мы выбежали из 'отстойника', и Василий Алексеевич повел нас к лифтам. Я боялась смотреть на девочку-олигофренку. Ее вид вызывал у меня страх и отвращение. Мы расспрашивали Хорька: откуда он ее взял, зачем она ему, не тяготит ли его груз ответственности. Но что с придурка возьмешь? Он сказал, что это дочь его учителя. Я думаю, Василий Алексеевич послал бы Хорька куда подальше, если бы он ни был нам нужен. Этот идиот действительно обладал какими-то чарами. Он наводит морок на охранников, и мы проходили прямо перед ними - в двух-трех метрах. Я сначала жутко нервничала. Мне все время казалось, что вокруг меня шла какая-то игра, в которой 'кошки' забавлялись с 'мышками'. Однако мы без проблем поднялись на нулевой уровень, спустились по грузовому пандусу к зданию медицинского корпуса и вошли в фойе.

Я уже была в том здании несколько раз. Надо мной и еще несколькими девушками проводили эксперимент по вживлению микрочипов. Сами схемы не подключались. На нас лишь проверяли, будут ли материалы, используемые для оболочек и плат, распознаваться физическими приборами. Ученые в шутку называли это технологией 'стэлс'. Я боялась, что позже они включат чип и превратят меня в марионетку. Но, как мне объяснил один инженер, исследования не увенчались успехом. А им не резон было раскрывать себя из-за таких легко находимых имплантантов. У нас ведь пресса не как в Америке, где все пугливо молчит о микрочипах, обнаруженных в телах обычных граждан. У нас, если что, поднялся бы настоящий гам.

Короче, я не знаю, каким образом Хорек отводил от нас взгляды охраны. Мы без приключений прошли через фойе и спустились на лифте в сектор подземных складов. Оттуда через коллектор и несколько тоннелей наш отряд добрался до другого технического колодца, и на рассвете, поднявшись по длинной лестнице, мы оказались на территории гаражей. Там Василий Алексеевич нашел подходящую грузовую машину, в которой спали водитель и пожилой экспедитор. Он отобрал у них документы и запер эту парочку в какой-то камере. Настя села в кабину. Мы с Хорьком забрались в кузов. После этого он все время покачивал на руках спящую девочку и сонно кивал

головой. Вот же чудик! Я буквально извелась от страха и напряжения, а он, знай себе, дремал, как старик на лавочке.

К счастью, последний этап прошел удачно. Мы выехали из ворот и направились в ближайший город. Было около семи часов утра. Наше бегство могли заметить только при пересменке охранников. Таким образом, мы располагали небольшим резервом времени. Вполне понятно, что поиски поначалу будут проводиться только на уровнях изолятора и подвала. Вряд ли в канализационных стоках имелись видеокамеры. Я могла поспорить, что наш отход к гаражам остался незафиксированным. Значит, охране института придется проверить весь подвал, затем казармы, и только позже они найдут связанных мужчин в подсобке автомеханика. К тому моменту мы будем в городе: затаимся где-нибудь или продолжим бегство. Ситуация покажет. С таким умным стратегом, как Василий Алексеевич, мы уйдем от любой погони. Только бы избавиться от Хорька и его ребенка. Вот же два чучела! Сели нам на шею!

Хотя, по правде говоря, я не могла сейчас сердиться на них. Мы покинули место, где меня держали в рабстве. Почти восемь месяцев я томила в камерах изолятора, подвергалась унижениям и использовалась, как донор яйцеклеток. На мне проводили гнусные опыты. Я потеряла веру в справедливость. И вот теперь все закончилось! Все плохое осталось позади. Чувство свободы накатило на меня душистой волной - манящими запахами травы, земли и неба. Мне хотелось плакать. Степь стелилась полотном за кузовом машины, и каждый километр дороги приближал меня к прежней и счастливой жизни. Там снова будут друзья и поклонники, а не утомленные насилием охранники. Там будут цветы и подарки. Нежность и ласки. Любовь...

Я вспомнила тот злополучный вечер, с дискотеккой, таблеткой 'экстази' и двумя парнями, которые флиртовали со мной и расспрашивали о семье и родителях. Их вопросы вызывали у меня смех и восторг. Я смеялась, когда они шептали фривольные глупости. Я смеялась, когда они посадили меня в 'джип' и крепко связали. Липкая лента на губах мешала смеху вырываться изо рта, и он наполнял меня приятной щекоткой. Утром, придя в себя от бездонного сна и головной боли, я поняла, что попала в беду. Меня похитили. Мне хотелось пить. Я буквально сходила с ума от непонятной жажды. Затем две женщины в медицинских халатах отвели меня в другую комнату, взяли анализы крови, мазки и слюну. Меня трясло от страха. Дрожащим голосом я спросила о чем-то, и одна из врачей ударила меня наотмашь по щеке. Они вели себя со мной, как с какой-то зверушкой. Я не услышала от них ни слова - только презрительное фырканье. Напоследок мне сделали укол, от которого я снова потеряла сознание.

На следующий день меня и еще десяток женщин загнали в контейнер трейлера и повезли в неизвестность. Мы сидели в темноте, кричали и плакали, делились сведениями о себе в надежде, что кому-нибудь удастся убежать и добраться до милиции или прокуратуры. Нам казалось, что нас похитили для продажи в сексуальное рабство. Мы тогда еще не знали об институте. Мы не знали, что жили в стране, у которой было второе скрытое лицо - не телевизионное, не парадно-газетное. Эта вторая личина была беспощадно жестокой. Ее воплощали в себе военные и медики. Когда на Западе появился СПИД, наши ученые изучали иммунный дефицит, инфицируя младенцев в родильных домах. Когда США обогнали России в гонке вооружений, они решили создать 'асимметричное' оружие - мутационную чуму, которая превращала бы людей в безумцев, одержимых

сексом. Один из институтских докторов бахвалился мне: 'Мы заставим этих недоносков сношаться каждую секунду. До обмороков! До потери сил! Кто тогда у них нажмет на 'красную кнопку'? Кто будет следить за показаниями радаров? Кому из них в голову придет мысль об обороне, когда единственной целевой установкой будет секс и только секс!' Но для этого оружия им требовались подопытные люди. 'Материал' набирали не в Америке, а среди своих - среди россиян. Он набирался без спросу, без компенсаций и без огласки. Нас похищали и объявляли пропавшими без вести. Печальная история, и жаль, что мой случай не был особенным. В институтских подвалах я видела сотни подобных людей.

Девчонка в руках Хорька издала отвратительный скрежет и захныкала. Я зажала ладонями уши. Никогда не слышала, чтобы ребенок так невыносимо плакал. Ее голос выворачивал меня наизнанку. Хорек проверил тряпки и шаль, в которые была завернута его подопечная.

- Сухие,- изумленно констатировал он.-Почему же она плачет?

- Наверное, хочет есть,- ответила я.- Или пить.

Он повернулся к окошку кабины и простучал по стеклу. Василий Алексеевич сделал вид, что не замечает стука. Между прочим, зря. Он мог бы понять, что в кузове, с этим плачущим ребенком, сидела я. Он мог бы войти в мое положение. Девчонка загнусавила еще громче. Я заметила, что оконное стекло покрылось трещинами. Видимо, Хорек разбил его, пока стучал. Хотя трещины позже появились и на ветровом стекле. Василий Алексеевич резко затормозил, открыл дверь и привстал на ступеньке кабины.

- В чем дело, Хорек? Хочешь дальше идти пешком? Заткни ей пасть, или я высажу вас к чертям собачьим на обочине.

- Девочка хочет кушать,- попытался объяснить наш спутник.- Она маленькая. Она плачет, потому что голодная. Я не буду затыкать ей рот. Мы могли бы остановиться в каком-нибудь поселке у магазина...

Он вдруг отшатнулся, словно вместо Василия Алексеевича увидел какое-то чудовище. Хорек без слов поднялся со скамьи и попросил меня поддержать ребенка, пока он будет спускаться на землю. Я переборола отвращение и взяла визжащий сверток.

- Жора?- вскричал Василий Алексеевич.-Ну, что ты обиделся? Я же пошутил. Куда ты с ней пойдешь?

Хорек протянул ко мне руки, и я отдала ему маленькую девочку. Он прижал ее к груди и, не оглядываясь, зашагал прочь от дороги - прямо в степь, к далекой полосе деревьев. Я обернулась и посмотрела на отца Насти. Ситуация развивалась неправильно. Мы могли бы довезти Хорька до города. Я как-нибудь перетерпела бы скрипучий плач ребенка.

Лицо Василия Алексеевича ничего не выражало. Похоже, ему действительно было плевать на чужие проблемы. Он бежал от плена и рабства. В таких случаях каждый сам за себя. Меня удивили широкие залысины над его ушами. На миг мне показалось, что вчера их не было. Или я просто не заметила - варилась в котле тревог и смотрела на мир через фильтры страха.

- Ну, и черт с ним,- проворчал Василий Алексеевич.-Так, пожалуй, даже лучше. Сам виноват. Эта девчонка привлекла бы к нам излишнее внимание.

Он сел в кабину, и мы поехали дальше. Фигура Хорька уменьшилась и превратилась в точку. Он, конечно, здорово помог нам, но мы сейчас находились в положении беглых преступников. Институт подключит к поискам весь административный ресурс: милицию, прокуратуру, законопослушных граждан. Тут придется прятаться, отказывая себе во

многих вещах. А его малышка была слишком заметна. От ее плача трескались стекла. Как с ней скроешься от посторонних глаз? Прости, Хорек, но нам не по пути. А что так расстались, то Василий Алексеевич правильно сказал: сам виноват.

Я посмотрела в заднее окно кабины. Настя сидела, как статуя. Ее тело покачивалось, когда машину трясло на буграх, однако это были движения большого манекена, а не человека. Наверное, она задумалась о чем-то, или ее ввели в транс широкая степь и дорога. Из-под грязных волос проглядывали кончики ушей - заостренные и длинные, как у киношных эльфов. Интересно, что раньше я не замечала этого дефекта, хотя мы прожила в одной камере почти три месяца. Я наклонилась и посмотрела на ее отца. Таких залысин у него точно не было. От короткого 'ежика' седых волос осталась только широкая полоса, ото лба до затылка, словно белый гребень.

Что происходит, черт возьми? Я четко помнила, что уши у Насти выглядели иначе; что прическа ее отца радикально отличалась от этой. Но где-то внутри меня сладкий голос говорил, что в данной ситуации такие мелочи не важны. В данной ситуации я должна держаться рядом с ними. Меня могли защитить только сила и опыт Василия Алексеевича. А чтобы добиться его расположения, мне следовало вести себя ненавязчиво и дружелюбно. Хотя уши у Насти были еще те!

Мы остановились в небольшом поселке у магазина. Я не понимала, зачем нужно было гнать Хорька. Он, между прочим, просил именно об этом. Парень хотел достать еды для девочки...

Василий Алексеевич вышел из кабины. В его руках был автомат. Он набросил на него пиджак, заимствованный у экспедитора. Настя постучала в окошко и велела мне оставаться в кузове. Она поспешила следом за отцом. Я горестно вздохнула. Автомат предполагал ограбление. Жизнь превращала нас в преступников. Но мы находились в безвыходном положении. Я просто не видела других вариантов. В городе нам обязательно понадобятся деньги, новая одежда, пища и кров. Если мои спутники возьмут часть выручки, мы сможем продолжить наше бегство. Снимем квартиру, отсидимся дней десять, пока не уляжется шум, а затем купим билеты и разведемся по домам. Возможно, я вообще подамся в Белоруссию, к бабушке. Сейчас нам просто нужны были деньги. С другой стороны, налет на магазин мог вывести охрану института прямо на наш след. Учил ли это Василий Алексеевич? Скорее всего, да. Он долго служил в армии и многому там научился. Мне повезло, что я примкнула к ним.

Мои спутники подошли к магазину. Дверь была закрыта, но рядом уже слонялись местные жители. Два алкаша, с 'горящими трубами', смотрели через витрину в торговый зал. Дородная женщина средних лет сидела на крыльце и щелкала семечки. Два парня и девушка шептались о чем-то и подсчитывали собранную в карманах мелочь. Обычно утро у магазинчика сельпо. Неподалеку на поле паслись два коня и корова.

Когда магазин открылся, Василий Алексеевич и Настя вошли в зал последними. Через минуту, услышав приглушенный крик, я вдруг поняла, что ужасно хочу в туалет. Это было наказанием всей моей жизни. Как только возникал серьезный момент, когда любая секунда начинала иметь решающее значение, мой организм превращался в злобного врага. Экзамены, свидания, спортивные мероприятия. Сколько нелепых и обидных ситуаций... Я решила справить нужду в кузове, а затем прикрыть следы своей неводержанности большим куском брезента. Небольшой сюрприз для институтских сыскарей.

Я увидела, что из магазина вышли трое - Василий Алексеевич, Настя и девушка, которая раньше была с двумя парнями. Женщины несли сумки. Наверное, продукты и одежду. Они передали мне их через задний борт. Затем я помогла Насте забраться в кузов. Ее отец и незнакомая девушка сели в кабину. Заметив мой вопросительный взгляд, Настя пояснила, что нашу новую спутницу звали Татьяной. У ее двоюродного брата имелся дом на окраине города. Район примыкал к железнодорожной станции. Рядом находились свалка и завод, вечно чадающий кислотными дымами.

- Как раз то, что нам нужно,- подытожила Настя.-Место почти безлюдное.

- А почему она согласилась нам помочь?-спросила я.-Мы ее совершенно не знаем.

- У нее не было выбора. Не волнуйся. Она нас не выдаст. В той сумке одежда. Переодевайся.

- Вас видело столько людей... Как они отнеслись к ограблению?

- Хорошо отнеслись. Помогли собрать вещи и продукты.

- Я слышала крик.

- Да,- ответила Настя.- Продавщица закричала, когда увидела автомат. Но все закончилось нормально. Чем тут пахнет?

Я кивнула на брезент и солгала:

- Это Хорек.

Настя приподняла край и поморщилась.

- Ох, уж эти люди!

Я усмехнулась. Откуда столько пафоса, подруга? Неужели ты забыла, как три недели назад пятеро охранников затащили тебя в душевую? Как ты рыдала после этого у меня на груди? Как ты мучилась поносом? А теперь, ой-ой-ой, как мы губки поджали!

Машина снова помчалась по дороге. Я сбросила робу, вытерла ею ноги и надела шелковые трусики. Бра, блузка, белые носки, короткая юбка. Все вещи были другого размера. Все болталось и норовило упасть, но я буквально млела от блаженства.

- А ты почему не переодеваешься?

- Позже,- ответила Настя.-Еще успею.

- Странно, что все прошло так гладко. И одеждой вас снабдили, и домик предложили. Тебе не кажется это подозрительным?

- Не кажется. Успокойся, Влада. Ты с нами, и тебе не о чем тревожиться. Открой вторую сумку.

Я хотела задать ей очередной вопрос, но, увидев колбасу и сыр, забыла обо всем на свете. Булочки с изюмом! Рыбные консервы! Две бутылки вина! Сигареты!

- Настя! Я сейчас все это съем и выпью! Хочешь что-нибудь?

- Нет,- ответила она.-Я должна кое-что обдумать. Не мешай мне, пожалуйста.

Ну и дура! На сытый желудок люди думают гораздо лучше. Особенно, когда вместо жидких каш и водянистых супчиков перед тобой появляются продукты, которых ты не видела долгое время.

- А можно я открою бутылку вина? Пить очень хочется.

- Конечно, открывай. Пей, не стесняйся.

Я чувствовала в ее поведении какую-то странность. Она вела себя неестественно - не как та Настя, которую я знала. Если бы не моя зависимость от Василия Алексеевича, я бы растормошила ее, вырвала из омуты мыслей и заставила вспомнить, кем она была. Но сладкий голос внутри

меня говорил, что это не важно. Вот колбаса и сыр. Вот вино. Оставь ее в покое. Набей рот едой и жуй, пока не за заломят скулы. Наслаждайся и не мешай другим. Я посмотрела в заднее окно кабины. Незнакомая девушка сидела, откинув голову назад, слегка повернувшись в мою сторону. Ее глаза были закрыты. Пуговицы блузки расстегнуты сверх мер приличия. Рука прижата к груди. Неужели сердечный приступ? Наверное, испугалась мужчины с автоматом... Нет. Я увидела, как кончик ее языка скользнул по сладко приоткрытым губам. Она не прижимала руку к сердцу. Она поглаживала и пощипывала сосок, а ее вторая рука кружила по внутренней части бедер. О, черт! Она мастурбировала прямо под боком у Василия Алексеевича!

Девушка открыла глаза. В них зияла пустота, от которой мне стало дурно. Возможно, это был обман зрения или игра теней и света. Возможно, я просто сходила с ума от внезапной свободы. Меня потрясло, что у незнакомки отсутствовали белки. Глаза казались полностью черными, словно зрачки расширились и заняли все доступное пространство. В них выделялись градации темноты, я не могла смотреть на них. Меня тошнило. Я повернулась к Насте и дернула ее за руку, собираясь рассказать о странных зрачках нашей спутницы. Мое тело дрожало, я задыхалась от страха. В ушах появился звенящий шум. Настя посмотрела на меня и медленно кивнула головой. Еще один раз и еще. Я почувствовала, как мои волосы встали дыбом. Я знала, что безнадежно сошла с ума, что мне нужно было бежать вместе с Жорой, что эти твари погубят мою душу...

Глаза Насти превратились в такую же черную бездну. Я начала терять сознание. Бывшая подруга вытянула руку, больно сжала пальцами мое горло и с невероятной силой притянула меня к себе. Ее рот раскрылся, аккуратные зубы ощерились в свирепом оскале. Я больше не могла контролировать позывы к рвоте. Куски колбасы и сыра, красное вино, желчь страха и брызги отчаяния вырвались из меня, хлестнув струей в щеки Насти, в ее рот и черные глаза. Она отшвырнула меня в угол кузова и замерла в прямой и неподвижной позе, не потрудившись даже вытереть лицо. Тьма закружила меня в вихре обморока, и последняя мысль замкнулась в бредовую петлю: Вот и попала... Вот и пропала... Я погружалась в большой черный зрачок. Я тонула в нем на века. Пропала... Пропала...

Когда Настя разбудила меня, солнце стояло почти в зените. Моя голова гудела, как колокол. В животе перемещались узлы боли.

- Что со мной?

Настя с усмешкой посмотрела на меня. Ее зеленые глаза сияли озорными искрами.

- Ты выпила бутылку вина. Почти без закуски. А мы ведь не ели два дня. Естественно, тебя повело. Я уговаривала тебя не налегать на портвейн, но ты не слушала меня и все время болтала о своем парне. Что, мол, вернешься домой, затащишь его к себе и больше не выпустишь из кровати. Затем тебя стошнило, и ты заснула. Пару раз я слышала, как ты шептала про черные глаза. Наверное, тебе снился твой любимый.

- Черные глаза?

Я смутно помнила образ из сна. Кто-то сжимал пальцами мое горло и не давал дышать. Кто-то медленно кивал головой - снова и снова. Там действительно были черные глаза, которые уносили меня в бездну отчаяния.

- Мы сейчас на окраине города,- сказала Настя.- Отец нашел брошенный дом. Мы спрячемся в нем на пару дней. Вставай и помоги мне отнести эти сумки.

Я покорно взобралась на задний борт, затем спустилась на землю и приняла из рук подружки две сумки.

- А где та девушка?-спросила я.-Кажется, Татьяна?

- Какая Татьяна?

- Из магазина. Она сидела в кабине с твоим отцом. Ты говорила, что у нее есть двоюродный брат, который живет около завода и свалки.

- Да, свалка рядом. И какой-то завод. Вон, видишь, трубы дымят на полнеба. Но я не знаю никакой Татьяны. И я пересела в кузов, чтобы тебе не было скучно. Похоже, ты путаешь сон с реальностью.

- Как странно.

Мы подошли к деревянному дому с мезонином. На вид он не казался брошенным. Чистые стекла. Клумба с цветами. Несколько яблонь с побеленными стволами. Огород, забор, наполовину выкрашенная ставня, от которой пахло свежей краской. Василий Алексеевич вышел из пристройки и запер дверь на висячий замок.

- Пойду, отгоню машину в какое-нибудь укрытие,- сказал он дочери.- Еще, возможно, пригодится. А вы сидите дома и никуда не выходите. Для местных мы чужие люди. Если кто-то из них заподозрит неладное, нам придется искать другое место.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

- Голова не болит? Вино, видать, паленое?

Я жалобно поморщилась.

- Будь осторожна,- сказал он, глядя мне в глаза.- Никуда не выходи. Нам нужно переждать несколько дней. За это время я выясню ситуацию в городе и позабочусь о билетах на поезд. Сначала мы уедем в Москву. Там нас никто не найдет. А уже оттуда направимся по домам - каждый своей дорогой. Но пока будь ниже травы. Договорились?

Я кивнула. Мне было обидно, что он считал меня слабым звеном - невожатанной девушкой, склонной к пьянству.

- А где хозяин дома?-спросила я у Василия Алексеевича.-Он не будет против нашего присутствия.

- У этого дома больше нет хозяев,- ответил отец Насти.- Ты же знаешь, какое сейчас время. Люди теряются без вести. Кто-то возвращается, как мы, но остальные пропадают навсегда. Не думай об этом, девочка. У нас и так проблем хватает.

Он посмотрел на пристройку и задумчиво потер разбитые костяшки пальцев.

- Ладно, я спрячу машину и скоро вернусь. Помоги Настене по хозяйству.

Я понесла сумки в дом. В уютной гостиной пахло борщом и жареным мясом. Казалось, что хозяин прервал обеденную трапезу, вышел на стук и потерялся без вести. Пропал навсегда, как сказал Василий Алексеевич. Возможно, он лежал сейчас в пристройке или под брезентом в кузове грузовика. Я не знала этого. И я боялась предполагать какие-либо варианты. Молчание - золото. Если мы через неделю приедем в Москву, я сбегу от Насти и ее отца, найду свою родню, которая обитала в столице, и начну жизнь по-новому.

- Влада?-позвала Настя.-Хочешь кушать? У нас есть борщ и жаркое.

- Я плохо себя чувствую. У меня болит голова.

- Можешь полежать часок-другой. Поднимайся наверх. Там в мезонине уютная спальная.

Я подошла к лестнице и уныло спросила:

- Ты не знаешь, здесь есть душевая или ванная?

- Вечером истопим баньку. Она в пристройке, но отец пока закрыл ее на ключ. Он оставил там автомат.

Я отправилась осматривать спальную комнату. Ничего себе брошенный дом! Здесь даже пыли не было. Аккуратно заправленная постель, чистое белье в шкафу, халаты и летние платья на вешалках. Я увидела на стене фотографию - семейная пара средних лет. Что с ними сделал Василий Алексеевич?

В голове шумела тоскливая вьюга. Я прилегла на кровать и закрыла глаза. Возможно, через неделю мне удастся добраться до дома. Каждый час, проведенный во сне, приближал мою встречу с родными. Воспоминания о маме приглушили боль. Я начала видеть образы знакомых мест: пологий берег реки; лес, в котором мы собирали грибы и ягоды; широкий двор, где у забора под навесом рядом с клетками кроликов стояла старая мебель, тумбы и шкафчики...

На фоне этой приятной картины появилось пятно черноты. Из него прорастала зловещая тьма. Она тянула ко мне сотни крохотных отростков. Они рвались из пятна наружу, вызывая в голове давление и боль. Я снова вернулась к образу родного дома. Мама пекла пироги. Два попугайчика сидели в клетке. Покой и мир, которыми я так пренебрегала прежде. Но тьма уже сочилась сквозь щели в половицах. Она поднималась вверх, как туман, искажая очертания предметов. Я вызвала образ класса в училище - доску с плохо вытертыми формулами, шкафы с учебными пособиями, смеющихся друзей. Однако половина помещения уже тонула в черноте, которая вливалась в два окна. Мои однокурсники медленно кивали головами, и их глаза наполняла бездонная мгла.

Это был просто сон. Тревожная прелюдия кошмара. Возможно, зловещая тьма выражала мой страх, а напряжение в груди имело отношение к усталости. Что-то не давало мне уснуть. Какое-то чувство настоящей потребности. Я открыла глаза и медленно поднялась с кровати. Мир качался. Тело дрожало. Я очень хотела... Но что?

Мне удалось спуститься по лестнице. За окнами стоял погожий день. В окна бил яркий солнечный свет, а меня распирала изнутри темнота. Она рвалась наружу и наполняла тело холодом. Странное чувство тяжести, липкости, беды. И тут же рядом надежда на избавление от хвори. Исцеление ожидало меня там - за дверью, за невысоким забором, за соседним огородом, за стеной того домика с белыми стенами...

Оказалось, что Василий Алексеевич уже вернулся. Неужели мне все же удалось заснуть? Мы сели к столу. Настя наполнила тарелки. Однако мой кошмар продолжался. Еда не лезла в горло. Никому. Еще день назад мы могли только мечтать о такой вкусной пище. А сейчас я попробовала борщ, попробовала мясо и отодвинула тарелки. Василий Алексеевич и Настя поступили так же. Мы не чувствовали голода. Точнее, голод был, но другой - необъяснимая и смутная необходимость, которая томила меня, толкала на поиски чего-то непонятного.

- Наверное, это от утомления,- предположил Василий Алексеевич.- Нам просто нужно немного отдохнуть. Тогда вернется аппетит и настроение.

- Нет,- хрипло ответила Настя.- Я бы лучше погуляла.

Из щелей между половицами сочилась тьма. Ее щупальца тянулись к нашим ногам. Я чувствовала ее леденящую вибрацию. Она как будто пожирала меня, вызывая во мне неясные желания.

- Нам нельзя выходить из дома,- напомнил Василий Алексеевич.-Но... возможно, ты права.

На миг его глаза стали черными. Казалось, что мрак наполнил его голову и обосновался внутри глазниц. Я не успела испугаться, потому что мысль о прогулке показалась мне удивительно правильной. Станный голод гнал меня на пыльную дорогу, тянувшуюся между домами, огородами и чахлыми садами.

- Тогда пойдем втроем,- прошептала я.

Мои дрожащие пальцы впились в столешницу. Меня трясло от возбуждения и непонятного желания. Настя выглядела не лучше.

- Я знаю, что мне нужно,- сказала она.- Мы должны найти кого-нибудь...

Василий Алексеевич встал из-за стола. Окинув нас оценивающим взглядом, он хрипло произнес:

- Я тоже голоден, но было бы разумнее подождать до вечера.

- У меня мало сил,- возразила Настя.-Я не сдержусь. И Влада может потерять контроль.

А я уже его теряла! По моим щекам текли слезы. Неясный зов тянул к себе, как магнит. Неподалеку находился человек, который был нужен мне; который ждал меня. Я не могла больше медлить. Он нуждался во мне, в моем присутствии. Наши жизни вращались вокруг одной и той же черной дыры, которая хотела сплавить нас в единое целое.

- Хорошо,- ответил Василий Алексеевич.-Собирайтесь. Я пока выпущу ищеек.

Настя подошла ко мне и, обняв, зашептала:

- Это голод, Влада. Я впервые почувствовала его после того, как нас поместили в 'отстойник'. Затем все повторилось, когда мы с отцом зашли в магазин. Там были люди, которые умоляли нас изменить их жизни. Они устали от пьянства, нищеты и беспросветной скуки. Они хотели цели и благоговения. Я почувствовала, как огромная сила вышла из меня и наделила этих жалких существ подобием своего невыразимого величия. С каждым новым человеком, приобщенным к нашему единству, мой голод слабел, оставляя во мне невыразимую эйфорию. Я даже испытала оргазм. И я могу тебе сказать, что отец переживал такие же чувства.

Она указала мне на круглое зеркало, висевшее в простенке между оконными рамами.

- Посмотри на себя.

Я шагнула к зеркалу и отшатнулась. На меня смотрело незнакомое лицо. Синеватая кожа, заостренные кверху уши, черные глаза. Глаза моего голода.

- Это наш новый облик,- подтвердила Настя.-Теперь у нас два лица. Мы можем менять их. Мы можем быть прежними и такими, как сейчас. В отличие от них.

Она кивнула в направлении окна. Я посмотрела во двор и увидела ищеек, которых Василий Алексеевич выпустил из пристройки. Это были Татьяна и ее родственники - супружеская пара, уже знакомая мне по фотографии в спальней. Прежние хозяева дома непрерывно принимали к воздуху и проявляли признаки нетерпения.

- Они не похожи на нас,- сказала Настя.-Мы - обитель силы, а они - пути, по которым она распространяется. Скоро ты сама это поймешь.

И я действительно поняла, о чем она говорила. Когда мы подошли к соседнему дому, 'ищейки' уже хозяйничали внутри. Я увидела, как они повалили на пол старика, как закивали головами. Что-то огромное вырвалось из моей груди и, скользнув по новой жертве, вошло в меня снова. Эта сила наполнила мое тело восторгом и сексуальным возбуждением. Я застонала от трепещущей волны блаженства.

Старик поднялся на ноги, бормоча невразумительные фразы. Он вяло указал рукой на дверь в другую комнату. Но мы и без него уже чувствовали свежую плоть. В небольшой светелке находилась его дочь - беременная женщина лет сорока, с взъерошенными крашеными волосами. Через минуту она поднялась с постели - как была, в сорочке, босиком - новая 'ищейка' на пике голода, готовая идти, искать, кусать. Когда мы выходили из дома, во двор вбежал мальчик - очевидно, сын этой женщины. Я сразу поняла, что он был 'отверженным'. Мы не могли приобщить его к силе.

- Мама?-испуганно крикнул он.-Деда? Почему вы такие?

'Ищейки' бросились к нему, как свора псов за кошкой. Он отпрыгнул в сторону, побежал к сараю. Погоню за ним замыкали старик и беременная мать. Печальная проза жизни. Даже добрые боги мировых религий пускали в рай лишь избранных. Кто-то всегда оставался отверженным. Я не могла печалиться об этом. Волна эйфории подталкивала меня к границам разума.

Мы вошли в следующий дом. Крики девочки, угрозы ее отца, два выстрела, тело убитой 'ищейки', лица с окровавленными ртами, останки человеческого тела...

Видения плыли у меня перед глазами. Я изнемогала от сладостного наслаждения. Полоски тьмы сливались в фигуру мужчины. Он походил на Василия Алексеевича, но был другим. В его руках извивалась Настя. Черные глаза, тугое тело, натянутое, как тетива, в спазмах страсти. И было неважно, что когда-то их объединяла другая родственная связь. Рядом с ними в тисках сексуального жара корчился люди - мужчины и женщины, молодые и старые. Некоторые из них были перепачканы кровью 'отверженных'. Со всех сторон к нам стекались новые 'ищейки'. Ядро силы набирало вес. Оно притягивало к себе каждого, кто оказывался в пределах наведенного поля. Я чувствовала его пульсации, его настоятельный зов. С каждым пополнением ядро насыщалось. Все больше 'отверженных' находило свой конец. Одержанье душ начинало превращаться в череду бессмысленных убийств. Мы должны были остановиться. Я оттолкнула от себя двух мужчин и на дрожащих ногах вернулась в дом, который мы облюбовали прежде. Тьма по-прежнему кипела во мне, но теперь в ней чувствовалось другое качество. Лень и нега. Абсолютное безразличие ко всему на свете. Я закрыла глаза и утонула в черноте.

Мне снился сон, в котором я проснулась от выстрелов. За окнами стола ночь. На потолке змеились отблески пожара. Я чувствовала себя грязной и оскверненной. Запах секса и крови вцепился в ноздри, вызывая легкую тошноту. Почему все это случилось со мной? Неужели ученые в институте добились своего и превратили меня в ходячее влагище? Я вспомнила вопившего от ужаса мальчика, который убегал от беременной матери и хромого деда. Я вспомнила их окровавленные рты после того, как они вернулись из сарая. Какой кошмар! Ученые сделали из нас не только сексуальных извращенцев! Они породили племя безжалостных чудовищ!

Я спустилась вниз по лестнице, переступая через тела спавших 'ищеек'. Их было больше сотни. Некоторые из них поднимались и шли следом за мной. Во дворе собралась целая толпа. Мы не чувствовали голода, но мое присутствие возбуждало 'ищеек'. Они, как ручные животные, ластились ко мне и выражали готовность исполнить любой приказ.

В конце улицы перед поворотом на свалку горели два дома. У обочины были брошены три милицейские и две пожарные машины. Я заметила 'ищеек' в форме МЧС. Редкие выстрелы доносились со двора, где бушевал пожар. Наверное, кто-то из милиционеров оказался 'отверженным'. Наши слуги начали погоню, и жертвам пришлось отстреливаться.

- Влада, мы здесь!-прокричал Василий Алексеевич.

Я обернулась и увидела на улице еще одну толпу. Во главе ее шагали мои компаньоны. На них почти не было одежды. Тело Василия Алексеевича изменилось. Он стал выше ростом. На плечах проросли костяные наросты - словно эполеты с длинными колючками. Лицо напоминало зловещую маску. Клыки нижней челюсти поднимались почти до широких ноздрей. А Настя, наоборот, стала тонкой и сутулой. По бокам, от подмышек до бедер, на обнаженном теле появилась бахрома светло-желтых волос. Раскосые глаза, заполненные чернотой, источали лютую злобу. Из-под короткой юбки проглядывали щупальца, по которым я узнала в ней Листиду - демонессу Восточных пустошей.

Вспомнив ее, я содрогнулась от шквала информации. Перед моим мысленным взором пронеслись ландшафты ада, в котором нас заперли отцы инквизиции. Крохотный мир, заполненный сонмами голодных демонов, ведьм и колдунов. Накипь зла, некогда снятая с этого мира. Но мы вернулись! Мы вырвались! Трепещите, смертные! Сила владыки осталась с нами, и, значит, нам предстояло возвестить о его скором пришествии.

- Василий Алексеевич... Ва... Ваал!

Он простер руки к темному небу и ликующе захохотал. Длинные когти его пальцев скоблили звезды, появлявшиеся в клубах дыма.

- Мы снова здесь, Валада. Пятивековое заточение закончилось! Губитель душ открыл нам путь!

- Все тот же губитель душ?

- Конечно. Наше время движется вперед, а он возвращается в прошлое.

В последний раз губитель призвал нас в этот мир в 1349 году. Шестнадцать демонов и демонесс разошлись в восьми направлениях. Отголоски той резни душ ощущались до середины восемнадцатого века. Реальный отпор христианская церковь дала лишь в пятнадцатом веке. Последних двух демонесс, в которых обитала сила владыки, инквизиторы уничтожили в 1540 году. Для относительно полной ликвидации одержимых 'ведьм' и 'колдунов' церковникам пришлось уничтожить уйму людей - официально, девять миллионов женщин и два миллиона мужчин; неофициально тридцать восемь миллионов. Средне статистически, по сто девяносто тысяч 'ищеек' ежегодно. Больше пятисот человек в день!

Мы никогда не встречались с губителем душ персонально. Он был параллельной силой. Его цель существования имела отношение к давней борьбе двух богов: Гора и Сета. Лишь наследники той древней культуры могли перемещаться в обратных потоках времени. Губитель душ воплощал намерения Гора. Дети Сета, небольшие партии 'собирателей душ', шли в прошлое для решающей битвы за утраченную некогда гармонию. Какими бы ни были их чаяния, Золотой век пал под копытами Гора. Его всевидящее око стало символом всех правящих элит. Чтобы удерживать цивилизацию в узде,

он отправил в далекое будущее трех верных слуг, губителей душ, и они, возвращаясь назад, исправляли опасные отклонения истории.

Время от времени один из них помогал нам ускользать из заточения. Мы были уязвимой расой существ: бессмертной, но нетерпеливой и ужасно ранимой. После диверсии Соломона наша численность в Малькуте, в мире физической реальности, всегда оставалась строго ограниченной. Земные властители не желали повторять ошибки Сета, впустившего в свою обитель армию родного брата. Легионы демонов томились в унылом крохотном пространстве. Однако раз за разом служитель Гора выпускал нас в мир для очередной резни, и тогда мы стремились создать плацдарм для более массированного внедрения в реальность.

- Что дальше?-спросила я у своих спутников.

Ваал указал на три огромные трубы, из которых извергались клубы дыма.

- Этим вечером мы поведем 'ищеек' на завод. Устроим небольшую экскурсию.

Я лязгнула зубами и осмотрела свои синие руки, похожие на щупальца осьминога. Мой живот округлился, грудь обвисла, на ногах появились привычные когти. Оперение на голове дрожало под порывами ветра.

- Что-то не так?-спросил Ваал.

Он знал о моей невероятной интуиции. Владыка не зря остановил свой выбор именно на нас троих. Ваал был воином и стратегом. Листида славилась безумной жестокостью. Она наводила на людей такой страх, что иногда превращала их в камень. Я обладала мудростью и предвидением.

- Когда губитель душ открыл портал, в него должны были войти семь демонов. Одного из них постигла неудача. Я имею в виду того, кто пытался воплотиться в теле пожилой женщины. Перенос закончился отторжением. Началась обильная потеря крови. Судя по всему, он вернулся обратно в чертоги владыки. Еще один сородич вошел в тело Хорька. Результат воплощения не ясен. Парень был невменяемым. Нам нужно узнать о его дальнейшей судьбе. В этом мире каждый демон на счету. Но самую большую тревогу у меня вызывают два остальных существа. Они оказались мутантами. Мы не знаем, как это отразилось на внедрении. В худшем варианте нас будет только трое. То есть, мы лишимся большей части силы нашего владыки. Впервые в истории миссию по захвату мира начинают три демона, а не семь и не шестнадцать. Это тревожит меня.

- Не печалься. У нас уже есть опыт. Мы устроим мир такой одержимостью, от которой не будет защиты.

Выстрелы смолкли. Наверное, у отверженных милиционеров закончили патроны. На дороге рядом с горевшим домом остановилась машина 'скорой помощи'. Я видела, как свора 'ищеек' вытащила из кабины медицинскую сестру и водителя. Женщина звала на помощь. Затем ее крик оборвался на пронзительной ноте. Врач заперся в фургоне. Я могла предсказать, что он сейчас звонил на станцию и выкрикивал в мобильный телефон последние слова. Пара 'ищеек' в форме пожарных выламывала топорами ветхие двери фургона.

- Мы разделимся на три группы,- сказал Ваал.-Ты отправишься на железнодорожный вокзал. Я поведу основную часть 'ищеек' на завод. Это увеличит нашу численность. Листида начнет продвигаться дальше по окраинам города. Утром встретимся здесь и оценим ситуацию.

- Когда, по-твоему, они подключат армию?

- Возможно, уже завтра утром. Но к тому времени мы переместимся в центр и захватим этот город.

- Тогда за дело.

Листида издала зов. Почти полсотни ищеек помчались в указанном направлении. Ее маленькая армия двигалась к спальному микрорайону, где возвышались кирпичные пятиэтажки и бетонные девятиэтажные здания.

- Счастливой охоты, сестра.

Ваал прокричал приказ, поделив оставшихся слуг на две части. Он повел свою группу к заводу. Я с усмешкой посмотрела на трубы, чадающие дымом. Скоро они перестанут загрязнять атмосферу. Пусть это будет нашим вкладом в экологию города.

Моей целью был вокзал, который находился в полутора километрах. В окружении группы 'ищеек' я вышла к железнодорожным путям и двинулась вдоль насыпи. Наверное, со стороны мы выглядели, как шутовское воинство, состоявшее из полуодетых людей. Хотя среди нас были милиционеры, пожарные, рабочие свалки в синей и зеленой форме. Мои слуги вынюхивали воздух. Те, кто присоединился к нам недавно, бормотали невразумительные фразы. Дети бежали впереди. Колонну замыкали инвалиды - хромые, в колясках и на костылях.

Я почувствовала отзвуки нарастающей силы. Листида пополняла массу нашего ядра. Если прежде мы трое могли переварить лишь пару дюжин душ, то сейчас, когда численность слуг достигла нескольких сотен, поток воздействия бурлил как мощная река. А если бы план владыки удался, и нас было бы шесть или семь! Мы поглотили бы этот город за сутки! Через месяц масса собранных душ позволила бы открыть портал, и к нам устремились бы тысячи демонов!

Во мне поднималась эйфория. Увидев догонявший нас поезд, я выпустил из себя поток силы, и он вернулся ко мне жаркой волной. Состав проехал мимо. Он уже тормозил, подъезжая к станции. Пассажиры у окон махали нам руками. Через мгновение раздался скрежет тормозов. Еще через минуту двери поезда открылись. Кто-то из новых 'ищеек' спрыгивал со ступеней на насыпь и бежал навстречу, горя желанием приблизиться ко мне и войти в шлейф моего присутствия. Другие расправлялись с 'отверженными', крики которых доносились из купе. Над нашими головами пролетел вертолет. Я коснулась его щупальцем силы. Машина резко пошла вниз и упала на пути рядом с пироном. Взрыва не было - только части хвоста пробili бреши в толпе людей, встречавших поезд.

Я видела, как на вокзале началась паника. Кого-то уже втянуло в поток демонической силы. Две женщины и их дети набросились на рослого мужчину, и он отбивался от них, сначала деликатно, затем с испуганным ошеломлением, и далее, с неистовством раненой жертвы. Повсюду звучали истеричные крики. Моя эйфория все больше наполнялась сексуальным возбуждением. Когда я вошла в здание вокзала, там, на бетонном полу, среди кровавого месива, оставшегося от 'отверженных', извивались десятки людей, поглощенных неодолимой страстью. К ним присоединялись все новые и новые 'ищейки'. Наступал миг экзальтации. Крики ужаса и боли сменились стонами и томным рычанием. Я оттолкнула наглого подростка, схватившего меня за грудь, и направилась к выходу. За широкими ступенями простиралась привокзальная площадь, и дальше начиналась деловая часть города. Стоянка такси пустовала. За деревьями в сквере прятались фигуры автоматчиков. На обоих концах проспекта стояли 'бэтээры'. Я потянулась к

ним лучами силы, но снайперские выстрелы пробили мое тело в трех местах. Мне пришлось вернуться в здание вокзала.

Нас, бессмертных, пули не пугали. Другое дело, если бы меня убили в момент спячки, когда я находилась бы в человеческом теле. В прошлый раз нас так и изгнали из этого мира. Мне не помог даже статус графини. Интересно, когда они додумаются до создания военных отрядов из числа 'отверженных'?

Разбрызгивая синюю кровь и переступая через спаривавшиеся тела 'ищеек', я вышла на пирон. Прямо у дверей с выбитыми стеклами располагалось несколько телефонных автоматов. Один из них зазвонил. Я сняла трубку и услышала мужской голос.

- Это ваш создатель. Я руковожу проектом, который превратил вас в тех, кем вы сейчас являетесь. Немедленно возвращайтесь в институт. Берите любую машину и приезжайте. На размышления и дорогу вам дается ровно три часа. В случае неповиновения или промедления мы приступим к вашей ликвидации...

- Ты наш создатель?-спросила я.-Невероятно! Похоже, ты не понимаешь, с кем имеешь дело. Мы вернемся за тобой. Это я тебе обещаю. Но позже. Потому что сейчас я сыта.

- Еще раз советую подумать! Если понадобится, мы не пожалеем город! Он полностью окружен войсками!

- А что его жалеть. Скоро весь мир будет нашим...

Я рассмеялась и повесила трубку на крюк. Надо же! Создатель! Сколько их было, и все на проверку оказывались жалкими самозванцами. А я хотела бы встретиться со своим создателем. Хотела бы задать ему несколько честных вопросов. Мой взгляд задержался на трубах завода. Они больше не дымили. Возможно, в цехах еще продолжались стычки между 'ищейками' и 'отверженными', но нас это больше не заботило. Я знала, что Ваал объединился с Листидой. Они вели свою армию через жилые массивы окраин. Мне нужно было прорваться в деловую часть города.

На пике общей эйфории я подняла 'ищеек' и погнала их на площадь. Рядом со мной шел профессор, с высоким лбом, в приспущенных штанах. За ним едва поспевала цыганка, полчасика назад гадавшая по рукам провинциальных простаков. Разорванная одежда лишь частично прикрывала ее тело. Перед ней ковыляла старая украинка, торговавшая в скверике семечками. Еще левее шагали азербайджанцы, привезшие в город груз арбузов. Еврейская семья, узбекские женщины в платках, татары. Я дала им истинное равенство и дружбу народов. Они стали единым целым - ядром великой силы. Мы шли, чтобы забрать этот мир у тех, кто делил людей на нации и расы. У тех порождал вражду по любому поводу, по любому маломальскому различию.

Град пуль мгновенно выкосил первые ряды. На бетонные плиты падали дети, мужчины и женщины. Но с каждым шагом мы перемещали центр влияния все дальше и дальше. Двадцать метров - и первая цепь автоматчиков примкнула к нам. Два метких выстрела почти оторвали мне руку. Шальная пуля пробила череп. Но демона ведь пулей не убьешь. Раны тут же затягивались. Тело восстанавливало прежнюю форму. Еще тридцать метров, и огонь 'бэтээров' угас. Солдаты выбирались из люков и направлялись к нам. Часть их падала под огнем своих бывших товарищей. Из зданий банка и двух магазинов выходили сотни 'ищеек'. Они выкрикивали бредовые фразы и вынюхивали свежую плоть. Рядом с ними разрывались газовые гранаты. Люди корчились в судорогах и в приступах рвоты. Тем не

менее, мы продолжали продвигаться вперед. Снайперы упорно дырявили меня и убивали тех, кто шагал передо мной. Я поздно заметила приближение военного вертолета, поэтому он, перед тем как врезаться в офисное здание, успел выпустить в нас два снаряда. На какое-то время я потеряла конечности и большую часть тела, затем процесс регенерации завершился, и пространство вокруг меня, заваленное человеческими останками, заполнилось новыми 'ищейками'.

Я знала, что власти приступили к эвакуации населения. Всего в трех километрах в районе стадиона скопилось несколько тысяч людей. Они ожидали погрузки в автобусы. Их запах страха овеивал меня, словно прохладный ветер. Это была неплохая цель. Я велела поймать двух-трех 'отверженных'. К сожалению, 'ищейки' после посева теряли профессиональные качества. Их активность сводилась к трем видам деятельности: они могли генерировать общее поле, уничтожать 'чужаков' и предаваться плотским удовольствиям. А я нуждалась в транспорте и в водителях. Первым ко мне подвели перепуганного юношу, с отъеденным ухом. Я потребовала, чтобы он отвез меня к стадиону. Парень упрямо покачал головой. Толпа растерзала его в мгновение ока. Увидев эту расправу, двое других 'отверженных' мужчин послушно согласились доставить нас куда угодно. Я приказала сорока 'ищейкам' забраться в два военных грузовика. Остальным поручалась 'зачистка' района.

Моего водителя трясло от ужаса. Он с большим трудом завел двигатель и направил машину вдоль сквера. Я слышала стук его зубов и чувствовала запах мочи. Мне даже пришлось пообещать ему, что я лично позабочусь о его судьбе, и что он будет отпущен на все четыре стороны. Когда мы подъехали к перекрестку и начали сворачивать с проспекта на одну из боковых улиц, я вздрогнула, увидев впереди молодого человека. Он походил на служителя инквизиции - та же одежда, тот же капюшон, скрывавший лицо. Парень вытянул руку, призывая нас остановиться.

- Дави его,- велела я водителю.

Но внезапно улица перед нами захлопнулась. Несколько зданий в ее начале, казалось, повернулись на невидимых осях, и мы остановились в двух метрах от стены дома. Непрерывная цепь зданий тянулась на сотни метров влево и вправо. Троллейбусные провода уходили в бетонный монолит.

- Быстро на соседнюю улицу!-закричала я.

Увы, мы опоздали. Как только машина подъезжала к поворотам, боковые улицы захлопывались, образуя полукруглую стену из многоэтажных строений. Двери зданий сжимались в узкие щели, через которые не пролез бы и ребенок. Окна и витрины сокращались в нити, выгибая решетки наружу. Я впервые видела такое. Этот парень в капюшоне изменял структуру пространства. Насколько мне было известно, никто в этом мире не имел подобных технологий. Он окружал привокзальную площадь не только домами, но и невесть откуда взявшимися холмами. Территория сквера превратилась в отвесный склон, тянувшийся к вокзалу. Мы с трудом успели проскочить ворота транспортного терминала. Прямо за нами земля взлетела вверх и застыла в виде десятиметрового вала. На боковой поверхности этой вертикальной стены торчали скамейки, кусты и будка общественного туалета. Из открывшихся дверей вниз стекала грязно-желтая жижа.

Едва мы выехали на грунтовую дорогу, идущую вдоль насыпи железнодорожных путей, ландшафт начал меняться. Я взглянула в боковое зеркало и увидела в конце пирона фигуру, облаченную в наряд инквизитора.

В мгновение ока он приблизился к нам на триста-четыре метра. Он преследовал меня!

- Вперед!-приказала я водителю.- Во что бы то ни стало!

Дорога перед нами начала изгибаться вверх. Мы свернули направо и юзом выехали на железнодорожную насыпь, которая уже превращалась в стену. Шпалы взлетели вверх, рельсы звонко лопнули и впились в небо четырьмя двузубыми вилами. Долю секунды мы мчались по узкой кромке, слева от которой был отвесный обрыв, а справа - пологий съезд в расставленную ловушку. Инквизитор хотел окружить меня неприступными стенами. Рано или поздно мне пришлось бы перейти в человеческое тело, и тогда они произвели бы его ликвидацию, тем самым выбросив меня из их мира.

- Налево!-рявкнула я.-Не бойся! Есть вещи хуже смерти!

Водитель испуганно взглянул на меня, затем со стоном повернул руль влево. Грузовик взлетел в воздух. Под нами в метрах десяти промелькнула полоска дороги.

4. Хакеры сновидений (лог Льва Андреевича Ермолова)

Услышав хриплый нечеловеческий хохот и последовавшие за ним короткие гудки, генерал, с гримасой недовольства, отключил селекторную связь.

- Мы должны вернуть их в институт,- сказал он, обращаясь к собравшимся руководителям отделов.-В принципе, проект идет удачно. Меня впечатлила эффективность заражения. Если эту адскую виацию разместить в Америке, Китае и Европе, вопрос о власти над миром будет решен окончательно. Но нам нужна надежная защита. Мы должны понять, почему одна четверть людей не поддается воздействию 'грибниц'. В чем причина такого иммунитета? Можем ли мы создать антидот от этой заразы и привить наземные и воздушные войска, которые во время сексуальной эпидемии будут охранять границы нашей страны?

- Вполне возможно, что иммунитет зависит от группы крови,- робко произнес начальник медицинской экспертизы.

Его лишь два часа назад назначили руководителем второго отдела. Предшественник трагически погиб - точнее, был съеден зараженными сотрудниками. Новичок еще не знал, как вести себя на таких собраниях, иначе бы он просто молчал или кратко отвечал на заданные вопросы.

- Товарищ генерал,- доложил адъютант.-Они штурмуют привокзальную площадь!

- Вы можете вывести картинку на демонстрационный экран?-спросил наш босс.

Свет в зале померк, и на большом экране появилась городская площадь. Из здания железнодорожного вокзала выходили люди. Об их необычности свидетельствовала даже одежда. У некоторых она была разорвана, у других - частично отсутствовала. Автоматчики открыли огонь. По ступеням покатались тела. Кровавая бойня.

- А вот и она!-возбужденно прокомментировал генерал.-Какая синяя!

Снайперы упорно расстреливали 'грибницу', вырывая из ее необычного тела алые клочья плоти. Рядом падали люди. Те, кто получал ранения, продолжали идти вперед, словно были одержимы нечеловеческой силой.

- Почему ее внешность так радикально изменилась?-спросил генерал.
- Наши сканеры утверждают, что она попеременно меняет облик,- ответил начальник информационного отдела.-То есть, превращается вот в эту тварь или возвращается к прежнему виду. Два других ее компаньона подвержены аналогичным метаморфозам.

'Грибница' напоминала какое-то адское существо. Она имела птичью голову, раздувшееся человеческое тело и струсиные ноги. Сила ее воздействия уже накрыла автоматчиков и солдат в бронетехнике. Бросая оружие, они присоединялись к толпе, окружавшей синее чудовище.

- Вертолет!-вскричал генерал.-Сейчас мы посмотрим, насколько она прочна!

Боевой вертолет выпустил две ракеты, а затем, попав в наведенное поле 'грибницы', потерял управление и врезался в офисное здание. Тело твари разлетелось на куски, но через пару секунд восстановило форму. Люди, которые выходили на улицы из ближайших домов, быстро восполнили поредевшую толпу вокруг демонического существа.

- Потрясающая жизнеспособность!-похвалил генерал.-Но ведь ее можно убить? Вы говорили, что в случае необходимости проблем с ликвидацией не будет.

Один из руководителей проекта 'Лилит' поспешно поднялся со стула.

- Когда она вновь примет человеческий вид, ее тело потеряет магические способности,- сказал он.-В том числе и защиту. Ее можно будет отравить, утопить, застрелить...

- Понятно,- оборвал его генерал.-Смотрите! Она уничтожила кольцо оцепления. Какие дополнительные меры вы предприняли для локализации заражения?

- Мы готовим население к эвакуации,- доложил военком города.-Задействованы силы армии, МЧС и милиции. В настоящий момент на пункте сбора сконцентрировано до двух тысяч человек. При прорыве второго кольца блокады мы приступим к транспортировке горожан на полигон мотострелков. Я распорядился утроить количество снайперов...

- Вы, что, ослепли?-рявкнул генерал.-Ваши пули ее не берут! Какой толк от дополнительных снайперов? Лучше скажите, что вы будете делать, если она захватит ваш пункт сбора? Две тысячи человек! Неужели нам придется ликвидировать все население города?

- Я думаю, до этого не дойдет,- ответил военком.

- А если дойдет?

- Не нужно вешать на меня собак, товарищ генерал. Это ваша 'грибница'. Ответственность за последствия эксперимента ложится только на вас, а не на армию и силы, отданные в мое подчинение.

Генерал усмехнулся и повернулся ко мне.

- Лев Андреевич, вы уверены в ваших хакерах сновидений? Они уже на месте?

Я приподнялся и утвердительно кивнул головой.

- По нашей договоренности, Ноде загонит 'грибниц' в ловушку. Насколько мне известно, эти существа не могут летать и проходить сквозь стены. Поэтому, оказавшись в западне, они со временем истощат свои ресурсы и вернуться в первоначальный человеческий облик. После этого мы переместим их в институт и продолжим проект 'Лилит'.

- А как он загонит их в ловушку?-спросил генерал.

- Мы скоро все увидим своими глазами,- дипломатично ответил я.-Судя по всему, 'грибница' решила воспользоваться автотранспортом. Если она направится к пункту сбора, об эвакуации горожан можно будет забыть.

Военком побледнел и торопливо отошел в угол кабинета. Достав из кармана мобильный телефон, он начал отдавать необходимые распоряжения. Мы наблюдали за тем, как группа зараженных людей карабкалась в два военных грузовика. Примерно сорок пассажиров. В основном работники банка, продавцы и покупатели двух крупных универсамов. Наверное, 'грибница' почувствовала скопление горожан у стадиона. Инфицирование такого количества людей могло превратить спасательную операцию в нечто противоположное - в тотальную 'зачистку' города.

Чуть позже оператор подключился к видеокамере, установленной на одной из боковых улиц. Предполагалось, что грузовик с 'грибницей' свернет туда и направится к стадиону. Мы увидели, как на одной из стен появилось темное пятно, которое сгустилось и приобрело очертания человеческой фигуры.

- Это Ноде,- тихо прокомментировал я.

Когда грузовик подъехал к перекрестку, юноша взмахнул рукой и изогнул пространство. Несколько домов в начале улице развернулись на торцах, соединились друг с другом и, перекрыв собой дорогу, образовали монолитную преграду. Ноде тут же исчез из виду.

- Куда он пропал?-спросил генерал.-Оператор! Переключите нас на вертолет. Мне обещали съемку с воздуха.

Видеокамера, установленная на вертолете, показала нам почти фантастическое зрелище. Ноде стоял на крыше многоэтажного здания. Используя свою так называемую 'сетевую' магию, он замыкал привокзальную площадь кольцом из зданий и холмов. Он менял конфигурацию строений и черты ландшафта. Но, судя по всему, 'грибница' обладала предвидением. Она больше не пыталась прорваться за периметр возведенных стен. Ее машина развернулась к вокзалу. Заднюю часть второго грузовика заклинило в цепи домов - там, где проспект упирался в колонны городского музея.

- Как он это делает?-вскричал генерал.-Я глазам своим не верю!

Поскольку его взгляд был направлен на меня, мне пришлось дать небольшое пояснение.

- Среди хакеров сновидений Ноде считается не только посредником Сети, но и ее воплощением в человеческом теле. Фактически, он находится в другом срезе реальности, и мы видим лишь отклики нашего мира на какие-то процессы, происходящие в общем сетевом пространстве.

- Спасибо за ясный и понятный ответ. Похоже, вы тоже находитесь в другом срезе реальности. Я так понимаю, что он неуязвим для наших снайперов?

- Мы можем проверить это после того, как он выполнит свою работу,- предложил начальник аналитического отдела.

Везучий человек. Когда волна заражений захлестнула изолятор и казармы, полковник находился в медицинском корпусе - в непосредственной близости от опасной зоны. Ему и трем охранникам удалось выбраться на крышу здания и заблокировать люки чердачных помещений. По какой-то еще невыясненной причине они обладали иммунитетом на воздействие 'грибниц'. Всю ночь они сталкивали вниз инфицированных людей, которые с тупым упорством карабкались к ним по длинной спасательной лестнице. По словам полковника, их было больше тридцати. Нанося удары по рукам, телам и лицам, он сломал два пальца на правой ноге. Сейчас, несмотря на

внушительные дозы успокоительных средств, он по-прежнему пребывал в возбужденном и воинственном настроении.

На экране шла погоня. Ноде перемещался с невероятной скоростью. Он преследовал машину, перекрывая пути отхода - точнее, создавая полукруг из холмов с крутыми склонами. В финале грузовик оказался на высоком гребне земляного вала, затем сорвался с него, упал с большой высоты на обочину проселочной дороги и затерялся в зеленом подлеске. Когда видеокамера вернулась к искореженным железнодорожным путям, Ноде снова куда-то исчез.

- Проклятье!-взревел генерал.-Они снова потеряли его! И где 'грибница'? Направьте отряды на место падения машины!

В кабинете началась небольшая суматоха. Начальники отделов наставляли помощников, те быстро сновали взад и вперед от кресел к связистам и обратно.

- Я хочу знать, где находятся остальные беглецы!-продолжал яриться босс.- Что они делают? Каков их прогресс?

В конечном счете, заседание было прервано. Все получили должный нагоняй и весомые стимулы к активным действиям. Когда я направился к выходу, генерал поманил меня пальцем.

- Лев Андреевич, задержитесь. Я хотел бы расспросить вас о хакерах сновидений. Меня впечатлили их возможности. Особенно, перемещения и искривление пространства. Почему эти парни не работают на нас? И откуда взялось название их группы? Неужели они взламывают сны других людей?

Я сел рядом с ним, и мы закурили. Он тоже был фанатом трубок - причем, предпочитал ту же марку табака. Это сближало нас. Фактически, мы даже дружили, с учетом субординации и других специфических ограничений. Можно сказать, что я входил в ближайшее окружение генерала.

- Да, они могут проникать в чужие сновидения. Однако название, насколько мне известно, появилось от желания взломать программу снов. Эта группа представляет собой техномагическое сообщество исследователей. Они рассматривают феномены мира, как программы, патчи, крэки или триксы. Они программируют 'шлюзы' в потоках событий, оперируют найденной матрицей причинно-следственных законов и считают, что нашей истинной средой обитания является Сеть. Соответственно, в сфере контролируемых сновидений ими создана методология осознанного вхождения в сюжеты снов, а также способы настройки нагвальных сдвигов. Иначе говоря, эти парни эксплуатируют процесс сна особым образом, превращая его в многофункциональный магический механизм. С его помощью они добывают знания, перемещаются на дальние расстояния, исцеляют болезни и выполняют действия, которые наука упрямо объявляет невозможными. Их техника сложения событий вообще не имеет аналогов в истории человечества. Она выглядит настолько простой, что вызывает усмешки у некомпетентных интерпретаторов. С другой стороны, она настолько сложна, что ведет к краугольным камням всего мироздания. Хакеры сновидений могут телепортироваться. Вы сами видели, что они способны искривлять пространство. Вполне понятно, что подобные знания вызвали активный интерес у правящих элит.

- Могу себе представить,- проворчал генерал.

- С самого начала наши властные структуры применили к хакерам не 'пряник', а 'кнул'. На них оказывалось сильное давление - шантаж, угрозы, убийства и похищения. Такие меры заставили хакеров уйти в подполье. В качестве мести они выложили часть своих материалов в интернетовской сети.

Открытый доступ к их разработкам породил молодежное движение, которое поначалу называлось 'хакерос', а затем 'ХС-2.0' - то есть, второе поколение хакеров сновидений. Спецслужбы и подчиненные им оккультные и эзотерические секты не раз пытались опорочить эту группу. Они громили и закрывали сайты, на которых размещалась информация о хакерах. Они высмеивали и извращали представленные материалы хакеров, приписывали себе их открытия, но толку от плагиата и сайтовских взломов не было. Всегда находились люди, которые указывали на факты воровства. Талантливая молодежь выявляла следы взломов и прослеживала их до исполнителей и заказчиков.

- Эта часть истории меня не интересует,- сказал генерал.-Насколько я понял, все стоящие знания остались в сундучке первоначальной группы?

- Отнюдь! Например, Ноде принадлежит ко второму поколению. Недавно на нескольких форумах некая Равенна - из 'ХС-2.0' - проводила он-лайнровский практикум по контролируемым сновидениям.

- Вы хотите сказать, что новички догоняют предшественников?

- В какой-то мере, да. И их практические занятия доступны всем. Возможно, скоро телепортация, с подачи хакеров, станет общепланетарным достоянием.

- Ужасная перспектива. Это привело бы к гибели цивилизации. Нефть, транспорт, суверенитет, границы государств - все к черту! Не зря ваших хакеров стреляют.

- Они не мои.

- Кстати, как вам удалось связаться с Нодой?-спросил генерал.-Почему он согласился нам помочь?

- Я нашел в Интернете активный форум хакеров сновидений и написал письмо ведущей. Эта девушка предупредила меня, что Ноде, как правило, отказывается от встреч и переписки. Тем не менее, утром, когда мы с Марией вернулись из бункера в номер, нас ожидали гости - Ноде и его телохранитель Лот.

- А номер был закрыт и находился под охраной наших служб?

- Я не стал бы винить охрану. Она еще не оправилась от потерь, которые мы понесли по ходу проекта 'Лилит'. Две трети штатного состава оказались зараженными. Их подвергли ликвидации, поэтому в охране сейчас недобор...

- Хорошо, продолжайте,- сказал генерал.

- Вся беседа была заснята на видеокамеру. Кассету я отдал начальнику аналитического отдела. Кроме того, мы с Марией дважды нажимали на тревожную кнопку, поэтому наших гостей вела целая группа сканеров.

- Я в курсе.

Генерал посмотрел на папку, в которой, очевидно, находились материалы по Ноды и Лоту. Отчеты сканеров и аналитиков, распечатка беседы. Я относился к этим формальностям с долей иронии. На самом деле наша встреча с хакерами была отрепетированным спектаклем. Мы наладили контакт задолго до проекта 'Лилит'. Общение 'в живую' проходило в Москве. Я передал Ноде просьбу от служителей Куу и предупредил его о скором появлении 'губителя душ'. Услышав о предыдущей 'резне', он согласился противодействовать магии Гора. Насколько я понял, мотивом для этого была не мораль, а желание защитить часть фауны Сети - речь в данном случае велась о людях.

- Поясните мне один момент,- произнес генерал.-Почему они помогают нам? Ведь мы, фактически, их враги. Вам не кажется, что это на самом деле не содействие, а демонстрация силы? Мы ознакомили их с нашим

амбициозным проектом, и они, в свою очередь, показали нам свои возможности.

- Вероятно, они нашли в проекте 'Лилит' нечто очень опасное для человечества,- ответил я.-Угроза показалась им настолько большой, что они пошли на сотрудничество с нами, хотя именно мы являемся инициаторами проекта. Наверное, они считают себя взрослыми, которые тушат пожар, разведенный детьми.

- Пусть тушат. Нам бы еще их техномагию... Так вы говорите, что у Ноде есть личный телохранитель? Выходит, его неуязвимость имеет пределы?

- Чтобы стать сетевым медиумом, Ноде пришлось измениться. Он уже не мыслит человеческими категориями. И он не мог бы жить среди людей без посторонней помощи. Эту поддержку ему оказывают прежние друзья. Они адаптируют его в нашем мире, а он, в свою очередь, знакомит их с тайнами и знанием Сети. Лот знает Ноде с детства. Он принял на себя ответственность за благополучие товарища. Его можно называть телохранителем, опекуном или сиделкой.

- Я понял вашу мысль. Ноде - это юноша с серьезными психическими отклонениями, которые по какой-то причине наделили его особыми парапсихологическими возможностями. Верно?

- Вполне приемлемое мнение. Хотя лично я воспринимаю его носителем чужеродного разума.

- Наши сканеры во многом разделяют вашу точку зрения,- с усмешкой сказал генерал.-Они сообщают, что мир Ноде не поддается описанию. Это бесконечный лабиринт, в котором наша повседневная реальность выражается конгломератом ощущений. Словноходишь в неосвещенное помещение и по запахам понимаешь, что это туалет в казарме или солдатская столовая.

Мой мобильный телефон издал тоскливый писк.

- Разрешите? Судя по номеру, звонит Лот.

- Включите громкую связь.

Я положил телефон на стол между мной и генералом.

- Слушаю вас. Говорите.

- Лев Андреевич, передайте вашему начальству, что две 'грибницы' локализованы и обезврежены. Они рядом с виадуком в районе новостроек. Вам лучше забрать их утром.

- Почему?

- Мы ловим на них инфицированных горожан. Вы скоро сами все увидите.

- А что с третьей 'грибницей'?

- С третьей 'грибницей' траблы,- ответил Лот.-Мы не можем определить ее местонахождение. Такое впечатление, что она мертва.

- Вы продолжите ее поиски?

- Да, конечно. До связи.

Услышав гудки, генерал нажал на кнопку селектора.

- Елена Михайловна? Две чашки кофе. Командира опергруппы ко мне. И... позовите начальника аналитического отдела.

Он переключился на другой канал связи.

- Оператор? Я хочу, чтобы два вертолета произвели съемку местности в районе новостроек. Там должен быть какой-то виадук. Пусть парни покружат над ним и покажут нам вид сверху. Только предупредите их, чтобы они соблюдали осторожность. Чем выше, тем лучше. Мы и так уже потеряли пять 'вертушек'.

Отъехав в кресле от пульта связи, он повернулся ко мне и похлопал меня по плечу.

- Ваши хакеры прекрасно поработали,- сказал генерал.-Они предельно упростили ситуацию, за что я им искренне благодарен. Когда мы перевезем 'грибницы' в институт, организуйте мне встречу с Ноде и Лотом. Я хотел бы отблагодарить их каким-нибудь образом. Как вы думаете, что бы им такого подарить?

- Прежде всего, они не мои. Меня начинает тревожить ваше стремление связать эту пару со мной. Конечно, любая инициатива наказуема, и я согласен понести умеренное наказание. Но, мой генерал, позвольте мне не превращаться в козла отпущения.

Босс рассмеялся и благосклонно кивнул молодой секретарше, которая внесла в кабинет поднос с дымящимися чашками.

- Вызванные люди ждут,- доложила она.

- Пригласите их через три минуты,- велел генерал.-Прошу вас, Лев Андреевич. Кофе, сахар... И все же, что им подарить?

- Информацию.

- Какую информацию?

Это была рискованная игра, но я не стал упускать представившийся шанс.

- Сведения о человеке, придумавшем проект 'Лилит'. По мнению хакеров сновидений, данная персона является одним из трех 'губителей душ', о которых написано в 'Египетской книге мертвых'. Ноде был бы рад знакомству с ним. Я уверен, что он высоко оценил бы подобный подарок.

Генерал двусмысленно хмыкнул и сделал осторожный глоток. Подставив комковатый нос под дым из чашки, он с наслаждением вдохнул кофейный аромат. Затем его взгляд вернулся ко мне.

- Если хакеры интересуются этим человеком, то пусть общаются с ним через нас. Как через посредников, понимаете? Чтобы мы оставались свидетелями их переговоров.

Он самодовольно улыбнулся.

- На самом деле это женщина. Очень странная женщина. Помните, мы с вами как-то обсуждали книги Кастанеды. Там упоминался некий Арендатор, который в обмен на знания использовал ресурсы, накопленные магическими партиями. Так вот, ссылаясь на тот давний разговор, я назвал бы вашу 'губительницу душ' еще одним Арендатором. Или тем же самым. Кто ее знает? Наша Арендаторша в обмен на ресурсы предоставила нам описание древнего ритуала. Он стал основой проекта 'Лилит'.

- Что за ресурсы она потребовала?

- Да мелочь всякую. Два магнита в виде колонн, большой чан, селитру, серу, смолу и еще что-то схожее. В конечном счете, она вернула себе молодость и покинула нас на некоторое время.

- Как же вы возобновите с ней связь?

- Мы обговорили подходящий способ. Учли, так сказать, возможный вариант.

В дверь кабинета постучали.

- Входите!-рявкнул генерал.

Повернувшись, он заверил меня:

- Мы поговорим о ней позже. Сейчас займемся насущными вопросами. Прошу всех к столу!

Когда на пульте замигал огонек, генерал уже успел поставить перед нами ряд задач. Начальник аналитического отдела должен был возглавить

группу охранников, которые прошлой ночью продемонстрировали свой иммунитет к сексуальному бешенству. На него и командира спецотряда возлагалась транспортировка 'грибниц' обратно в институт. Мне предстояло продолжать посредничество с хакерами сновидений.

Генерал ответил на звонок оператора и велел ему переключить 'картинку' на демонстрационный экран. Съемка велась с вертолета. Мы увидели несколько горящих многоэтажных зданий жилого массива. Поздний вечер и пламя делили пространство на яркие пятна и непроглядную тьму. Уличное освещение было отключено. Лучи прожекторов выхватывали из темноты то башни подъемных кранов, то мертвые корпуса и гаражи микрорайона. Затем на краю новостроек мы заметили двухъярусный виадук, пролеты которого обрывались с двух концов над черной лентой рва. Этот овальный ров глубиной до двадцати пяти метров окружал площадку размером с теннисный корт. Внешний склон широкой траншеи был умеренно крутым, а внутренний - отвесным. На краю площадки возвышался старый дуб. Его расщепленный ствол походил на латинскую букву 'Y'. Рядом с дубом сидел мужчина в порванной одежде. Он смотрел на кряжистый ствол - точнее, на руку, грудь и голову женщины. Ее остальная часть тела находилась внутри дерева.

- Ай да Ноде!-вскричал генерал.-Ловкач! И чувство юмора имеется! Прямо ловля на живца!

К краю рва подходили темные фигуры. Неодолимый зов тянул их к плененным 'грибницам', и они безропотно скользили по крутому склону вниз, собираясь толпами на дно траншеи.

- Неплохая западня для инфицированных особей,- согласился начальник аналитического отдела.-Утром забросаем ров землей, и делу конец. Нам все равно пришлось бы ликвидировать их. А так даже гуманно. Ни крови, ни пуль.

- Вы истинный знаток гуманизма,- пошутил генерал.-Видите, этого мужчину у дерева? Его зовут Василий Алексеевич. Сейчас вы отправитесь к нему на вертолете. Пилоты имеют иммунитет. Их уже проверили. Вас будет сопровождать несколько охранников, так что ничего не бойтесь. Проведите переговоры. Предложите 'грибницам' сотрудничество и нашу полную поддержку. Передайте им, что мы намерены отправить их в другую страну, где они смогут продолжить свой бизнес. Какая им разница, кого заражать? Люди везде одни и те же. А мы взамен предоставим им конспиративные квартиры, валюту и любую помощь. Вы поняли свою задачу?

Босс повернулся к командиру спецгруппы.

- Возьмите с собой необходимые инструменты - пилы, молотки, стамески. Эту женщину нужно аккуратно извлечь из дерева. Для большей безопасности освободите ее частично. Лишь бы в салон пролезла. Остальную часть работы завершите уже в институте. Будьте предельно осторожны. От этой парочки можно всего ожидать. И помните, в таком виде они уязвимы, как и любой другой человек. Поэтому никаких серьезных травм!

- Все ясно, товарищ генерал!

- Не забудьте обеспечить оперативную съемку. Завтра я буду докладывать министру о результатах испытаний!

Когда мы снова остались одни, генерал задумчиво сказал:

- При утверждении проекта 'Лилит' мне разрешили уничтожить целый город. Учитывая цели, которые мы пытаемся достичь, это малая цена. Тем не менее, я рад, что вашим хакерам удалось спасти жизни тысяч людей.

- Эти хакеры не мои,- напомнил я.

- Да-да, конечно.

Похоже, он не слышал меня. Бывали моменты, когда генерал погружался в размышления и начинал излагать вслух банальные истины.

- Наш мир погряз в демонократии. Любые достижения науки ведут к дальнейшему кровопролитию. Властители стран уже не стесняются своего цинизма. Недавно я видел документальный фильм, где израильские полицейские ломали пальцы и локтевые суставы двум палестинским мальчикам. Сначала они делали это торцами дубинок, но у них что-то не получалось. Тогда копы начали использовать большие камни. Ту же картину я затем наблюдал в новостном сюжете, где английские солдаты калечили иракских подростков. Им ломали тазовые кости и разбивали гениталии. Через месяц израильский военный корабль расстрелял арабских детей, игравших на пляже. И в тех же новостях один из репортеров говорил о холокосте. Разве это не цинизм?

Я тихо вздохнул. Подобные разговоры были болезненной манией всех высокопоставленных военных.

- Вы говорите мне об этом, потому что я еврей?

- Отчасти, да,- признался генерал.- Кто еще ответит на мои вопросы? Подумайте сами. Страны с современными концентрационными лагерями упрекают нас в нарушении прав человека! С ума сойти! Или взять, например, ваш Израиль! С тех пор, как вы испачкали руки в крови тысяч невинных детей, у вас больше нет морального права говорить о холокосте!

- Я не убивал невинных детей. И не нужно смешивать несопоставимые вещи.

- А что творится в нашей стране? Президент России пропил Кавказ, Прибалтику и Среднюю Азию. Он бросил на ножи два миллиона соплеменников. Но нам втирают в уши, что он был демократом! Что он принес нам свободу слова! Какого слова? Естественно, американского! Весь этот мир - сплошная мясорубка. Ложь, алчность и изворотливая трусость измельчают нас в начинку для большого пирога на адской кухне. Но у России есть надежные защитники! И мы изменим ход событий. Если все пойдет, как нужно, через год на планете останется только одна цивилизованная страна. И тогда вновь наступит эра географических открытий. Мы будем находить среди джунглей и чащоб затерянные города - Пекин, Нью-Йорк, Париж и Лондон. Люди перестанут ждать плохих времен. Нас снова объединит одно общее дело. Мы будем приводить в порядок планету и осваивать пространство, прежде населенное варварскими народами, для которых деньги служили мерилем жизни.

Я знал, что генерал был романтиком. И тема демократии в его оригинальной обработке не раз становилась основой для наших дискуссий. Он, как военный и патриот, мечтал не только об империи, но и о моноэтническом обществе. Ему хотелось, чтобы люди говорили на одном языке; чтобы в любом уголке Земли гремело наше 'мать твою!' Я имел иное мнение на демократию. Для меня это понятие было фикцией или, точнее, ширмой, за которой пряталась действительно циничная власть кланов.

На всем протяжении истории в мире существовало только три вида властных иерархических структур. Первая, 'контора', предполагала властную вертикаль, которая пронизывала все слои общества. Главный принцип 'конторы' выражался простым лозунгом: 'Я начальник, ты дурак; ты начальник, я дурак'. Желание начальника становилось законом. Желание подчиненного считалось жлобством. Продвижение по иерархической лестнице называлось карьерным ростом. Основными механизмами решения

проблем были приказы, взятки и шантаж. Вторая структура, доминирующая в наше время, называлась 'кланом'. Здесь степень власти определялась близостью к 'отцу' или 'маме'. Главным принципом кланов были родственные отношения. Продвижение по иерархической лестнице достигалось завоеванием симпатии. Каждый новый член 'семьи' рождался - то есть, вступал в сексуальные отношения - с каким-либо узаконенным представителем клана. Только после этого он становился 'своим'. В отличие от 'конторы' клан был более крепкой и защищенной структурой. Однако третий иерархический вид, 'духовный орден', превосходил два предыдущих во всем, поскольку объединял в себе закрытость, эффективность и сакральность. Некоторые 'конторские' организации - например, розенкрейцеры, европейская 'Таламаска', китайский 'Красный дракон' - гордо объявляли себя духовными орденами, но на самом деле таковыми не являлись. Единственным духовным орденом прошлых веков был 'Круглый стол' короля Артура. Единственным нынешним духовным орденом могла считаться Аль-Каеда. А словом 'демократия' обманывали и будут обманывать простых необразованных людей.

- Тут есть одно 'но',- заметил я.-Ваши 'грибницы' могут попасть в руки спецслужб. Их могут изловить, припугнуть и отправить обратно в Россию.

- Мы учли такой вариант. За ними будет вестись постоянное наблюдение. В критические моменты наши проверенные иммунные агенты окажут им поддержку или сообщат нам о контактах с другой стороной.

- А если в ваши планы вмешаются хакеры сновидений? Вы же видели, на что они способны.

Генерал на миг замер, затем повернулся на каблуках и посмотрел на меня.

- Я видел только действия Ноде. Неужели другие тоже могут вытворять подобные фокусы? Искривлять пространство и ломать виадуки?

- Насколько мне известно, он единственный, кто обладает такой способностью. Остальные исследуют сны и программы сознания.

- Ну, вот и хорошо. Мы задержим Ноде в институте. Предложим ему общие проекты, от которых он не сможет отказаться.

- Например, одиночную камеру в изоляторе?-с улыбкой спросил я.

- В камере его не удержишь,- с задумчивой серьезностью ответил генерал.-Ничего. Наши мудрецы придумают что-нибудь.

За окнами стояла ночь, но институт не спал. В казармы гарнизона постоянно поступало пополнение. Команды санаторов выискивали и убивали трупы. Со стен смывалась кровь. В разбитые окна вставлялись стекла. Проект 'Лилит' обошелся недешево. Но, как утверждал мой собеседник, результат оправдывал любые потери. 'Если все пойдет, как нужно, через год на планете останется только одна цивилизованная страна.' Мечта идиотов!

Мой телефон еще раз зазвонил. Я положил его на стол и включил громкую связь.

- Слушаю вас.

- Лев Андреевич, это Лот. Мы хотели бы отчитаться о проделанной работе. Вы там один или с начальством?

- С начальством.

- Ничего не бойтесь. Мы проведем вас через несколько транзитов.

- Что значит 'проведем'?

Внезапно стены кабинета изогнулись. Обои и окна стекали вниз густыми каплями. На потолке появилась сеть ярко-красной паутины. Стол превратился в зеленый выступ, по которому суетливо бегали какие-то

мелкие мохнатые пятна. Рядом со мной колыхался большой светящийся кокон. Он крепился корнем к стенке огромного тоннеля, по которому проносились стаи пузырей различных размеров. Я хотел посмотреть на свои руки, но увидел площадку, окруженную глубоким и широким рвом. Прямо передо мной возвышалось дерево с расщепленным стволом. Его ветви возносились в бесконечную высь и плавно вращались в темное небо. Из развилки ствола, словно из треугольного выреза платья, выдавалась верхняя часть женской груди. Мне потребовалось небольшое усилие, чтобы переместить взгляд вверх. Ключицы, шея, подбородок, лицо. Затем картинка стала четче. Женщина находилась в дереве. Из ствола проглядывало правое колено. Одна рука, свободная по локоть, была отведена назад, вторая, судя по расположению ладони - слегка приподнята и вытянута вперед. Казалось, она сделала шаг, приготовилась к следующему движению и вдруг оказалась внутри дерева. Рядом с ней сидел мужчина. Царапая ногтями скулы и щеки, он в отчаянии смотрел на женщину.

- Папа, я почти не могу дышать,- прошептала она.-Мне больно, папа. У меня сломаны ребра.

Мужчина застонал, и я потерял фокусировку зрения. Что-то серое и вытянутое в овал подлетело ко мне в розовой дымке и мягко ткнулось в мой живот. В памяти всплыло похожее ощущение из детства. Вот я маленький мальчик, вот соседская собака. Я вспомнил ее влажный язык и свой страх перед большим животным. Она укусила меня. Интересно, что это же ощущение вызывали руки хирурга, который удалял мне аппендикс. И было еще с десяток моментов, окрашенных мягким тычком.

Встряхнув головой, я понял, что стою в темном помещении. Генерал, находившийся ближе к двери, щелкнул выключателем, и мы с изумлением осмотрелись вокруг. Парикмахерский салон; два упавших кресла на полу; разбитая витрина; и ниже, в луже крови, труп девушки, с открытой раной на горле. На ее груди лежал крупный осколок стекла, с красными разводами на заостренном конце. Очевидно, кто-то вытащил его из горла девушки.

- Третья 'грибница',- сказал генерал.-А это что такое?

Он указал на белый сверток, лежавший перед треснувшим зеркалом.

- Использованный 'памперс',- ответил я шепотом.

- Почему вы шепчите?

Я кивнул головой на разбитую витрину. За ней виднелись фигуры людей, которые, пошатываясь и приносясь к воздуху, приближались к нам. Они утробно рычали, выражая недовольство нашим присутствием рядом с их погибшей хозяйкой. Затем, после двух ярких вспышек, мы с генералом снова оказались за столом в его рабочем кабинете. Напротив меня сидел Лот. За его спиной стоял Ноде.

- Что за черт!-вскричал генерал.-Знайте меру в своих фокусах! Я руководитель солидного оборонного учреждения. Вам не следовало таскать меня по зараженной зоне...

- Извините, начальник, но вы все время находились здесь, - ответил Лот.-Мы не подвергали вас опасности.

- Кроме того, я не привык, чтобы в мой кабинет входили без разрешения!-не унимался генерал.-Это вам не дискотека, юноши! Такая фривольность может стоить жизни!

Из смежной комнаты, где располагался пункт экстренной связи, выбежали два автоматчика. Фальшпанель одной из стен разъехалась в стороны, показав нам трех телохранителей, оснащенных ультразвуковыми жвалами. Генерал сердито отмахнулся рукой.

- Оставьте нас! Эти люди мои гости!

Охрана быстро удалилась прочь.

- Ладно, извините,- сказал Лот.-Мы свое дело сделали. Пришли попрощаться, чтобы вы не подумали о нас плохого.

Он поднялся с кресла. Ноде отступил назад.

- Подождите!-произнес генерал.-Ваша помощь заслуживает вознаграждения. Я знаю, что вас интересует персона, которую вы называете 'губителем душ'. Лев Андреевич предложил мне поделиться с вами информацией. Скажите, вас устроит такая форма благодарности?

- Мы были бы не против,- ответил Лот.

- Тогда я жду вас завтра утром. Вы получите досье на этого человека. Мы вели наблюдение за ним в течение полутора лет. Наши сотрудники сканировали его мысли, фиксировали передвижения и выявляли контактеров. Все эти сведения поступят в ваше распоряжение. Но есть одна просьба...

- Какая?

- Входите в кабинет через приемную.

- Мы поняли вас, генерал.

Лот повернулся к Ноде. Тот отступил еще на один шаг, наполовину погрузившись в простенок между окнами. Затем они исчезли. Я знал, что это не было телепортацией. Скорее всего, мы стали свидетелями их знаменитых переходов через транзиты Сети.

По теориям хакеров сновидений, каждый из нас в любой конкретный миг настоящего времени находится в особом шаре восприятия, который включает в себя сюжет события, канву определенных мыслей, телесные ощущения, фрейм пространства и цепочки ассоциаций, связанных с отдельными элементами окружения. Каждый шар имеет границы - стены комнаты, дома на улицах, корпуса машин и вагонов - за которыми начинаются пространства других шаров восприятия. Эти шары могут влагаться друг в друга, соприкасаться сторонами или соединяться с помощью 'транзитов' - вневременных и внепространственных тоннелей. Транзиты создаются по родству 'симпатий' - так называемых 'пучков эманаций' или абстрактных качеств, формирующих ткань событий. Я одно время увлекался хакерскими материалами и был знаком с их концепциями. Но одно дело читать заумные тексты, а другое - видеть все это своими глазами. Мне снова вспомнилось то ощущение тупого толчка, которое сопровождало меня в негативные моменты жизни - укус, удаление аппендикса, перелом ребра. Там, в пространстве Сети, этот феномен был живым существом, нападавшим на других обитателей невообразимо огромного лабиринта. Однако в повседневной жизни я воспринимал такие события отдельно друг от друга, как ряд случайных неудач.

- Черт знает что!-проворчал генерал.-В их присутствии я чувствую себя беззащитным ребенком! Как бы нам приобщиться к разработкам этих хакеров?

- Попробуйте подружиться с ними. Предложите взаимовыгодное сотрудничество.

- Да, я подумаю над вашим предложением. Прошу прощения...

Он нажал на мигавшую кнопку селектора. Звонил начальник аналитического отдела.

- Мы обо всем договорились. 'Грибницы' готовы к сотрудничеству. У девушки проблемы с дыханием. Она просит вытащить ее из ствола. Что скажите, шеф?

- Не стоит,- ответил генерал.-Телесная депривация... э-э... стесненность и дискомфорт не позволят ей превратиться в чудовище. Зачем вам визжащая тварь в салоне вертолета? Пусть потерпит. Передайте им, что чем быстрее они вернутся в институт, тем лучше будет и для нас, и для них. Да! И еще один вопрос. Полковник, посмотрите, пожалуйста... У этой девушки имеется родинка на щеке? Рядом с верхней губой?

Услышав утвердительный ответ, он еще раз подбодрил начальника аналитического отдела и отключил канал связи.

- Все сходится!-сказал он удрученным тоном.-Значит, мы какой-то частью сознания или тела были на той площадке у виадука. Не удивлюсь, если по пути туда вы тоже видели части огромного лабиринта. И всякую нечисть, которая роится там!

- Тогда нужно направить кого-то в парикмахерский салон,- посоветовал я.-Отряд солдат с иммунитетом от заразы. Было бы неплохо исследовать труп 'грибницы'.

- И выяснить, как она умерла,- подхватил генерал.-Спасибо, что напомнили об этом.

Он потянулся к селектору, но затем остановился и посмотрел на меня.

- Сейчас два часа ночи. Я и так уже злоупотребил вашим терпением. Идите, отдохните. Мы с вами на ногах больше суток. Представляю, как тревожится ваша супруга. Ступайте. Утром, когда появятся хакеры сновидений, я вас позову.

Он встал и пожал мне руку.

- Спасибо, что поддержали в трудное время. Я очень признателен вам, Лев Андреевич.

Через полчаса, лежа на софе в гостиной и сладко постанывая под жесткими пальцами, массировавшими мышцы моей спины, я рассказывал Машке о встрече с хакерами сновидений.

- Значит, генерал решил сделать ребятам подарок?-спросила она.-Может быть, предупредить их об опасности? Ты не хочешь написать письмо той девушке, которая ведет их форум.

- Мы не будем мешать генералу,- ответил я.-Общение с Ноде убедило меня в прежних догадках. Сеть опасна для человечества. На каком-то этапе истории прямолинейный ход времени был изменен. Битва богов создала петлю в потоке Хроноса, и напряжение сил на этом участке возросло настолько, что основа мироздания начала трескаться, образуя Сеть. Когда-нибудь она разрастется и расколется формацию времени на мелкие осколки. Зачем нам ускорять такой процесс?

- Служители Куу не допустят такого исхода,- возразила Машка.-Они уже предъявили Сети свои условия.

- Проблема в другом. Мы находимся в петле времени. На каком-то отрезке ее начало сольется с концом. Однажды утром нынешняя цивилизация проснется и найдет себя среди двух древних общин. Столкновение эпох породит не только хаос, но и ожесточит великую битву между Сетом и Гором. Современная технология столкнется с магией и варварской дикостью. Самолеты будут бомбить Атлантиду. Отряды дикарей наводнят города современного мира и зальют улицы кровью. Силы правопорядка и войска окажутся бессильными, потому что враги будут везде. Два мира вложатся друг в друга. Армагеддон! Конец света! Встреча будущего с прошлым.

- А причем здесь хакеры и генерал?

- Судя по всему, Сет извергнул нас в конец петли. Если бы имелось более далекое будущее, мы оказались бы там, а ни здесь. И если нам приходится выполнять свою миссию в нынешнем времени, то до столкновения эпох остались несколько лет. Вот почему 'посевы' и сбор доступных душ начинаются с этого отрезка времени. Сет знал, что в грядущей битве выживут лишь те, кто пойдет в обратном направлении истории. Представь, какие жестокие сражения произойдут между ордами Гора, магами Сета и современными людьми. Однако если план генерала воплотится в реальность, и если через пару лет на Земле останется крохотная часть от ныне живущего населения, то древняя эра проглотит ее, как кусок пирога. Вот почему нам следует помогать институту, а не хакерам!

- Но что изменится, если ты предупредишь ребят о западне, которую для них готовит генерал?

- Мы не знаем, какие цели наметила Сеть. На данный момент Ноде является ее единственным представителем среди людей. Если он будет уничтожен, ей понадобится время, чтобы подготовить нового медиума. И если столкновение эпох уже настолько близко, она ведь может не успеть. А нам с тобой выгодно, чтобы она не успела. Чем меньше игроков, тем проще игра.

- И когда, по-твоему, наступит столкновение эпох?-спросила Машка.

- В ближайшее десятилетие. Подтверждений много. Самый точный календарь на Земле, придуманный инками, заканчивается в декабре 2012 года. Некоторые из 'собирателей душ' - в том числе и наш любимый Карлос Кастанеда - предрекали трагическое и довольно скорое изменение человеческой истории.

- К счастью, у нас есть путь отхода в обратном потоке времени.

- На то мы и изверги,- с улыбкой ответил я.

После секса мы вышли на балкон, чтобы немного освежить разгоряченные тела. Я закурил трубку. Машка задумчиво смотрела на небо.

- Теперь я понимаю план Сета,- сказала она.- Его воины пройдут через финальный отрезок будущего и ознакомятся с технологией нынешнего человечества. В нужное время они смогут применить современное оружие во благо нашей древней культуры. Теперь мне понятны и действия 'губителей душ'. На данном этапе их желания совпадают с нашими. Нам нужно ослабить военную мощь и моральный дух существующего поколения людей. Нам нужно сократить их численность.

- Все верно, богиня. Поэтому завтра, при моей поддержке, генерал убьет и Ноде и Лота.

- Какая красота, какая безмятежность,- со вздохом прошептала Маат, разглядывая звезды.-На Земле замыкается круг времени; конец переходит в начало. То, что было новым, возвращается к прежним истокам. Через несколько лет нашим будущим станет далекое прошлое. А звезды останутся такими же, как были, все так же подмигивая нам.

- Что было, то и будет,- ответил я, переходя на древний язык.-И что делалось, то и будет делаться, и не сохранится ничего нового под солнцем.

Ночью мне приснился злой сон.

Сеть кружила меня по аллеям парка в легких сумерках и в осеннем листопаде. Я хотел остановиться и присесть, но все скамейки были заняты.

На одной из них, с ноутбуком на коленях, сидел жрец Шиабал. Заметив меня, он радостно взмахнул рукой и прокричал, что все-таки закончил строительство храма. Я казнил его в канун своего совершеннолетия. Он славился, как зодчий. Он мог передвигать колонны и плиты весом по шесть тысяч тонн. А мне тогда было четырнадцать. В той жизни он просил у меня позволения завершить один из лучших и красивых храмов в мире. 'И тогда этот край наполнится благом. Пески отойдут, и появится влага. У звонких ручьев будут бегать и резвиться дети.' Я отсек ему голову и забрал его силу.

Рядом с ним сидела моя сестра. В ее глазах ветвилась Сеть. 'Зачем ты убил моих детей?'- спросила она.-Неужели ты верил, что это принесет кому-то пользу? Убийство всегда остается убийством. Даже если ты совершаешь его для своих богов.' На каждой скамье я видел людей, которых знал. Одних я погубил сам, других казнили по моему приказу. 'Сеть называет таких, как ты, астматиками,'- прошептал мне Ноде. Я повернулся к нему, и он медленно стащил с головы капюшон. Красивое лицо. Он напоминал мне моего племянника, чью силу я тоже забрал. 'Люди, которые могут дышать свободно и легко, проживают свои жизни счастливо. Им не приходится похищать ресурсы родных и близких. Они посвящают свои жизни миру, совершают подвиги и строят храмы. А вам приходится красть острие духа у детей и использовать его, как консервант для мертвой плоти своих тел.' Сеть развела нас по аллеям.

Услышав легкий свист, я оглянулся и увидел Исис - в том виде, в каком она предстала перед нами в Самайу - прекрасная, обнаженная, покрытая лишь магической татуировкой, которая защищала ее от любого оружия. Она навсегда осталась такой в моей памяти, хотя каждый из извергов питал к ней лютую ненависть. 'Лев пустыни,- сказала она.-Похоже, ты не можешь понять простую истину. Гор открывает пути. А Сет кусает себя за хвост. Знаешь, что мы сделаем, когда эпохи прошлого и будущего войдут друг в друга? Мы примем этих людей и повернем их против вас! Гор взламывает печать узла и разорвет великую петлю времени. Если потребуется, он отдаст мир на откуп Сети, и та разрушит закрытые порталы... хотя в своем названии она близка к твоему Сету.'

'Нет,- возразила Сеть.-Я близка не к богам, а к человечеству. Я осыпаю людей своими дарами. Я создаю себя через их достижения. Сети дорог, сети мобильной связи, сети рынков, сети улиц, сети аксонов, сети космических спутников. Будь осторожен, жрец! Не убивай моих детей.' Ей вторила моя сестра: 'Не убивай моих детей!' Какой злой сон! Он сулил неудачу...

Когда утром я вошел в приемную генерала, там под видом просителей, посетителей, секретарей и курьеров сидела почти вся институтская группа захвата. Наша 'контора' иногда вела проекты, сопряженные с похищением людей и артефактов. По этой причине группа захвата состояла из профессионалов высочайшей категории. Они могли 'забомбить' любой банк или попасть транквилизирующим дротиком в муху. Я отошел к окну и присел на софу. Все ожидали 'гостей', которые вот-вот должны были прийти - точнее, появиться из воздуха или из стены. Я взял со столика газету и раскрыл разворот. Сидевший рядом мужчина склонился ко мне, чтобы рассмотреть один из фотоснимков. Я раздраженно посмотрел на него и внезапно понял, что рядом со мной сидит Лот.

- Здравствуйте, Лев Андреевич,- прошептал он мне в ухо.-А что это за люди? Почему они вооружены? Вы хотите причинить нам вред?

- Ну, что вы, уважаемый,- ответил я.-Откуда такая паранойя?

Поднявшись на ноги, я прочистил горло и громко произнес:

- Генерал ожидает вас. А где Ноде?

Все люди, присутствовавшие в приемной, повернулись в нашу сторону. Прямо передо мной, будто встав с пола, возникла фигура в монашеском балахоне. Я вытянул левую руку, гостеприимно указывая на дверь генеральского кабинета. В ту же секунду мужчина в роговых очках раскрыл кейс, проворно достал короткоствольную базуку, нацелил ее на Ноде и выстрелил сеть ультрасовременного электрошокера. Несколько других 'посетителей' поразили Лота ампулами с парализующим ядом. Четверо спецназовцев рванулись вперед, чтобы повалить и обездвижить двух юношей. Ноде сделал шаг назад, но я опередил его, нанеся удар кинжалом в спину. Прямо в сердце...

Он выгнулся от боли и повернулся ко мне с открытым ртом. Вместо слов с его уст сорвалось лишь тихое шипение. Лот рухнул на пол. Пространство комнаты начало меняться. Между группой захвата и тем местом, где находились я и хакеры, образовался широкий пролом, с криво торчавшими прутьями арматуры. Осколки бетонных плит посыпались вниз на нижний этаж. Умиравший Ноде пытался выполнить какое-то магическое действие. Он упал на колени и согнулся, упершись лбом в пол. Сетка электрошокера, брошенная на него, странным образом соскользнула с тела. С потолка посыпалась пыль. Конструкция воздуховода сорвалась с креплений, лопнула над моей головой и повисла двумя обвисшими дугами.

Дверь кабинета открылась, и в приемную вышел генерал. Увидев кинжал, торчавший из спины хакера, он мрачно посмотрел на меня и покачал головой. Спецназовцы попытались соорудить импровизированный мост через провал, но стол секретарши и два дивана, брошенные на изогнутые прутья, соскользнули и упали вниз в широкое отверстие.

- Зачем вы убили его, Лев Андреевич?-спросил генерал.-Своя игра? Особая миссия? А я ведь знал, что вы не тот, кем хотели казаться. Мне рассказала о вас 'губительница душ'. Вы удивили меня, мой друг. Я считал, что вы симпатизируете этим юношам. Придется нам о многом посудачить.

Он взял у секретарши заряженный ампулами пистолет и выстрелил в меня. Яд наполнил мои вены холодом. Ноги подогнулись; я упал на бок. Парализующее средство было весьма эффективным. Мне с трудом удавалось сохранять сознание.

Черт! Придется создавать еще одну петлю времени и корректировать ход событий. Новую точку входа лучше перенести месяца на три-четыре - в момент, когда по институту прошел первый слух о проекте 'Лилит'. В новой петле я доберусь до 'губительницы душ' и расправлюсь с ней. Что касается этого цикла, то его уже можно было завершать.

Я прошептал заклинание и воспроизвел в уме символ времени. В животе появилось знакомое ощущение клубка из сотен щупальцев. Еще мгновение, и мир остановится. Еще мгновение, и на нити времени появится колечко с узелком...

К всеобщему изумлению, Ноде выпрямился и тронул за плечо, лежавшего на полу Лота. Тот тоже поднялся на ноги и, осмотрев людей в приемной, задорно спросил:

- Ну, что, купились, жмурики? А мы ведь просто прикололись.

Я задышался от злобы. Они обманули меня. Они обманули генерала. Выходит, хакеры знали, что здесь их ожидает западня. Эти негодяи воспроизвели какой-то трюк с визуализацией своего присутствия - нечто схожее с тем, что они показали нам, отчитываясь о проделанной работе по захвату 'грибниц'.

- Лот, это просто недоразумение,- прокричал генерал.

Мир не желал останавливаться. Я видел, как хакеры исчезли, словно угасшее голографическое изображение. Я слышал, как ругался босс. Я понимал, что Сеть вошла в мои планы, и что отныне она стала для меня заклятым врагом.

Внезапно послышался грохот. Из лопнувшего воздуховода посыпалась пыль, а затем оттуда на меня свалилось жуткое существо - наполовину женщина, наполовину змея. С криком 'Ш-Ш-мерты!' она соскользнула с моего тела и устремилась в пролом на нижний этаж. Следом за ней из воздуховода и дальше вниз пронесся плотный визжащий поток крохотных тварей с человеческими лицами. Или, возможно, это были уже галлюцинации. Яд поражал мой мозг. Он наполнял меня страстным желанием догнать это странное создание. Она будто звала меня за собой, и я больше не мог сопротивляться побуждению. Парализованные руки и ноги почти не отзывались на импульсы психики. Тем не менее, мне удалось подняться на четвереньки. Из горла вырвался дикий крик. Затем еще один. Омраченный разум с трудом воспринимал слова. Последним чувством было изумление. Какую чушь я выкрикивал!

- Плащ низом на кость! Красный кефир! Желе ком рот! Кораприкусна заш!

Где-то в комнате находились 'отверженные'. Неимоверная ненависть захлестнула мое сознание. Я должен был уничтожить их. Вот этими руками! Вот этими зубами! Паралич ослабевал. Я поднялся на дрожащие ноги и прыгнул через пролом. Первой мою грудь разорвала автоматная очередь, а затем уже прутья, торчавшие из искореженной бетонной плиты. Боли не было. Просто неприятное ощущение... Просто толчок... Тупой толчок...

5. Инфернальный квест (лог Георгия Сергеевича Бережко)

Однажды я играл в 'Sacred' и при выполнении промежуточной миссии наткнулся на лагерь разбойников. Он находился на западном плато - в том регионе, где потоки магмы рассекали голые серые скалы. Зная, что конь будет пугаться взрывов лавовых 'бомб', я оставил его в ущелье, на узкой поляне, поросшей травой. Мой вещевой мешок распух от трофеев. Я искал деревню или бродячего торговца, чтобы обменять артефакты и оружие на золотые монеты. Меня привлек дым костра, и я, сам того не ожидая, попал к разбойникам. Они отнеслись ко мне с холодной учтивостью. Будь я немного слабее, они набросились бы на меня. Об этом говорили их алчные взгляды и поджатые губы. К счастью, в предыдущих миссиях я 'накачал' себе тридцать первый уровень. Мои комбинированные чары могли уничтожить их лагерь в вихре пыли и огня. Похоже, разбойники догадывались, с кем имели дело. Я произвел осмотр их территории и обнаружил девушку, которую они держали в плену. Она попросила меня отвести ее в подземный город.

Девушку звали Татьяной Алексеевной - как мою учительницу по истории. У нее были волосы до плеч и голубые глаза. Знакомые черты лица и

привычная хмурость. Но она не казалось такой отстраненной, как прежде. Что-то в ней изменилось. Возможно, она поняла, что я вырос и превратился в настоящего боевого мага. Как бы там ни было, я согласился проводить ее домой, хотя и знал, что это будет не просто. В небе кружили стаи зеленых драконов. У ветхих мостов, переброшенных через потоки лавы, бродили стада кровожадных чудовищ. Для меня они не представляли угрозы, но Татьяна Алексеевна была безоружной, и моя амуниция не подходила к ней, потому что при ее начальном третьем уровне она не могла использовать такое тяжелое и мощное оснащение. Я быстро перебил разбойников и повел ее по краю плато. У нас там было больше шансов на успех. Внизу, у подножья отвесного склона, бродили и ревели орки. Злобные гоблины метали копья, но снаряды не долетали до плато. Татьяна Алексеевна в испуге прижималась ко мне, и я раз за разом ощущал ее дыхание на своих щеках и шее.

За какие-то полчаса на нас напало тридцать или сорок тварей. Я расправился с ними без особых проблем. В воздухе пахло серой. Пепел оседал на доспехи и лишал их блеска. Но я знал, что Татьяна Алексеевна все равно восхищалась мной. Когда мы присели, чтобы отдохнуть и перекусить сухариками и вареной зайчатинной, она робко взглянула на меня и сказала:

- Знаешь, Жорик, я ведь могу и не возвращаться в подземный город. Я могу пойти с тобой и стать твоей боевой подружкой, чтобы мы вместе делили холод заснеженных вершин и томный жар ночей под общим одеялом. Я знаю, на первых порах мне придется 'подкачать' характеристики, освоить чары и найти подходящее оружие. Но ты не пожалеешь, если возьмешь меня с собой.

А мне тоже хотелось этого. Я знал Татьяну Алексеевну с шестого класса. Она была женщиной моей мечты. К сожалению, злой рок разорвал наш союз. На утро я увидел бродячего торговца. Его стоянку охраняли два натасканных волка. Они неплохо отгоняли орков и огненных троллей, но не защищали от летающих чудищ. Когда я начал обмен с торговцем, стая драконов налетела на Татьяну Алексеевну, и та в панике побежала прочь - прямо навстречу магическому брюхастику. Теряя пункты жизни от огня драконов, она наткнулась на колючки твари и получила огромную дозу смертельного яда.

И даже тогда я мог бы спасти ее. У меня был запас антидотов и других лекарств. Один клик правой кнопкой на пузырьке, и она бы жила... Но я не успел. Мне пришлось закрывать два 'окна', чтобы выйти из режима торговли. Когда я подбежал к Татьяне Алексеевне, она уже была мертва... Конечно, я мог бы пройти тот эпизод сначала и довести все до счастливого конца. Однако каждый геймер знает, что при повторной игре вся магия истории теряется. Я понимал, что мне уже не вернуть тех чудесных мгновений близости и той незабываемой нежности, которую излучали глаза Татьяны Алексеевны. И поэтому я вышел в главное меню, затем на десктоп и удалил с компьютера 'Sacred'. Вот так! Не пройдя до конца одну из лучших игр! Отказавшись от всех достижений!

После этого случая я неделю мучился депрессией и даже подумывал о самоубийстве. Мне здорово помогли 'DOOM-III' и 'Ночь ворона'. К тому же, Татьяна Алексеевна отомстила мне в реальной жизни тем, что поставила двойку за четверть. Но я не сердился на нее. Она имела право на такой ответ. Однако та кошмарная ситуация научила меня многому. С тех пор я больше не вступал в какие-либо отношения с 'персами'. Игра по правилам, и никаких личных связей. Девиз настоящего геймера! Вот и теперь, когда мы с

Иу нашли Владу, и когда эта девушка начала подавать мне сексуальные намеки, я сказал ей, что со мной у нее ничего не получится.

Квест становился все более интересным. Свояк оказался тайным вожаком вурдалаков. Как только я увидел его истинное лицо, клыкастое и ужасное, мы с Иу покинули группу и направились к ближайшему поселку. Там уже хозяйничала нежить. Вурдалаки громили клуб, в котором укрылось несколько нормальных людей. Я отогнал толпу озверевших каннибалов и вывел из горящего здания трех мужчин и восемь женщин. Леша, парень лет двадцати пяти, был водителем автобуса. Он сказал, что может отвезти нас в город. По пути я забежал в их сельский магазин и взял пару банок с детским питанием. Женщины помогли мне покормить и перепеленать малышку. Автобус завелся не сразу. Леше пришлось проводить какой-то ремонт. Вурдалаки кружили поблизости, пугали моих спутников, но при виде меня поспешно отходили прочь. Я по-прежнему внушал им страх.

Поездка прошла без приключений. Я уснул на заднем сидении и проснулся уже в городе. Усатый гаишник направил нас к пункту эвакуации. Он сказал, что все автобусы реквизируются для мероприятий по гражданской обороне. По его словам, на железнодорожном вокзале взорвались две цистерны с концентрированным газом. Гаишник сообщил нам, что если ядовитое облако пойдет на город, то всех горожан отправят в безопасное место. А если ветер погонит облако в другую сторону, то городские власти дадут отбой тревоги. У стадиона собралась огромная толпа людей. Мужчины с чемоданами, женщины с детьми, старухи, старики. Каждый имел свою версию чрезвычайного происшествия.

- Я видела на привокзальной площади танки и автоматчиков,- говорила женщина в синем платке.-Какой тут к черту газ? Они везли зэков! Целый поезд! А те устроили бунт, отобрали у охраны оружие и сейчас прорываются на окраины...

- ...террористы захватили завод,- объяснял мужчина, стоявший рядом с нами.-Вон! Посмотрите на трубы. Они всегда дымили! всю мою жизнь! А теперь завод в их руках...

- Это просто учения,- заверила нас девушка в красном платье.-Им-то что? Времени навалом. А у меня скоро экзамены...

Внезапно я услышал громкий треск. Люди притихли. Над толпой в вечернем воздухе повисло гнетущее молчание.

- Выстрелы!-прошептал старик за моей спиной.-Из автоматов палят!

Когда раздалось два отчетливых взрыва, толпа побежала к шеренге автобусов. Кто-то падал под ноги людей, кого-то отталкивали в стороны. Началась неконтролируемая паника. Я прижался к стене. Нам с Иу нужно было пробираться к вокзалу. Учения скоро закончатся. Зэков быстро переловят и снова загрузят в вагоны. Террористов замочат в сортирах и в больших алюминиевых баках. Все вернется в прежнее русло. Из труб завода пойдет дым, и по рельсам побегут поезда. Геймер знает, что есть время для действий, и есть время для спокойного выжидания. Холодный расчет иногда заменяет целые сражения. Если мы отсидимся в тихом месте, то позже окажемся почти у цели. А если поедем сейчас в эвакуационный лагерь, то нарвемся на паспортные проверки и вполне вероятную отправку обратно в институт. А мне требовалось попасть в Москву. Там в одной из психиатрических клиник находился мой учитель, и я должен был доставить к нему его дочь.

Около десяти часов вечера мы с Иу оказались в районе, захваченном вурдалаками. Они бродили в поисках жертв, поджигали дома и разбивали

витрины магазинов. Я воспользовался этим погромом, раздобыл приличную одежду, походный рюкзак и кое-какие припасы. Еще через час, проходя мимо сквера, мы с Иу услышали голос, звавший на помощь. Я почти не удивился, увидев на скамье полуголую Владу. Она была покрыта кровью. На теле чернели порезы. Один глаз заплыл лиловым синяком. Я подумал, что ее жестоко избили и, возможно, даже изнасиловали. Но чуть позже она рассказала мне, что упала с большой высоты, сломав при этом ногу.

- Жорик!-прошептала она.-Как хорошо, что ты пришел.

- Ты можешь идти? Нам нужно уходить отсюда.

Я знал, что во многих играх подобные встречи заканчивались шквалом неприятностей. Как только в команду принимался раненый 'перс', сюжет накалялся до уровня максимальной сложности. Такой экстрим мне был ни к чему, поэтому я быстро нашел надежное убежище - небольшой парикмахерский салон, с выбитой дверью.

- Ты не против, если я перенесу тебя туда? Там мы сможем осмотреть твои раны.

- Не обращай на них внимание,- ответила Влада.-Через три-четыре часа мое тело снова будет целым и здоровым. Скажи, ты уже чувствовал голод? Ты уже чувствовал экстаз от поглощения душ?

- Не волнуйся и не трать зря силы. Ты бредишь. Это плохой симптом. Держись крепче за мою шею.

Она была тяжелой. Я с трудом перенес ее в парикмахерский салон и усадил на кресло рядом с витриной. Влада отказалась от медицинской помощи и пищи. Заметив мое удивление, она спросила:

- Неужели ты еще не превращался в демона?

- В демона? Зачем? Я самодостаточная личность.

- Мы все прошли через один и тот же ритуал. Губитель душ открыл врата inferнальных пространств и выпустил в человеческий мир семь демонов. Они вошли в наши тела. Разве ты не помнишь того, что случилось в круглом зале?

- Не помню. Меня ударило молнией.

- У той пожилой женщины, которая была с нами, началось внутреннее кровотечение. Переход демона в ее тело не состоялся. Я, Катя и Василий Алексеевич стали вместилищем могущественных сил. Кроме нас, в зале было два мутанта. Они тоже имеют внутри себя демонов. Как и ты...

По словам Влады, над нами провели эксперимент. Ученые хотели сделать из нас переносчиков эротического заболевания. Их планами воспользовался некий губитель душ, который активировал магический процесс и скрестил всех подопытных с демонами. Я играл в 'Painkiller' и 'Far Cry', поэтому идея была мне понятна. Пожилая женщина оказалась телесно несовместимой с демоном. Она погибла, и ее 'квартирант' покинул наш мир. Настя и Свояк проявили стопроцентную податливость. Они без борьбы отдали контроль над своими телами. Влада, после некоторого сопротивления, тоже стала одержимой. А я, наоборот, вообще не чувствовал в себе постороннего присутствия. Мой демон пока не выказывал какой-либо активности.

- Он в тебе,- убеждала меня Влада.- Это точно! Почему, ты думаешь, эти люди не нападают на тебя?

Она указала на улицу, по которой бродило полдюжины вурдалаков.

- Они чувствуют хозяина, который находится в твоём теле. Они боятся его и подчиняются ему.

- У меня на этот счет особое мнение,- ответил я.-Просто ты многого не знаешь обо мне.

Влада пожала плечами и поделилась своими наблюдениями.

- Демоны, освоившись в телах людей, начинают воплощаться в собственной форме - уродливой и страшной, наделенной невероятной силой. Условия нашего мира истощают их ресурсы, и им какое-то время приходится восстанавливаться внутри нас. В такие периоды мы снова обретаем свой человеческий вид. Однако в процессе адаптации их демоническая фаза удлиняется, а периоды нашего воплощения укорачиваются до нуля.

Как я понял, на начальных этапах одержимости люди наслаждались новыми качествами или так называемыми 'дарами' - экстатическими состояниями и ошеломляющим знанием об inferнальном мире. Вслед за этим приходило ужасное понимание своей духовной гибели - факт безнадежного растворения личности в демонической сущности.

- Я дважды пыталась убить себя,- пожаловалась Влада.- Но демонесса не позволила. Она контролирует меня. Вот если бы ты...

Внезапно меня озарила свет истины. Влада открывала мне глобальную миссию. Она говорила об обители демонов, о шести проникших в наш мир чужеродных существах. Это были этапы квеста! Это были свершения, ожидавшие меня на ратном пути! И где-то внутри моего сознания имелось имплантированное семя зла, которое я должен был расковырять, чтобы добыть необходимую информацию. Фактически, мне следовало навести обратную одержимость и ассимилировать демона, вошедшего в меня! Тогда, обогатившись его знаниями и новыми чарами, я мог бы не только изгнать адских тварей из наших пределов, но и войти в inferнальные пространства. Между прочим, такая сюжетная линия присутствует во многих играх.

- Послушай, Влада! А есть ли способ попасть в адский мир в человеческом облике? Если во мне сидит демон, то ведь я могу использовать его наличие, как ключ для прохода на их территорию. Верно?

- Портал откроется сам по себе, но только в том случае, если новая резня душ закончится провалом. Когда из шести оставшихся демонов в этом мире останется только один, владыка отзовет его обратно.

- Владыка? Князь тьмы?

Ну, точно 'Дьябло-2'!!!

- Владыка - это верховный правитель всех демонических кланов.

- А его можно убить? Имеется ли способ для уничтожения таких существ?

Влада рассказала мне, что в древние времена схватки между людьми и демонами проводились в таких мирах, где оба вида существ могли подвергнуться воздействию смерти. Это были честные поединки. Однако мудрец Соломон перечеркнул простую и бесхитростную традицию. Он нашел особое заклятие, с помощью которого запер демонов в крохотном объеме пространства и времени. Тем самым он лишился их радости существования, но наделил бессмертием. Ни одна опасность не могла проникнуть в ту перенаселенную, лишенную черт, бесконечно малую капсулу бытия, поэтому смерть, как явление, стала для них недоступной. Но если бы кто-то разрушил печать Соломона и выпустил демонов в более просторный и насыщенный феноменами мир, то они снова стали бы активными и смертными.

- А если я провалю вашу миссию по резне душ и войду в то крохотное пространство с гранатой или динамитом? Это разрушит вашу капсулу?

- Вряд ли. Потому что там нет таких явлений, как 'взрыв', 'борьба' и 'разрушение'. В том срезе бытия имеются лишь зачатки идей. И зло ада не в демонах и владыке, а в условиях их существования. Попав туда, ты станешь

частью общей массы, которая настолько перенапряжена, что уже не принимает никаких иных феноменов.

Из разговора с Владой я понял, что эта группа демонов пыталась создать проход между мирами и тем самым спасти свой вид от многовекового заточения. Они вводили людей в особое состояние, которое формировало inferнальное поле. Это поле заряжало локальное пространство неким качеством их адской темницы. При заражении определенного количества людей - и накоплении заряда в ядре их группы - между нашими мирами должна была установиться временная связь. Если бы мир людей был размером с комнату, то для портала хватило бы одного одержимого человека. Но масса Земли требовала большого заряда и, соответственно, огромного количества одержимых. По общему мнению, миссия демонов была бы невыполнимой, если бы им не помогал 'губитель душ'.

Естественно, когда я понял важность этого 'перса', мне захотелось узнать о нем побольше. Откуда он взялся? Что за человек? Я даже не предполагал, что фрейм моего квеста окажется настолько сложным. Влада рассказала мне, что по ходу человеческой истории маги и серьезные исследователи неоднократно отмечали случаи обратного скольжения во времени. Группы и отдельные личности перемещались из будущего в прошлое, используя один и тот же прием: они встречали людей старшего возраста, пребывали какой-то период в 'тени' их жизни, затем забирали себе судьбы 'доноров' и переносились еще дальше в прошлое. Как только они переходили от одной судьбы к следующей, их прежние 'доноры' теряли память или рассудок, впадали в детство, начинали неадекватно вести себя и, в конце концов, умирали от рака и других болезней.

Иногда переходы от судьбы к судьбе происходили хаотично и стремительно. Казалось, что странники в обратных потоках времени скрывались от кого-то, оставляя после себя людей, внезапно впавших в амнезию. Такие случаи порождали легенды о похищениях, парапсихологических опытах и прочей мистики. На самом деле кто-то из дальнего будущего путал следы и уходил от погони, углубляясь в прошлое. Впрочем, более привычным способом было планомерное скольжение от одного поколения к другому. Существовали партии нагвалей, воины древних богов, таинственные серферы времени. В их целях и путях могли разобраться только опытные маги. К примеру, губители душ провоцировали эпидемии, демонические рейды и кровопролитные войны. Они активно вмешивались в ход событий, побуждая людей уничтожать исторические документы, проливавшие свет на темные глубины прошлого. Сожжение Александрийской библиотеки сократило диапазон известной истории и позволило христианам отсчитывать время от рождения Христа, но утрата огромного хранилища древних знаний скрыла многие улики, собранные на губителей душ. Вот таким был стиль их действий.

- А ты сама встречалась с губителем?- спросил я Владу.-Какой он сам по себе?

- С ним встречался Ваал - тот демон, который управляет Василием Алексеевичем. Увидишься с ним, спроси. Он действительно может рассказать тебе об этой кровавой персоне. Губитель душ - андроген. Он по желанию меняет пол. Захочет, будет женщиной. Захочет, мужчиной. Для движения в обратных потоках времени он, помимо обычного хищения судьбы, применяет древний ритуал, о котором я мало что знаю... Говорят, он...

Услышав детский плач, я повернулся к Иу. Похоже, малышке нужно было заменить подгузник. На этот случай я прихватил в магазине пачку

памперсов. Полезная вещь! Уложив девочку на столик рядом с треснувшим зеркалом и ароматными пузырьками, я запоздало понял, что за моей спиной происходит нечто необычное. И действительно там было на что посмотреть! Когда под звук звонкого хруста я обернулся назад, витрина салона рухнула вниз - прямо на Владу. А та, как назло, повернулась в кресле и задрала голову. Осколок стекла вонзился в ее горло. Влада упала на пол. Кровь побежала по ее обнаженной груди. Я услышал хриплый стон и бросился на помощь. Но как помочь женщине с разорванной артерией? У Влады начались конвульсии. Она тянулась к осколку, но не могла поднять рук.

- Вытащи стекло,- прошептала она.-Через полчаса.... я превращусь в демонессу... и рабство духа продолжится. Не отдавай им меня. Пожалуйста...

Подумав немного, я выполнил ее просьбу. Смерть наступила быстро. В последние мгновения я гладил волосы Влады и успокаивал ее, как мог.

- Ты останешься человеком. Это главное. У тебя будут новые перерождения. В следующей жизни ты снова встретишься с мамой и старыми друзьями. Или даже со мной. И мы полюбим друг друга. Сейчас у меня не очень симпатичная внешность, но, может быть, в будущем я понравлюсь тебе. Ведь это возможно, Влада?

В какой-то момент она сжала мою руку. Очень сильно. Как будто прощалась. А затем ее тело расслабилось. Я снял с гвоздика белое покрывало, накрыл труп девушки, а затем встал рядом и произнес торжественную клятву. Примерно то же самое говорил герой из перового 'Дьябло', когда он нашел у входа в церковь тяжело раненого воина:

- Покойся с миром. Твой дух будет отомщен.

Мы с Иу нашли брошенный дом и решили переждать в нем до утра. Я покормил и побаюкал девочку, а позже, когда она уснула, уложил ее на кресле перед диваном, на котором устроился сам. Едва моя щека коснулась подушки, сон унес меня в странное место. Я стоял на разрушенном мосту, и ниже подо мной тянулся ров. В этой глубокой траншее толпились люди. Много людей. В их сутулых фигурах чувствовалась мрачная обреченность. С небольшой площадки, окруженной рвом, поднялся вертолет. Луч бортового прожектора скользнул по рваному краю моста и помчался через темноту куда-то в степь - возможно, к институту. Ко мне подошли два парня: один в нормальной одежде, второй - в монашеском балахоне.

- Как тебя зовут?- спросил первый.

- Я Жорик.

- Жора, посмотри на этих несчастных людей. Они одержимы демонами...

- Я знаю. Они вурдалаки.

- Нет, они такие же, как мы. Просто их ввели в другое состояние. Наверное, ты видел, как вполне разумный человек вдруг превращался в разъяренное животное? Как милая девушка вдруг начинала визжать и кривляться, словно обезьяна? В некоторых ситуациях мы воплощаемся в наших тотемных животных или копируем поведение других людей. Мы ведем себя так, как считаем нужным для нашего блага. Но этих несчастных изменили помимо их воли. Они не хотели становиться такими. Их сделали вурдалаками ради блага нескольких подонков. Скажи, ты мог бы вернуть им прежнее состояние?

- У меня есть несколько чар, но они предназначены для иных магических действий.

- Может, все-таки попробуешь?

Я скатал шарик и кликнул им на одном из вурдалаков. Он упорно срывался с контакта и из-за большой инерции казался очень 'тяжелым'. Но затем я подчинил его и направил в левостороннее движение. К моему изумлению, на проводку отозвалась вся толпа. Вурдалаки послушно зашагали влево. И тогда мне в голову пришла одна идея. Я начал менять их состояние, как будто действовал в режиме 'зум'. Они были загнаны демонами на самый 'минус' своих личностей. Мне потребовалось не меньше минуты, чтобы вывести их человечность в 'плюс' и довести ее до ста процентов. Уже где-то на половине шкалы они начали выражать обычные эмоции - страх, недоумение и возмущение. Эти сотни людей вдруг обнаружили, что они стоят в глубокой траншее, а не спят в своих квартирах и домах. Многие из них были почти не одеты. Какая-то их часть еще полчаса назад занималась беспорядочным сексом и уничтожала тех, кто не соответствовал природе вурдалаков. И теперь они осознавали, что с ними приключилась страшная беда, что на их руках и телах запеклась чужая кровь. Но я не мог очистить эти пятна. Мы, геймеры, слабы в очистке душ.

- Молодец!-сказал первый парень.- У тебя получилось! Что ты будешь делать дальше?

Станный сон переместил нас обратно в брошенный дом. Я заглянул в гостиную и убедился, что малышка по-прежнему спала. Рядом на диване лежала знакомая фигура. Я услышал собственный храп. Каких только чудес не бывает на свете! Вернувшись на кухню, я сел за стол напротив двух парней.

- Вы кто?

- Мы хакеры сновидений. Я Лот, а он - Ноде. Ноде не говорит. Он дал обет молчания.

Я где-то читал, что монахи часто отказываются от некоторых персональных опций. Тем, кто играл в 'Фаллаут' или в 'Рыцарей старой республики', это уже знакомо. За каждый отказ или занижение одной характеристики геймер получает несколько пойнтов, благодаря которым он может усилить другие черты личности. Например, занизив харизму, можно усилить выносливость или сопротивление радиоактивному воздействию. Уменьшив интеллект, можно увеличить силу или везение. Вот и Ноде, наверное, сделал нечто подобное: отказался от речи и нарастил себе другую опцию. Вполне логичный подход.

- Хакеры сновидений - это группа людей, которая исследует программы снов и яви,- продолжил Лот.- Мы научились контролировать свои сновидения и использовать их для перемещений в пространстве. Мы приносим из снов картины, книги и знание. Некоторые из нас способны исцелять тяжелые недуги, выводя больных из различных сновиденных лабиринтов. Кроме того, нам удалось создать метод, благодаря которому люди могут становить под контроль события, происходящие в мире. Мы можем вызывать дожди и останавливать пожары. Другими словами, мы объединяем магию с наукой, получая в результате техномагию.

Так бы сразу и сказал. Я встречал техномагов в своих предыдущих миссиях. Пару лет назад в некоторых играх - например, в 'Аркануме' - предлагалось строго разделять технические и магические навыки. Но позже от такой формальности отказались. И правильно сделали! Потому что, если существуют мама и папа - то есть, магия и техника - то должны быть и детки, объединяющие качества родителей. Я ведь тоже в какой-то мере

использовал техномагию. Так что мы с хакерами сновидений были одного поля ягоды.

- Жора, нам известно, что над тобой и другими людьми проводили эксперимент по демонической одержимости. К счастью, демон, вошедший в тебя, не смог одержать победу над твоей личностью. Возможно, как геймер, ты настолько привык подстраиваться к различным условиям и персонажам игр, что развил в себе большую силу воли, которая защищает тебя от чужеродного воздействия.

Тут он был прав. Нам, геймерам, часто приходится перевоплощаться в различных аватаров. Со временем, какой бы ни была игра, у конкретного игрока формируется особый стиль поведения. К примеру, я всегда нейтрально-добрый, немного жадный и доскональный при осмотре мест. Другие геймеры приобретают свой набор характеристик, который они сохраняют при любой игре.

- Я не чувствую этого демона. Клянусь, если бы мне не говорили о нем так часто, я вообще не знал бы о его существовании. Но, наверное, он действительно обосновался в моем теле. Во мне появилась новая сила, которой не было раньше. Меня боятся вурдалаки. Я могу управлять их толпой.

Лот сказал, что именно поэтому они и обратились ко мне. Им хотелось уменьшить вред от эксперимента, проведенного институтом. Носители демонов представляли огромную опасность для людей. При определенном стечении обстоятельств они могли уничтожить цивилизацию. По большому счету, человечеству просто повезло, что я мог снимать наведенное состояние одержимости. Поэтому ребята попросили меня взять на себя дополнительную миссию и помешать дальнейшим тестам нового парапсихологического оружия. Я понимал их ситуацию. К кому еще они могли бы обратиться за помощью?

- Жора, но ты должен знать, что это опасно,- предупредил меня Лот.- Как только они узнают о твоей способности убирать одержимость, на тебя начнется большая охота. Институтские сканеры выявят твое местонахождение, и в указанный район направят кучу снайперов. Мы должны разработать совместную стратегию.

- Совместную?

- Да. Например, Ноде может перемещать тебя в любые части города. Это собьет их сканеров с толку и заставит снайперов побегать. В крайнем случае, мы можем изменить конфигурацию пространства. Но риск для твоей жизни все равно останется большим. Ты должен учитывать это.

Я снисходительно улыбнулся. Знали бы они, каким опасностям я подвергал себя в 'Fable' и в 'Total Overdose'. А 'Маскарад' с вампирами? А 'Splinter Cell'? Помню, я застрял в газовой камере и начал задыхаться в зеленом тумане, а затем какая-то тварь разбила бронированное стекло и набросилась на меня. Вот это был риск! Смерть никогда не подходила ко мне так близко!

- Какой у вас план?

- Завтра руководство института будет отчитываться министру обороны. Доклад о результатах эксперимента снабжен демонстрационным материалом, который включает в себя кадры с сотнями одержимых горожан. Теперь представь, что произойдет, когда утром институтское руководство узнает о полном исцелении зараженных людей. Это означает провал их проекта. Чтобы выяснить причину неудачи, они срочно проведут повторную атаку на

город. Они бросят в бой все свои силы. Без тебя этому городу конец. Население будет уничтожено.

- То есть, против меня выступят четыре демона? Вы думаете, я справлюсь?

- Мы надеемся на это.

Встав из-за стола, я достал из сумки молоко и овсяные печения. Между прочим, лучшая диета геймера. Проверено на опыте. Конечно, мне могут возразить. Я знал ребят, которые проходили игры под чипсы и 'колу'. Кое-кто из старшего поколения предпочитает ветчину, сухарики и крепкие напитки. Но все это 'сажает' печень и желудок. А в жизни геймера и без того достаточно проблем. Лично мне по душе печения. От них много крошек, которые застревают в кейборде, но зато они обостряют мыслительный процесс.

Я предложил гостям перекусить. Ноде покачал головой. Лот налил стакан молока и сделал большой глоток. Я заметил два широких шрама на его руке. Похоже, ему тоже доводилось участвовать в битвах.

- Понимаете, парни, я бы сразу согласился помочь. Мне не в лом, и опасностей я не боюсь. Но у меня на руках ребенок. Я нашел пропавшую дочь моего духовного учителя и должен отнести ее к нему. Вот если бы Ноде мог перенести нас туда...

- Куда именно? Тебе знакомо это место?

- Еще бы! Каждый уголок! Психиатрическая клиника в Москве. Имени Корсакова. Улица Россолимо, дом одиннадцать, строение 'А'.

- Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Ноде перенесет вас туда. Тебя и девочку. Ему не нужно адреса. Достаточно твоих воспоминаний.

- Послушай, Лот, а вас много? Я имею в виду хакеров сновидений.

- Ну, если по всему земному шару поскрести, то сотня наберется. Основная группа невелика. Однако у нас тысячи последователей. По большому счету, это молодежь, хотя есть и пожилые люди.

- А вы могли бы принять меня в свое сообщество? Я ведь тоже исследователь... И техномагией владею! Мне было бы приятно бороться со злом не просто, как Жорик, а как хакер сновидений, за которым стоят тысячи людей.

- Хакером сновидений может стать каждый. Этот статус определяется не мнением и выбором других людей, а симпатией твоей души. Тем, как ты видишь наш мир.

- Спасибо, друг. Я оправдаю доверие братства.

Лот рассмеялся и спросил:

- Второй 'Фаллаут'? Братство Стали?

Я пожал плечами. Нашел, над чем смеяться! Такие фразы из игр должен знать любой интеллигентный человек.

- Мы вернемся к тебе завтра утром,- сказал Лот.- Приготовься к путешествию.

Он тронул Ноде за руку, и тот, взяв овсяное печение, преломил его перед мной. Я взглянул на две половинки, влетел в широкий темный тоннель и через миг оказался в маленькой зловонной камере. На моих руках посапывала Иу. Тусклая синяя лампа освещала нары, на которых сидел мой учитель. Он почти не изменился. Могущественный гений, безмолвный и непроницаемый. Тем не менее, заметив меня, он приветливо угукнул и похлопал ладонью по стене. Я знал, что учитель был рад. Еще бы! Такая встреча!

Иу проснулась, посмотрела на отца и хрипло выдохнула воздух. Наверное, они телепатически общались друг с другом. Отец и дочь! В ее глазах сиял восторг. Она повернулась и признательно ущипнула меня за щеку.

- Будь счастлива, девочка,- прошептал я ей.- Теперь вы вместе, и ничто не помешает вашему возвращению домой, в Восьмой мир. Не забывай меня. Мы проделали нелегкий путь, и ты вела себя достойно.

Я поцеловал ее в лоб и усадил на нары рядом с отцом. Учитель покосился на нас и хмыкнул. Похоже, он еще не совсем отправился от внезапного счастья.

В моей голове раздался хриплый бас:

- Ты оказал мне большую услугу. Я хочу вознаградить тебя.

- Это вы, учитель?-спросил я вслух.

- У тебя плохая перспектива,- продолжил голос.-Ты будешь сражаться с остальными носителями демонов. В этой борьбе ты либо погибнешь, либо одержишь победу. В первом случае тебя ждет смерть; во втором - долгий плен в ловушке протобытия. Тебе уже известно, что действовать там ты не сможешь. Это будет утомительное и, возможно, безнадежное ожидание.

- Учитель, я поражен твоей осведомленностью.

- Фактически, перед тобой стоит выбор - физическая смерть или духовная.

- А если мне помогут хакеры сновидений?

- Тогда они ускорят твое пленение в инфернальных пространствах.

Внезапно смысл слов, прозвучавших в моем уме, ошеломил меня. Я, молодой и перспективный парень, техномаг и хакер сновидений, должен был погибнуть. Нет, конечно, я не испугался. Мои страхи остались позади - в начальных играх. Помню, в одной из них я поссорился с мамой и сказал ей, что хочу уйти из дома. В той игре мне было пять лет. Мать ответила, что не возражает против моего ухода, но только при одном условии - я мог взять с собой в дорогу лишь то, что действительно принадлежало мне. Она забрала у меня одежду и обувь, игрушечный пистолет, свисток и доллар, который подарила на день рождения. Я остался голым, никому не нужным маленьким мальчиком. Меня душили слезы, страх и обида. Я с ревом выбежал во двор. Мы жили в ту пору в частном доме, в Бутово. Ночная тьма напугала меня и едва не заставила вернуться в дом. Холодный дождь жег тело. Босые стопы скользили по мокрой земле. Мир превратился в насмешливого судью. 'А хватит ли духу, Жорик?' Я мог бежать в любую сторону, но только не назад. И я бежал - через кусты, через забор, через темную ночь в неизвестное. А затем ко мне метнулась черная тень. Огромное чудовище с оскаленной пастью. Я видел белые клыки. Мне было очень страшно. Не помню всех деталей, но в моей руке оказалась палка. Я закричал и ударил животное. Я бил его до тех пор, пока оно не завизжало и не превратилось в соседского пса. После этого силы оставили меня, и я пришел в себя уже дома. Мать сказала, что я поступил, как мужчина. С той поры она уважала меня. А я перестал испытывать страх. Пугался иногда, конечно, но страха больше не было.

Такое часто случается с геймерами. Мы попадаем в незнакомые миры, встречаем опасности и, адаптируясь к новому окружению, покоряем свой страх. Позади у каждого из нас череда побед и приключений; впереди - надежды на хорошие игры. Жизнь кажется долгой - почти бесконечной. Но когда приходит финал, за которым только пустота, геймер чувствует оцепенение. Страх нет. Просто некая пауза в цепочке дел. И затем

наступает небольшое разочарование в своих ограниченных возможностях. Большой геймовер, после которого экран сознания померкнет, и на твое место придет другой паренек. Но все равно это лучше, чем вековое ожидание без намека на движение.

- Если мне суждено выбирать между адом и смертью, я выберу смерть.

- О вкусах не спорят,- отозвался голос.-Но ты можешь потребовать от меня ответную услугу.

- Любую?

- Почти.

- А можно как-то обмануть физическую смерть?

- Обмануть?

Учитель погладил руку дочери.

- Мне нравится ход твоих мыслей. То есть, ты хочешь выйти в главное меню и оттуда загрузить себе новую жизнь?

Я кивнул.

- Хорошо,- сказал голос в моей голове.-Ты станешь геймером, обманувшим смерть.

Учитель послунывил палец и приложил его к глазу. Затем он угукнул и повторил этот жест. Малышка заплакала. Наверное, ей не хотелось расставаться со мной. За дверью слышались шаги. Я отступил к стене и оказался в коридоре. Запах домашних блинчиков унес меня в другое сновидение, с ярким днем и дачным домиком бабушки. Мне пришлось напрячься, чтобы вернуться к прежнему сюжету, но я почему отказался не в камере учителя, а в комнате дежурных сестер. Марфа Сергеевна, которую я часто вспоминал добрым словом, получала 'разнос' от грозной Светланы Николаевны.

- А мне откуда знать, как она туда попала! Может, Ванька с бодуна решил поумничать. Он уже с вечера лыка не вязал. Небось, взял девку из зверинца и подсунул тому лешему. А вам все Марфа виновата! Сначала смотрите, кого на работу берете!

- Она же орет, как резаная!-наседала дежурная по смене.-От ее плача стекла трескаются!

- Мы хотели забрать девчонку, так он же не дает!-оправдывалась тетя Марфа.-Я к нему и с яблочком и куклу ему предлагала.

- Зови мужиков! Пусть вернут девчонку в зверинец. И Ваньку ко мне! Я покажу ему сейчас, как шутки здесь устраивать!

Сон таял, сюжет удалялся. Я открыл глаза и посмотрел на кресло, стоявшее перед диваном. Иу не было. На кухне горел свет. Я вскочил на ноги и направился туда, надеясь увидеть Лота и Ноде. Но факт нашей встречи подтверждали лишь два стакана с недопитым молоком и печение, преломленное надвое. Выключив свет, я вернулся в гостиную и сел на диван. За окнами светало. Начинался последний день моей жизни. Я послунывил палец и приложил его к глазу. Ничего не случилось. Возможно, чара действовала только в особые моменты. Зевнув, я растянулся на диване и поправил подушку. Мне начал сниться новый сон.

Когда геймер становится хакером сновидений, он начинает задумываться о жизни и смерти. Что такое жизнь? Очевидно, это многопользовательская сетевая игра, с активным интерфейсом и большими возможностями, при которых каждый персонаж способен сыграть отведенную ему роль по своему

сценарию. Что такое смерть? Выбывание из игры. Люди либо используют свой лимит времени, либо не выполняют миссию, либо погибают по ходу героических поступков. Смерть - это очистка фрейма от использованных персонажей. Только в играх тела растворяются в воздухе, а в жизни мертвых хоронят или кремируют.

В чем смысл жизни? Конечно, не в посаженных деревьях, построенных домах и выращенных детях. Это типовое направление, за которое люди не получают бонусов. Смысл жизни в мастерстве прохождения игры! В экспрессии! В уровнях совершенства! Вот, например, играю я во 'Врата Бальдура' или в 'Icwind Dale', и игра кончается. Кого из аватаров я импортирую в сиквел 'Бальдура' или 'Айсвинд Дэла'? Естественно, самого эффективного! Того, кто мне понравился. Самого 'прокаченного' и интересного. И наши создатели поступают так же! Я уверен в этом. Они импортируют в следующую жизнь лишь тех людей, которые показали себя героями, которые стали их любимцами. Кому нужен задохлик-писатель, всю жизнь строчивший тома о чужой любви и выдуманных приключениях? Кому нужен редактор, правивший его книги? Кому нужна домохозяйка, праведно сновавшая между кухней, телевизором и постелью задохлика-писателя? Всех их ждет забвение. И только мы, герои, имеем шанс на новое перерождение. Но даже нам приходится ежесекундно напрягаться в борьбе за каждый пункт, в сражении за совершенство. Герои не упускают случая показать себя в деле. Они стремятся выполнить любую промежуточную миссию. Таков наш путь и таково наше предназначение.

Когда ребята вернулись, чтобы взять меня с собой, я был готов к свершению подвига. Мне не нужно было затачивать меч или подтягивать тетиву лука, поэтому я просто сходил в туалет, надел чистое белье и сбрил пух на щеках и подбородке.

- Пошли?-спросил Лот.

Я кивнул, и мы тут же очутились на плоской крыше многоэтажного дома.

- Кое-что изменилось, Жора. Тебе придется сражаться против трех демонов. Женщина-мутант, которая участвовала вместе с тобой в эксперименте, была убита этим утром. Ее долго не могли поймать, но, в конце концов, загнали в коллектор и забросали гранатами с парализующим газом. Среди этих гранат одна оказалась осколочной. Очевидно, кто-то из солдат был против дальнейших экспериментов с демонами. Женщина в тот момент была в своем первоначальном облике. Ее разорвало в клочья.

- Она помогла мне в прошлой миссии,- печально отозвался я.-Пусть творцы игр даруют ей новое существование. Знаешь, как ее звали? Сапанибал. Хорошее имя.

Ноде менял конфигурацию пространства. Я видел, как здания сливались в единую линию, отделяя одну часть города от другой. Защитный барьер походил на огромную подкову. На ее открытом конце уже разгорались пожары. Трое демонов при поддержке вооруженных сил округа входили в город с целью уничтожить мирное население. Дети, женщины и мужчины превращались в толпу марионеток - в существ, которые убивали 'отверженных' и предавались сексуальным оргиям. Я уже видел темную массу, которая гигантской волной катилась по скверам и улицам. Я видел вертолеты, летевшие к нам с единственной целью - уничтожить нас, не дать помешать бесчеловечному эксперименту. Но Ноде воздвиг перед нами магический щит. Выпущенные снаряды увязли в воздухе и разорвались без вреда. Пулеметные очереди, нацеленные в нас, не достигли цели.

Затем мы перенеслись вперед и вниз - в изгиб 'подковы'. За нами возвышалась стена девятиэтажного дома. Она тянулась в обе стороны, смыкаясь с современными 'высотками' и хрущевскими пятиэтажками. Перед нами в каких-то ста метрах двигалась толпа одержимых людей.

- Действуй,- сказал Лот.

Он отступил на шаг и встал рядом с Ноде за моей спиной. Я скатал шарик и кликнул им на женщине, шагавшей в первом ряду. Она остановилась, попятилась назад и скрылась в толпе. То же самое случилось с мужчиной, затем со старухой и с мальчиком. Меня немного трясло от вида такой массы одержимых людей. Я сосредоточился на толпе, унял дрожь в пальцах и вошел в режим 'зума'. Особых трудностей с управлением не было. Казалось, кто-то из трех демонов помогал мне разряжать их наведенное поле. Когда я начал смещать движок на шкале человечности со ста процентов 'минуса' на 'плюс', в толпе раздались крики. Меня немного нервировали пули снайперов, которые впивались в магический щит Ноде и падали почти у наших ног. На самом деле я ничего не знал об одержимости. 'Шкала человечности' и 'зум' пришли мне на ум по аналогии с компьютерными программами. Тем не менее, я каким-то образом возвращал людей в их обычное состояние. Они приходили в себя, ужасались и возмущались. Они понимали, что ими манипулировали, что их превращали в безвольных и послушных тварей. Остатки смутных воспоминаний об убийствах и животном сексе наполняли людей отвращением и страхом.

Толпа отхлынула назад, оставив впереди три чудовищные и почти гротескные фигуры. Слева был мой тайный помощник - мужчина-мутант. Он сжимал в руках длинный меч. За его спиной поднимались крылья. Падший ангел, отвергнутый небом. Герой, поверженный, но не покоренный. В центре располагалась злющая худая демонесса. Я едва мог смотреть ей в лицо. Она источала безумную ненависть. Справа от нее шагал клыкастый и шипастый монстр. Динозавр-гуманоид, с огромным топором в одной руке, и с автоматом - в другой. Свояк в своем истинном облики. Он самого начала мне не нравился.

Три демона напали к нам навстречу. Я, Лот и Ноде поджидали этих жутких тварей у стены. Толпа отхлынула назад, но люди не расходились. Они зачарованно наблюдали за нашим противостоянием. Все понимали, кто есть кто, и на чьей стороне была правда. Я еще больше увеличил процент человечности. Наведенное поле одержимости разорвалось. Мое воздействие затронуло демонов, и они приняли человеческий вид. Дочь Свояка упала на колени. Истощение двух прошлых дней превратило ее в жалкое подобие прежней Насти. Мутант приблизился к ней и вдруг - я даже не поверил своим глазам - пронзил тело девушки длинным мечом. Она громко закричала:

- Папа!

Настя протянула руки к отцу, упала на рукоятку меча и еще сильнее погрузила лезвие в плоть. Затем она перекатилась на бок и замерла в луже крови. Свояк метнулся к ней. В двух шагах от дочери он понял, что уже потерял ее. Не сводя взгляда с Насти, он приподнял автомат и выпустил в мутанта половину обоймы. Мужчина, похожий на скелет, упал, как подкошенный. Настало время и мне попрощаться с миром.

- Убери свой щит,- попросил я Ноде.

В одной из игр мать пристроила меня к репетитору по математике. Это был интересный старик, который ввел меня в мир древних философов. Я брал у него старые книги в кожаных переплетах. Таких теперь, увы, уже не делают. Эти томики пахли Египтом и Грецией, средневековой Испанией и

Италией. Моим любимым автором стал Сенека. Я часто цитировал его, удивляя друзей и знакомых. Он был стоиком, человеком знания и духа. В оценках смерти я полагался на него. 'Сделай шаг вперед - и ты поймешь, что многое не так страшно как раз потому, что больше всего пугает. Никакое зло не велико, если оно последнее. Пришла к тебе смерть? Она была бы страшна, если бы могла оставаться с тобою; она же или не явится или скоро будет позади; никак не иначе.'

- Подожди,- вскричал Лот.-Мы сами ликвидируем его!

- Нет! Это наше личное дело.

Я направился к Свояку. Он сидел рядом с дочерью, нашептывая ей слова, которые она больше не слышала. Две жертвы института. Две сломанные жизни. Мне было жаль Василия Алексеевича, но я понимал, какую опасность он представлял для остальных людей. Наше участие в эксперименте началось с того, что мы заключили временный союз. Он и я. И нам теперь нужно было завершить эту безумную цепь событий. Он поднял голову и посмотрел на меня.

- Ты?-прохрипел Свояк.- Так это все из-за тебя?

- Мы были подопытным материалом, если помнишь. Не я вселил в тебя демона. В битве против зла ты и твоя дочь сдались врагу. Вы начали уничтожать людей. Кто-то должен был остановить резню душ, и это сделал я. Если бы ты обладал достаточной силой, то сейчас бы стоял на моей стороне.

- Значит, это сделал ты...

Он погладил дочь по щеке и поднялся на ноги. Мы стояли в двух метрах друг от друга. Он, натасканный бывший спецназовец, вооруженный автоматом, приемами кунг-фу и самбо, и я, простой безоружный паренек, который только что спас город и, возможно, мир. Я мог бы скрутить шарик и превратить его в послушную марионетку, но наш спор не позволял подобных хитростей. Это был разговор между жертвами предательства, но один из нас пошел служить своим тиранам, а другой восстал и одолел их.

Он навел на меня автомат.

- Ты отнял у меня все, Хорек. Мою власть, мою возможность отомстить этому миру. Я хотел преследовать его, как он преследовал меня. Я хотел издеваться над ним. Я хотел душить и терзать его, как он душил и терзал меня. Ты отнял эту радость.

Я посмотрел на небо. Оно сияло синевой. Две птицы кружили над нами. Прощайте, небо и птицы.

- У меня была дочь, Хорек. Девочка, которую я любил большего всего на свете. Ты отнял ее. Ты забрал все, что у меня было.

Я посмотрел на горожан, стоявших в притихшей толпе. Они ловили каждое наше слово, пытаясь понять размеры той беды, которая случилась с ними. Прощайте, добрые и злые люди.

- Да, Василий Алексеевич, я забрал у тебя месть и демоническую силу. Я способствовал смерти твоей дочери. Мы оба знаем, как это произошло. Но ты имеешь право на последний ход. Выбирай, что будешь делать дальше.

Пуля снайпера пробила мне плечо. Я отшатнулся от тяжелого свинцового удара. Боль помутила сознание, но мне удалось послушать палец и приложить его к глазу. Эта чара вернула силы и отвагу. Учитель знал, чем помочь ученику.

Свояк обернулся назад и закричал:

- Он мой! Вы слышите, суки! Он мой!

И затем, взглянув на меня, с оскалом сидевшего в нем демона, он нажал на курок, выпуская посланников смерти. Мне хотелось раскинуть руки в

стороны, прощаясь с миром и делая последний вздох... Но рана в плече парализовала тело. Пули входили в грудь одна за одной, как комья грязи, брошенные озорным мальчишкой. В одной из игр мы с друзьями пошли на реку, и там часть берега была покрыта жижей из глины. Как мы тогда смеялись, скользя по ней на животах, кидаясь комьями друг в друга...

Волнистая красная пелена, со сгустками крови, опускалась с небес, словно занавес сцены. Мир остался за ней. Вниз побежали неразборчивые титры. Большой геймовер. Я так и знал. Даже у учителя не было чар против смерти. Хотя нет... В последнее мгновение я увидел меню программы с тысячами лучших игр, которые были и будут созданы для настоящих геймеров. И я успел кликнуть по какому-то названию! Пошла загрузка... Wait! Loading... ..

Эпи(лог гомункулуса)

Я, искусственный разум института биохимических исследований, собрал эти мемуары для последующего обмена файлами с моим зарубежными коллегами. Проект 'Лилит' закончился полным провалом. Последний носитель демона сгорел в вспышке пламени. События, происшедшие в городе, всколыхнули общественность. В высшие инстанции поступили жалобы; была назначена комиссия, к которой подключились депутаты округа. Их расследование длилось семь месяцев, после чего дело 'спустили на тормозах', а гибель многих горожан списали на 'форс-мажорные обстоятельства'.

Губительница душ, попав в камеру пожилого олигофрена, похитила его судьбу, переместилась в прошлое на двадцать шесть лет и вошла в контакт с известной сибирской целительницей, проводившей старость в закрытых психиатрических учреждениях. Через нее она затерялась в пятидесятых годах прошлого столетия. Несмотря на свою бесчеловечную и, можно сказать, неорганическую природу, она выполнила обещание, данное Жорику, и тот стал первым геймером, обманувшим физическую смерть. Время от времени его можно встретить в новых интересных играх.

Министр обороны объявил генералу строгий выговор, но с должности не снял - лишь велел навести порядок во вверенной ему 'епархии'. Генерал принял его слова к сведению. Он велел выявлять ведущих хакеров сновидений, которые на данный момент проявляли активность в сети Интернета. В расстрельный список попали Масяня, Консте, Дедал, Эприл, Мист, Найтволкер и еще пара дюжин ребят с подобными никами. За ними началась охота. Возможно, в следующем архивном файле я подытожу материалы о 'зачистке' хакеров, но это будет новая и совершенно другая история. Воистину, как говорили мудрецы, пусть 'сказания о первых поколениях ХС станут назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события происходили с иными людьми, и поучался этому.' Я же пока умолкаю и, с вашего позволения, прекращаю дозволенные речи.